

К 1451460

oc

Александр
Яшин

ЭТИ ВОТ РОДИМЫЕ МЕСТА

**СЛОВЕСНОСТЬ
ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ
ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА**

1913–1968

Александр
Яшин

ЭТИ ВОТ
РОДИМЫЕ МЕСТА

k1451460

ВОЛОГДА
«Учебная литература»
2013

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Рус)6
Я 96

Составитель С. Ю. Баранов

Я96 Яшин А. Я.

Эти вот родимые места. – Вологда: Учебная литература, 2013. – 256 с.: ил.

ISBN 978-5-98925-036-3

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Рус)6

Выпуск книги приурочен к 100-летию со дня рождения А. Я. Яшина, известного русского писателя середины XX века. В книгу вошли поэтические и прозаические его произведения, а также стихи, ему посвященные. Предназначена книга для школьников среднего и старшего возраста.

ISBN 978-5-98925-036-3

© Наследники, 2013
© Баранов С. Ю., составитель, 2013
© Попова-Яшина Н.А., участие
в составлении, 2013
© Оформление. ООО «Учебная
литература», 2013

НЕМНОГО О СЕБЕ

Родился я в 1913 году в деревне Блудново Никольского района Вологодской области. Отца своего не помню, он погиб в Первую мировую войну. Семья наша постоянно бедствовала, и мне рано пришлось начать работать в полную силу.

Вероятно, для каждого любимые с детства места представляются неповторимыми. Но думается, что в отношении наших вологодских и архангельских лесов это не просто игра воображения. Таинственные волока¹, медвежьи буераки², жизнь среди охотников и звероловов таили в себе для детского возраста столько прелести, что, может быть, поэтому я склонен вспоминать из той поры больше хорошее, чем плохое и жестокое.

Летними вечерами в мою родную деревню нередко вместе с коровами заходили с выгона лоси. И, кажется, нигде на свете не было такого множества грибов, ягод и таких прозрачных родников с живой водой (конечно, с живой!), как у нас...

Поныне живет в наших местах неистребимая любовь к бывшим и сказкам. В полях, на дальних сенокосах, в охотничьих избушках и на лесосплаве – нигде отдых не проходит без сказок.

¹ Волок – большой лес между селениями.

² Буерак – глубокий овраг с крутыми склонами.

Сказочные сюжеты воспринимались мною с детства как что-то очень близкое, обжитое, свое. И стихи складывать я начал очень рано. Помню свою первую ученическую поэму «Про Арсеню-батрака», про то, как он «за осьминку¹ табака робил год у кулака». Все, о чем рассказывалось в поэме, было правдой, и крестьяне, пожилые и молодежь, нередко заставляли меня читать вслух эту «складную бывальщину». Им, тогда в большинстве неграмотным, казалось удивительным, что не только про Илью Муромца и Алешу Поповича, но и про Арсеню-батрака, про свое близкое, житейское могут быть сложены стихи.

Печатать мои стихотворения начали в 1928–1929 годах в районной газете «Никольский коммунар» и в газетах Великого Устюга – «Ленинская смена», «Советская мысль» и «Северные огни». Несколько стихотворений было напечатано в московском журнале «Колхозник». Непосредственное участие в организации и укреплении колхозов надолго определило мою основную литературную тему.

По окончании семилетки и Никольского педтехникума я был сельским учителем в Чебсарском районе Вологодской области. В 1932 году при Вологодском пединституте сдал экзамены на звание преподавателя литературы и русского языка неполной средней школы². В этом же году в Вологде был создан Оргкомитет Союза советских писателей, – я стал его председателем.

Позднее меня перевели на работу в Архангельск, в Северное отделение Союза советских писателей. Там, в Архангельске, в 1934 году вышла первая моя книжка стихов «Песни Северу».

Становление литератора – процесс трудный и длительный. Немало лет проходит со дня опубликования в периодике сти-

¹ Осьминка – около 50 г.

² Неполная средняя школа – семилетка.

хов молодого поэта до появления его первой книги. А на проверку нередко оказывается, что эта первая книга – лишь проба пера. Именно это я почувствовал применительно к себе, когда участвовал в работе Первого Всесоюзного съезда советских писателей, и поэтому переехал из Архангельска в Москву и поступил в Литературный институт. Учился и одновременно работал заместителем редактора газеты ткацкой фабрики имени Маркова и печататься снова начал лишь спустя три года.

В первые дни Великой Отечественной войны я был принят в члены Коммунистической партии Советского Союза. Получая партийный билет, я уже имел направление на Ленинградский фронт.

В войну был вместе с моряками в батальонах морской пехоты Балтики, на кораблях Волжской военной флотилии под Сталинградом и на Черноморском флоте то в качестве редактора краснофлотской газеты, то политработником. Много писал очерков, заметок, стихов, рассказов. Довелось принимать и непосредственное участие в боях. В осажденном Ленинграде некоторое время работал в составе оперативной группы писателей при Политуправлении Балтфлота, которую возглавлял Всеволод Вишневский¹.

Первая моя московская книга «Северянка» была издана Гослитиздатом² в 1938 году. Через два года в том же издательстве вышла поэма «Мать» (в новом варианте «Мать и сын»). С той поры я опубликовал немало сборников стихов и поэм. Среди них «Земля богатырей», «Земляки», поэма «Алена Фомина», «Советский человек», «Свежий хлеб» и другие. После войны я много ездил по стране, подолгу жил в колхозах Севера, на новостройках – Волго-Доне, Куйбышевской и Сталин-

¹ Вишневский Всеволод Витальевич (1900–1951) – драматург, прозаик, в годы войны возглавлял оперативную группу писателей при политическом управлении Балтийского флота.

² Гослитиздат – Государственное издательство художественной литературы.

градской ГЭС. Был на целинных землях¹ Алтая, учился на курсах трактористов в Благовещенской школе механизации сельского хозяйства. Кое-что из пережитого нашло свое отражение в стихах.

Для писателя естественно желание видеть как можно больше, всегда быть вместе с народом и в меру сил содействовать его великим свершениям.

1958

¹ Целинные земли – не подвергавшиеся ранее сельскохозяйственной обработке земли; правительство рассчитывало путем освоения таких земель в Казахстане, Сибири, Поволжье, на Урале и Алтае резко увеличить производство зерна во второй половине 1950-х годов.

О МОИХ КОРНЯХ

Наверно, на всей земле нет человека, который бы никогда не летал во сне.

Я за свою жизнь летал во сне часто и подолгу, и каждый раз при этом чувствовал себя всемогущим. Стоит раскинуть руки – и отрываешься от земли, паришь над крышами, над лесами, над увалами¹. Стоит пожелать – и все самое необходимое сбывается: к людям приходит счастье и достаток, и самого тебя начинают любить, потому что ты сильный и добрый.

Конечно, во сне пишутся и лучшие книги, такие, которые способны влиять на судьбы людей.

Хорошо все-таки быть сильным и добрым – всемогущим!

Говорят, что с годами человек перестает видеть сны, в которых он летает. Не дай бог мне дожить до такой поры!

Я все еще летаю, хотя в марте этого года мне исполнилось уже пятьдесят лет. Летаю и все еще мечтаю, что смогу сделать что-то очень хорошее. Мечтаю даже больше, чем раньше, особенно теперь, когда всерьез взялся наконец за прозу.

Перевалила жизнь за половину, А я все думаю, что горы сдвину...

«Горы сдвинуть», конечно, никому из писателей не дано, но послужить «правде-матке» хочется. Тем более что теперь атмосфера в нашей Советской стране после XX и XXII съездов партии² располагает к серьезной и плодотворной творческой работе.

¹ Увал – вытянутая в длину возвышенность с пологими склонами.

² ...атмосфера ... после XX и XXII съездов партии – на XX и XXII съездах Коммунистической партии Советского Союза (1956 и 1961 гг.) были осуждены негативные тенденции во внутренней политике страны, имевшие место во второй половине 1930 – начале 1950-х гг., что способствовало оздоровлению общественной жизни.

До последнего времени я печатал в основном стихи и поэмы. Из тридцати с лишним поэтических сборников лучшей считаю книгу стихов «Совесть», вышедшую в 1961 году. Это плод моего запоздалого «переходного возраста», она выстрадана, а не сочинена.

Прозаический дебют свой отношу к 1956 году, когда был опубликован рассказ «Рычаги». После этого я долго ничего не печатал, хотя писать продолжал, и в 1962 году у меня вышло сразу три вещи: «Сирота», «Две берлоги» и «Вологодская свадьба».

Если в дальнейшем все пойдет так, как задумано и как хочется, то в текущем году напечатаю еще две-три из имеющихся у меня повестей и пьесу «Переходный возраст»¹. Готовлю также новую книгу стихов.

Писать много о себе не хочется. Верю, что у меня еще «все впереди». Но для новых моих читателей, вероятно, не будут лишними несколько слов о том жизненном материале, которым я располагаю.

Я родился и вырос в северных лесах, среди охотников и звероловов. Бездорожный край наш труден для жизни, но полон поэтического своеобразия и дремучей старины с ее былинами, сказками и бывальщинками². В Вологодской и Архангельской областях – что ни район, то свой особый говорок: мы окаем, цокаем и чокаем. Новое и старое, самобытное, как бы сплелось у нас в затейливые кружевные узоры. Рядом с колхозными электростанциями стоят еще деревянные шатровые

¹ ... *две-три из имеющихся у меня повестей и пьесу «Переходный возраст»* – повести «Выскочка», «Баба Яга» и «Единомышленники», о которых идет речь, были опубликованы после смерти писателя; работу над пьесой «Переходный возраст» он не завершил.

² *Бывальщик* – короткий устный рассказ о невероятных происшествиях, будто бы имевших место в действительности.

церкви¹, а в Тарногском районе женщины и по сей день носят расшитые бисером кокошники² и встречным вместо приветствия молчаливо отвешивают низкие поклоны, касаясь земли рукой. Многие из моих земляков не видели железной дороги, но зато летают на самолетах.

Я с детства приобщился к тяжелому и радостному крестьянскому труду – умею пахать плугом, косить косой, метать стога, жать серпом, плести лапти и даже прядь лен с веретеном и ткать пестрядь³ на самодельном стане. В 1954 году на целинных землях Алтая, чтобы лучше сблизиться с молодыми хлеборобами, я окончил вместе с ними курсы трактористов и сейчас могу работать и на тракторе.

Жизненный путь мой не прост. Я с детства знал, что буду поэтом, но вначале работал избачом⁴, учителем, газетчиком, затем, по окончании Московского Литературного института, прошел всю войну с моряками, а сельский материал мне как писателю все-таки роднее и ближе всего.

Страну свою я исколесил вдоль и поперек и знаю не только северную деревню, но писать хочется больше о тех местах, где я вырос, о своей заблудившейся в лесах деревне Блуднове, в которой и поныне живут мои неграмотные мать и сестра, мои «родичи и дядичи».

Конечно, землякам моим нелегко, много еще на Волгодчине дикости и прочих темных пятен, но я люблю свою сельчину такой, какова она есть, и большую часть года провожу не в Москве, а в родных никольских и великоустюжских сузёмах⁵. Бывает, что друзья тянутся на благодатные

¹ Шатровая церковь – церковь с завершением в форме 4-гранной или многогранной пирамиды вместо купола.

² Кокошник – женский головной убор в виде полукруглого щита.

³ Пестрядь – грубая домотканая материя из разноцветных ниток.

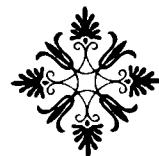
⁴ Избач – сельский культработник, заведующий избой-читальней.

⁵ Сузём – глухой, дремучий лес.

южные пляжи, в разные заморские страны, а я хоть и мечтаю о заграничных путешествиях, но оказываюсь неизменно в Вологодской области. Там все мои корни, все мои начала, там моя литературная судьба, мои герои.

И сейчас, когда мне и радостно и немного завидно, что они, герои моей повести «Сирота», отправляются в первую заграничную поездку, сам я снова собираюсь в свою деревню Блудново.

10 января 1963

поэзия

ДРУЖБА

И все равно я выберусь на кручи.
Друзья мои, ровесники мои,
Ведь иногда я падаю, чтоб лучше
Узнать цвета и запахи земли!¹

А. Прокофьев

Тропа неровная узка.
За каждым выступом – засада.
Я по каленым шел пескам,
Карабкался по грудам скал
И не однажды в пропасть падал.

Каскадом каменным в овраг
Неслись тяжелые породы.
Я падал, как подбитый,
Как
Упрямый альпинист-чудак,
В застойные немые воды.

Мир опрокидывался,
Рос
Безглазый хаос.
В черном небе
Метались стаи синих звезд.
Дымился Млечный Путь.
Выл Пес,
Плясал Дельфин,
Кружился Лебедь.

¹ *И все равно я выберусь на кручи и т. д.* – В качестве эпиграфа взяты строки из стихотворения А. А. Прокофьева (1900–1971) «Я, может быть, не в третий раз, а в сотый...» (1933).

В вираж и штопор шли стрижи.
Я падал.
Недруги смеялись.
Я падал.
Мне хотелось жить.
Густые дозревали ржи,
Плоды с деревьев осипались.

И каждый раз,
Сквозь вой и стон,
Чужие запахи и звуки,
Ко мне в теснину, под уклон
Друзья мои со всех сторон
Свои протягивали руки.

Разбитого,
В поту,
В пыли
Меня любовно поднимали.
И вновь – хозяева земли –
Мы в боевом порядке шли,
Товарищей бодря,
Шагали.

Бывало –
В темную пургу,
В мороз,
В сумятицу метели
Я в бред впадал.
Кричал врагу:
– Сдаюсь!
Я не жив...
Не могу! –
И бился на сырой постели,
Как ртуть в термометре.

А ртуть
Как лезвие клинка сверкала.
...Размякшая подушка. Муть.
Ожоги...
Умереть... уснуть...
Но только б не под одеялом.

В квартире тикают часы,
Как в медный таз вода из крана.
К окну на свет лучей косых,
Раскинув страшные усы,
Ползут седые тараканы.

Лежал я,
И мои друзья
К больному на заре спешили,
Портфели желтые грузя
Печеньем, фруктами.
Друзья
Меня, как всех друзей, любили.

Я начинал ходить –
Меня
На солнце под руки с постели
Вели.
Я слышал, как, звеня,
Ручьи текли
И, в даль маня,
В полях кричали коростели.

С зарей усталый почтальон
Тащился с письмами.
Летели
Они ко мне со всех сторон.
В них – нежный звон,

В них – дружбы звон,
Походный марш
И смерти стон,
Улыбки,
Смех
И вой метели.

Рожденная в дыму, в огне,
В сибирской каторге,
Острогах,
Промчавшаяся на коне
По в кровь расхлестанной стране,
Кривым, загаженным дорогам,
Как ток Днепра¹ на проводах,
Высоким вольтажом² богата,
Испытанная в холодах
Полярных зим,
В чукотских льдах,
В песках,
В гондоле стратостата³,
Спаявшая бездомных нас,
Оберегаемая свято,
Такая дружба не предаст.
Большая дружба
В тяжкий час
Не скажет:
– Расходись, ребята!

1934

¹ Ток Днепра – электрический ток, поступающий с Днепровской гидроэлектростанции.

² Вольтаж – напряжение электрического тока.

³ Стратостат – аэростат, предназначенный для полетов на высоту более 11 км; состоит из наполненного летучим газом баллона грушевидной формы и подвешенной к нему кабины для экипажа (гондолы).

ПРИСКАЗКИ

*Бабушке
Авдотье Павловне Поповой*

1

Метель вертела землю. Падал снег
То хлопьями,
То мелкий, бесноватый.
Все чаще деревянные лопаты
Прокладывали к низким окнам свет.

Чуть прояснится –
Скрипнет журавель¹,
Возьмут воды хозяйки из колодца,
И вновь сорвется с привязи метель,
И над лесами снова рев несется.

В такие дни закрыты все пути,
И хорошо в одном дому собраться,
Курить, да сеть артельную плести,
Да песни петь, – они всегда в чести! –
С мечтой и шуткою не расставаться.

– Теперь бы нам бы чудо-сапоги,
Ковер летучий да коня-савраску,
Коня такого, чтоб сказал: беги!
И ни тебе дороги, ни пурги,
Хоть до Москвы –
Ни холода, ни тряски.
– Авдотьюшка,
Давай, родная, сказку!

¹ Журавель – длинный шест с противовесом для подъема воды из колодца.

И, продвигаясь за сосновый стол,
Довольная,
Что вновь ее почтили,
Авдотья начинала:
— Жили-были...

А снег все шел.
И мужики курили.

2

Медведь лежал на берегу реки,
Лениво лапой рыбу выгребая,
И свежевал ее и ел.
Живая,
Широкая, зажатая в клыки,
Хлестала рыба зверя по глазам.
Рычанье разносилось по лесам.

Охотники подкрались с трех сторон.
Договорились: чтоб не портить шкуры,
Стрелять лишь двум.
Но не таков был бурый:
Лишь за семь пуль расстался с жизнью он.

Уже впотьмах спешили к шалашу,
К огню, к вину, к медвежьему борщу.

Тайга уснула.
В темные лога¹,
На просеки плашмя упало небо.

¹ Лог — широкий и длинный овраг с отлогими склонами.

За мясом рысь пустилась, мышь за хлебом,
Сова за мышью...
Ожила тайга.

И до чего ж была пестра, остра
Охотничья побаска у костра!

3

Девушка спустилась под откос
С золотой косой густых волос.
Под косынку косу убрала,
На стальную косу налегла
Да прошла береговой косой
По зеленой по траве с косой,
Полосой прошла не раз, не два –
Прослезилась росой трава.

Далеко от дома сенокос,
Для бригады надо хлеба воз;
Две недели надо спать в лесу,
По утрам сбивать с травы росу,
В полдень сено теплое грести –
Вёдренной поры не упустить.
Ночью отдыхает молодежь –
Но без сказки разве отдохнешь?

У лесной избушки дым и гам.
Лягут косари у очага,
И тайга замрет, и дым замрет:
Все глядит седому деду в рот.
Складно врет в делах бывалый дед:

Лыко в строку –
Слово слову вслед.

И пойдут по лесу лешаки¹,
Опираясь на кушаки,
Вилами азямы² повязав,
Ноги в руки,
На ремень глаза,
Дальнюю дорогу на плечо...
Дед их знает всех наперечет.
Машут в соснах лешаки кольем...
Было все.
Да поросло быльем.

Все заснут, придвигнувшись к костру,
Лишь не спит бывальщик в бору.
Складная, как песня на пиру, –
Носа не просунуть комару.

* * *

Так по сузёмам Юга и Двины
И в клубах новых,
И в домах старинных,
Окуренные на века в овинах³,
Живут поныне сказки и былины,
Бывальщины,
Побаски⁴ старины.

¹ *Лешак* – леший.

² *Азям* – верхняя одежда с длинными широкими рукавами и длинными полами.

³ *Овин* – постройка для сушки снопов.

⁴ *Побаска* – небылица, короткий забавный рассказ анекдотического или поучительного характера.

Они, как взлет натруженной мечты,
Как дым костра, пьянят и согревают...
Все лето
По всему родному краю,
Набрякшие, скрипя, плывут плоты.

И на любом – необходим, как свет,
И обожаем, словно бог удачи, –
Артельный сказочник, кудесник дед,
На весь сезон подряжен и оплачен.

Игольчатая, с блестками свинца,
Струит Двина просмоленные воды.
Плывут плоты при всякой непогоде –
Им нет конца.
И сказке нет конца.

Она шумит, как в ясный день тайга,
Течет рекой, то солнечной, то мглистой,
В узорчатых,
То низких, то скалистых,
Травой и мхом расшитых берегах.

Я до утра порой не мог заснуть
У бабушки.
Чего в тех сказках нету!
День наступал. Душа тянулась к свету.
Наставь, родимая, на светлый путь!

1937–1939

ТУЧА

Издалека,
Томясь от слезной муки,
Играя снежной белизной плеча,
Заламывая молнии,
Как руки,
Тень, будто шаль,
По травам волоча,
Она плыла.

Весь мир припал и замер,
Истосковавшись, ждал:
Придет гроза.
Глядело жито желтыми глазами
В ее большие влажные глаза.

Ничто вокруг не вызвало тревоги.
Пред тучей полдень побледнел и смерк,
Вились воронки ветра на дороге,
Несмелые,
И поднимались вверх.

Вдруг раскололо воздух черным громом,
И хлынули свистящие клинки.
В полях осталась смятая солома,
В садах продрогших –
Яблонь костяки.

1936

* * *

Никогда так низко не свисали
Наливные яблоки в саду.
В жизнь свою так парни не плясали,
Как плясали в нынешнем году.

На угоре¹ павами по кругу
Плыли девушки в красе-басе²:
Выбирайте по сердцу подругу!..
Но плясали парни, да не все.

Не для всех роса была душиста,
Шелковисты травы на лугу.
Самого лихого гармониста
Не было со всеми на кругу.

Полуночь в чугун не отстучали
С каланчи³, знакомой искони, –
Он ушел один в тоске-печали,
Голову на росстани⁴ склонил.

И над полем, над тайгой-лесами
В первый раз в предутренний туман
Всеми бархатистыми басами
Загрустил его большой баян.

¹ Угор – пригород.

² Баса – здесь: наряд.

³ Полуночь в чугун не отстучали с каланчи – на дозорной вышке по-жарной части (каланче) сторож оповещал о наступлении полночи ударами в чугунную доску.

⁴ Росстань – распутье, перекресток дорог.

Как решетка, тын¹ стоял поодаль.
Сквозь решетку он смотрел во тьму.
Может, друг руки ему не подал?
Изменила девушка ему?

Может, просто парню не поется?
Не судите:
Даже на пиру
Все порой кому-нибудь взгрустнется;
Сосны тоже разные в бору.

Пальцы еле клавишей касались...
А на что уж было веселей:
В жизнь свою так, верно, не плясали,
Как плясали ныне на селе.

1937–1939

¹ Тын – деревянный сплошной забор.

ХУДОЖНИК

В открытые настежь четыре окна
Врывается шум водопада с плотины...
Он ходит по комнате.
Дверь... Стена...
Косится на мертвый кусок полотна:
Картина готова... и нет картины.

Как будто разгадка уже близка:
Вот, кажется, несколько солнечных линий –
И рамка сосновая будет узка,
И стены дыхание неба раздвинет,

И ветер ударит по проводам,
Как в сказке вздохнут берега, расступаясь.
И, словно с плотины, хлынет вода
К ногам с полотна,
Журча, как живая...

Но краски не светятся, память молчит,
И время с утра уходит без проку.

А в роще по листьям скользят лучи.
Ребята горланят у самых окон.

На берег выходит толпа девчат,
Передники в крапинках волчьих ягод...
Он хочет захлопнуть окно, закричать,
Чтоб не мешали...
Но вот они рядом,

Они уже в комнате... на полотне...
И вдруг озаряется вся картина.
Так лес поутру проступает в огне
Зари,
Так сияет улыбка сына,

Так дерево крепнет от вешних смол,
Поля молодеют, дождями омыты...

«Нашел! За палитру, за кисти!.. Нашел!»
И хорошо, что окна открыты.

1936–1937

* * *

Не позабыть мне первых схваток,
Разбитых сел, дорог в крови,
Ночей под кровом плащ-палаток,
Как первой не забыть любви.

Все шло не так, как представлялось,
Как в книгах вычитал, —
Не так.
Все было ново: дождь, усталость,
Разрывы мин и гул атак.

Заране знать хотел, бывало,
Как поведу себя в боях:
Не осрамлюсь ли поначалу,
Не заберется ль в сердце страх?

И, убедившись, встав под дула,
Хлебнув и гула и огня,
Что сердце не захолонуло,
Кровь не свернулась у меня,

Что я ни в чем других не хуже
Переношу тяжелый путь, —
Я затянул ремень потуже
И широко расправил грудь.

Конечно, стало представляться,
Что ты храбрейший из солдат:
Конечно, все тобой гордятся,
На одного тебя глядят.

С тобой – удачи и победа,
Поёшь и ходишь, как во сне.

Кто эти чувства не изведал,
Тот просто не был на войне.

1941

ПОЛЕ

О, поле, поле!..¹
Пушкин

Где конец его и где начало?
За два дня вокруг не обойдешь.
Рожь лежит: не ветром укачало –
Танки с глиною смешали рожь.

Здесь они, склонив стволы, стояли,
Как слоны в озерных тростниках,
Только птицы к ним не подлетали,
Не роились мухи на боках.

Трупы, загнивающие в яме,
Ржавые винтовки и штыки,
Желтый ров с размытыми краями,
Словно русло высохшей реки.

Гильзами забитые окопы,
Черепки яичной скорлупы,
Проволокой спутанные тропы
И, как трупы, желтые снопы...

Полюшко родное!
Светлый воздух.
Политая потом грудь земли.
Уцелели радуги да звезды...
Чистым полем варвары прошли.

¹ *O, поле, поле!..* – Цитата из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Мы стоим – бушлаты нараспашку:
– Ничего! Крепитесь, моряки!¹
Час придет – возьмемся за распашку:
Нам и поле поднимать с руки.

1941

¹ *Крепитесь, моряки!* – А. Я. Яшин воевал в морской пехоте.

БАЛЛАДА О ТАНКЕ

Советский танк попал в болота –
Еловая прогнулась гать¹,
Его бомбили с самолета,
Его фашистская пехота
Под вечер стала окружать.

Крича, строча из автоматов,
Солдаты, как из-под земли,
Осматриваясь воровато,
К нему со всех сторон ползли.

Танк был из пушки, пулемета,
Сжигая травы на корню.
Но вот мотор заглох...
Пехота
Насела с гиком на броню.

Он, словно мамонт – в иле, в саже, –
Затихнув, бивень опустил.
Его пленили с экипажем
И в штаб решили отвести.

Немецкий танк подкрался с тыла,
Чтоб наш разить его не мог.
Широкозадый, тупорылый,
Он заревел, что было силы,
Налег на цепь и поволок.

Вода и грязь текли с металла.
Осенний день совсем погас...

¹ Гать – настил по болоту.

Но кто видал,
Когда бывало,
Чтоб на цепи водили нас?

Едва из топкого болота
Наш танк втянули на увал,
Как вдруг шаражнулась пехота:
Мотор включенный заработал,
Зарокотал,
Забушевал.

Взгревев утробою железной,
Рванулся танк.
Сама земля
К нему под гусеницы лезла:
Вперед, к своим – он в ров безлесный
Пошел, по травам гром стеля.

Пошел лугами к дальним хатам,
Подмяв пенек, подрезав ствол, –
Он сам уже врага повел! –
На третьей скорости,
На пятой,
На двадцать пятой он пошел.

Казалось, ветер в поле стих,
Казалось, сосны молодели:
На танк во все глаза глядели,
И камни серые хотели,
Чтоб он оставил след на них.

1941

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПОЭМА (Фрагменты)

* * *

На углу толкучка,
Замедлен шаг, –
Это блокадный
Универмаг.

В рваных ватниках матери,
В женских шалях отцы.
Голодные покупатели,
Голодные продавцы.

Нет ни мясных, ни молочных –
Нет рядов никаких.
Все без весов – с руки,
Но взвешивается точно.

Взвешивает рука
Покачиванием –
Наверняка.

Табак продается понюшкой,
Затяжкою – по рублю.
«Триста рублей осьмушка,
Дешевле не уступлю!»

Граммами хлеб – не пакетами...
Хлеб и табак в цене,
С серьгами, с самоцветами,
С золотом наравне.

Женщина на чемодане
Мертвым голосом тянет:
– Салфетку и кружева,
И котиковую шапку
Меняю на дрова –
На одну охапку.
За бусы и брошки
Хлеба немножко...

Неужель эта женщина –
В трупных пятнах лицо –
Носила нитки жемчуга
И платиновое кольцо?

Что-то вроде творога
Идет за бриллианты:
– Не дерите дорого.
– Мы не спекулянты.

Два волосатых одра¹ несут
В ржавом ведре жирный суп.
Из какого мяса?..
Из каких круп?..
Его не берут.
– Под суд!
– Под суд!

Здесь на углу, на народе
Хоть с полчаса побудь
И ничего не забудь.

¹ *Одёр* – отощавший, изможденный человек.

Медленно, медленно ходим,
Чтоб никого не столкнуть.

Боль распирает грудь.

Ольга по рынку ходила
Медленно, с полчаса.
И ничего не купила,
Вслушивалась в голоса:

– Товарищ матрос,
Купи папирос!

– Табак, махорка –
Мое почтение! –
И поговорка
Как приложение:
– Кури табак,
Бей фашистских собак!

А Ольге нужна зелень
Сосны или ели.
Не изумруды и не рубины –
Нужны витамины.

– Веточка ели – пятнадцать рублей.
Покупайте веточки ели.
На хвойный настой рублей не жалей,
Чтоб десны не заболели!

Соберите иглы в горшок,
потом
Разотрите иглы медным пестом,

Залейте остывшей водой с кислотой –
Три части воды, –
И готов настой.
Через два часа настой процедить.
Полстакана в сутки –
Можно пить.

– Меняю рояль
На дуранду¹.
В придачу инструмент для джаз-банда².
Очень жаль,
Но делать нечего...

В черную шаль одета,
Доживет ли до вечера
Старушка эта?

– Веточка ели пятнадцать рублей...
– Дайте вот эту, позеленей.

У девочки с веснушками
Руки опущены,
Под глазами отеки.
Бледная, испитая.
Стоит –
святая!

– Томичек Есенина
За жмыха кусочек.

¹ *Дуранда* – жмыхи, остатки семян масличных растений после выжимания из них масла.

² *Джаз-банд* – джазовый ансамбль.

– Есть, есть лоточек
Мучки несаяной.

Солнце не светит.
И снег словно мучка.
Где еще на свете
Есть такая толкучка?
Вдруг загрохотало –
Крышу рванул снаряд.
Толпа не бежала
Ни вперед,
Ни назад.

За один Ленинград
Всей Германии мало.

Ольга брела под вечер
Домой по тропкам кривым,
Женщины навстречу
Везли в бидонах воду с Невы.
Смотрели, понурясь, львы,
Во льду и в снегу по плечи.

* * *

От берега до берега
По льду через туман,
Как из Америки
Через Ледовитый океан,
От одного материка
До другого материка,
Словно легенда, – в века
С Большой земли – Отчизны
Пролегла к Ленинграду
Дорога жизни.

Не железная – снежная,
Вьюжная, вихревая,
Разметенная, прямоезжая,
Автогужевая¹.
Не в два следа
И не в три следа,
А во всю ширину озерного льда.
Через Ладогу,
Будто радуга:
По каждой цветной полосе –
Два, три шоссе.

Не летают вороны,
Не летают сороки,
Только в обе стороны
Во всю ширину дороги,
В оттепель и в морозы,
В клубах снежной пыли
Идут обозы
И автомобили.
Словно бы неторопко,
Как муравьи по тропкам,
А приглядевшись – несутся, –
Льды метровые гнутся.

Идут на виду у врага
Весь день, всю ночь до утра.
В немце все берега,
Идут – ни почем пурга,
Машины как буера².

¹ Автогужевая – по которой движется автомобильный и гужевой (на лошадиной тяге) транспорт.

² Буер – парусная лодка на металлических коньках, предназначенная для передвижения по льду.

Слава вам, шофера!

С воздуха как ни бомбят,
С берега как ни бьют –
Этих немытых ребят
Немцы с пути не сбьют.

Если вблизи от дороги
По льду хлестнет снаряд,
Парень свернет немного
И догоняет отряд.

Если машину под лед
Бомба, всплеснув, забьет,
Задняя, прорубь объехав,
Снова вперед идет.

Что б ни случилось на свете,
Грузовики идут.
Хлеб и тепло везут –
Их ленинградские дети,
Смерть отгоняя, ждут.

Вечером все расцвечено,
Фары включаются вечером –
Озеро горит,
Будто подходишь к городу,
Большому, широкоплечему.
А это все – фонари.

Почти замерзая,
Ходят пикеты,
Небо взрезая,
Взлетают ракеты
С берега где-то.

Вновь огневой налет,
И стонет ладожский лед.

Обозначается, хрястнув,
Трещины тонкая нить...

С какой неизведанной трассой
Эту дорогу сравнить?

Она идет не на полюс,
Хоть часто в снегу по пояс,
Не к сказочным далям путь,
Хоть часто в воде по грудь,
И не на тот свет –
Цены ей и меры нет,
В миллионах сердец – ее след.
Всем золотом Лены, Аляски
Не оценить этой трассы.
Величественная, как на Луну,
К городу в плену.

Времени минет много,
Переживем тревогу,
Но будем на каждой тризне
Добром поминать дорогу,
Спасшую столько жизней.

1942–1943

НЕ УМРУ

Когда я раненый лежал в пыли,
Страдая от удушливого жара,
Не отличая неба от земли,
Артиллерийских залпов от кошмара,

И ни стонать, ни говорить не мог, —
Тогда прямой, с пушистой желтизною
Откуда ни возьмись степной цветок
Виденьем детства встал передо мною.

Что я припомнил в этот миг?
Леса,
Деревни, в палисадниках рябину,
Под солнцем поле спелого овса
И матери натруженную спину...

Что я услышал?
Дробный стук колес,
Крик петуха на просмоленной крыше,
Шум светлых сосен и жужжанье ос,
Раздольный звон бубенчиков услышал...

Ах, родина, лесная сторона!
Как все стократ для сердца стало мило —
Брусника в чащах,
Рек голубизна, —
Война все чувства наши обострила.

Просторны тесом крытые дворы,
В холмистом поле широки загоны.
Как многолюдны свадьбы и пиры,

Как сарафаны девичьи пестры,
Каким достоинством полны поклоны!

Моторы в сизых ельниках стучат,
Плынет над лесом рокот молотилок,
И запахи бензина не глушат
Смолистого дыхания опилок.

А сколько зверя, сколько птиц в бору...
И потому, что все перед глазами,
Не дрогну я в сражениях с врагами,
Земли родной не выдам:
Не умру!

1943

* * *

Назови меня именем светлым,
Чистым именем назови –
Донесется, как песня, с ветром
До окопов голос любви.

Я сквозь грохот тебя услышу,
Сновиденья за явь приму.
Хлынь дождем на шумную крышу,
Ночью ставни открой в дому.

Пуля свалит в степи багровой –
Хоть на миг сдержи суховей¹,
Помяни меня добрым словом,
Стынуть буду – теплом повей.

Появись, отведи туманы,
Опустись ко мне на траву,
Подыши на свежие раны –
Я почувствую,
оживу.

1943

¹ Суховей – горячий сухой ветер.

ПЛЕННЫЕ В СТАЛИНГРАДЕ

Снарядами изрытою тропою
По серым грудам щебня и золы
Они идут оборванной толпою, –
Шаги угрюмы, взгляды тяжелы.

На лица их, багровые от крови,
Показывают детям:
– Немцы – вот! –
На целом свете казни нет суровей,
Чем ненависть в глазах детей-сирот.

Пугливо озираясь, словно воры,
Они идут,
Нет, их теперь ведут.
Как им хотелось видеть этот город!
Вошли. Глядят.
Как будто смерти ждут.

Дома, подорванные их руками,
Грозят упасть, закрыть для них проход.
Они шарахаются:
Каждый камень
Подошвы ног им леденит и жжет.

Боец-моряк шагает с ними рядом.
– Проклятые! Уже нельзя их бить.
Щади их сон, не трогай их прикладом:
Они в плену и, значит, будут жить.

Их мало сжечь, но свят закон солдата!
Давай им хлеба, мяса и воды...

Моряк отводит дуло автомата,
Чтоб – не дай бог – не натворить беды.

КАНАВА

Через сколько-то годов,
Проходя по вешним травам,
Ты увидишь в поле ров,
Нет, не ров – скорей канаву,

Неширокую, в цветах,
Затерявшуюся где-то,
Справа – в соснах и кустах,
Слева – в сизых волнах света.

Хоть на вид она чиста –
Не ходи канавой босым.
Пусть трава сочна, густа –
Не коси, сломаешь косу.

Под дерном и ныне есть
Среди кашки и метелки
Гильзы рваные, и жесть,
И снарядные осколки.

В этом поле битва шла.
Кровь лилась, земля дымилась,
Рожь в свой срок не зацвела,
И трава не уродилась.

Над канавою постой,
Припади к равнине ухом,
Подымы патрон пустой,
Может, гром дойдет до слуха.

Может быть, еще огонь
В этой ржавчине таится,
Может быть, твоя ладонь
Жаждой мести загорится.

Не отец ли твой лежал
Здесь, с винтовкой и лопатой,
И не он ли тут сорвал
Рубчатый чехол с гранаты?

И не тот ли бугорок,
Став горой на поле боя,
Для тебя его сберег,
От свинца прикрыл собою?..

1943

МАТРОССКИЙ СЫН

Над синим заливом заняв поселок,
Спасли краснофлотцы мальчишку в плавнях¹.
В его глазах, когда-то веселых,
Увидели вспышки боев недавних.

– Как звать? – спросили.
Ответил: – Коля! –
А Коли дома у многих были,
И сироту рыбака в отряде
Усыновили и полюбили.

Большие и очень строгие дяди
Его, как могли, развлекать старались,
Смешно на губных гармошках играли,
Смешно, не по-взрослому, улыбались.

Устроили Колю в землянке связистов,
И с поля боя по телефону
Нередко от целых подразделений
Передавали ему поклоны.

Из выходов в тыл,
Из смелой разведки,
Как сыну ягоды с сенокоса,
Ему то пряники, то конфеты
В противогазах несли матросы.

¹ Плавни – заболоченные и покрытые зарослями низкие берега реки.

И куклу и кошку достали где-то,
Но мальчик сурохо сказал:
– Не играю! –
Тогда надарили ему зажигалок,
Трофейных ручек и пистолетов.

Сукно офицерское раздобыли,
Нашли портного в соседней части,
Старшинскую форму по росту сшили:
– Бери, сынок, да носи на счастье!

Мальчишка рос спокойный и сильный.
Но сколько бойцы его ни ласкали,
К нему уже не вернулось детство:
Он видел, как мать фашисты распяли.

Мой сын! Для тебя, как о лучшей школе,
Мечтаю о дружбе с матросским Колей,
Тебе бы понятней рассказы стали –
За что воевали мы,
Что отстояли.

И как тосковали мы все, бывало,
О вас, о родных –
О старых и малых,
И как мы рвались, рвались за врагами
На запад, чтоб встречу ускорить с вами.

1943

ДЕРЕВНЯ БЛУДНОВО

Хвойными иглами занесло
Заблудившееся село.

Зашел охотник в бор глухой
И заблудился,
И решил,
Что это леший-лесовой
Его в сузёмах закружил

И водит – старая лиса.
Но в хвое парень увидал –
Мелькает девичья коса,
А не седая борода.

То опереньем косача¹,
То светом вспыхнет впереди,
Иль щеку тронет, щекоча...
Не страх – огонь растет в груди.

Бродил охотник целый день,
Устал, а нет назад пути,
Ни рысь, ни северный олень
Не помогли тропы найти.

Куда ни кинется – обман:
Все та же грива² речка, бор,
Налево – зыбуны³, туман,
Направо – синий свет озер.

¹ *Косач* – тетерев.

² *Грива* – возвышенность, юр, увал. (Примеч. А. Яшина.)

³ *Зыбун* – трясина, топкое место.

И под конец, когда устал, —
Прилег, разжег костер.
И вдруг
Лесной царевны услыхал
Лукавый голос:
— Слушай!.. Друг!..

А у нее коса до пят,
В кокошнике лучи горят,
Узорный — в елочку — наряд
И озорной девичий взгляд...

— Послушай, что тебе скажу:
Здесь я одна — и власть, и суд,
Не леший — я тебя вожу,
Останься жить в моем лесу.

Войди в сузём под мой навес.
В трущобе¹ человека нет,
А без него и лес — не лес,
Без человека свет — не свет.

Как быть?
А жар растет в груди...
А день к концу...
И поутру
Медведь венчал, сохач² кадил,
И пир гремел во всем бору.

Так на царевне на лесной

¹ Трущоба — густой непроходимый лес с буреломом.

² Сохач — лось.

Женился мой земляк,
И вот,
Где раньше был сосняк сплошной –
Рожь колосится, лен цветет;

Где он блуждал и жег смолье
И меж корней ложился спать –
Деревня выросла. Ее
Блудновым люди стали звать.

Друзьям у нас в дому почет,
Для недругов закрыта дверь.
А в жилах наших и теперь
Лесной царевны кровь течет.

1944

*Деревня Блудново
Вологодской области*

ОСЕНЬ-КРАСАВИЦА

Осень-красавица вышла в леса.
Разве видать горожанам такую?
Кружится около ног лиса,
Над головой косачи токуют.

Из раззолоченных листьев наряд,
По сарафану оборки и стежки,
Красные клены – расшитый плат,
Гроздья рябины – в ушах сережки.

Ходит красавица в березняке
В желтых сапожках – мягка дорога! –
С желтой корзинкою на руке:
В роще грибов и брусники много.

Что ей теперь, озорной, не гулять,
Что не плясать ей?
Посеяно, сжато...
Только и дела, что ягоды брать,
Грузди солить да чистить маслята.

К озеру выйдет, махнет рукой –
Утки с воды летят в поднебесье,
Волны шумят,
А махнет другой –
Даль огласят журавлиные песни.

Что за походка!
А смех! А пляс!
Сколько в глазах голубых простора!
Где еще есть на земле, как у нас,
В золоте реки, в рябинах озера?!

ЛИЦО ВРАГА

Начни от Волги, иди на Запад,
Сады искалеченные обогни,
По балкам, где трупный держится запах,
Где вороны бродят с кровью на лапах,
Где в пятнах кровавых черные пни.

На пнях просмоленных чубы рубили,
На яблонях вешали стариков.
Иди по дорогам средь пепла и пыли.
Здесь немцы на каждой росстани были –
Целы еще язвы от шин и подков.

Шагай по разобранным, рваным шпалам,
По рельсам, по спутанным проводам,
По изуродованным вокзалам.
Сверни на Кавказ к расколотым скалам,
К сожженным аулам и городам.

И крымские горы хлебнули горя,
Из-под камней выступает кровь.
Красно от крови Черное море,
Глубокие рвы среди плоскогорий
Заполнены трупами до краев.

Пусть сердце твое сильнее забьется.
В полях приднепровских растет лебеда,
Где немец прошел – даже хмель не вьется,
Незахламленного нет колодца,
Незасоренного нет пруда.

Война отгремит, как землетрясенье,
И реки опять войдут в берега,
Но мы сохраним два иль три селенья,
Не тронув,
 чтоб новые поколенья
Не забывали лицо врага.

1944

СОРОК ПЕРВЫЙ ГОД

В голых сучьях стылый звон.
По ледку стучит телега,
Выпал снег,
Бело от снега,
А еще не убран лен.

У несжатой полосы
Даже ветер стоном стонет,
И с тоскою смотрят кони
На продрогшие овсы.

Ни одной души в домах,
Старикам сидеть нет мочи:
В полушибаках и в пимах¹
Люди жнут с утра до ночи.

Руки мерзнут — малыши
Надевают рукавицы.
Не спешат с отлетом птицы:
Зерна в поле хороши.

Снег, и солнце, и серпы
Всем слепят глаза до боли.
На снегу лежат снопы —
Не уходят куры с поля.

Не смиренье — сжатый рот,
Даже вздох — с ожесточеньем...

Ранний холод.
Отступленье.
Трудный сорок первый год...

1944–1945

¹ *Пимы* — меховые сапоги.

ПОДРОСТКИ

С утра отобрали покрепче коней
Ребятам годков по десять, не боле,
Поручено было: за восемь дней
Заборонить озимое поле.

— Забудьте о доме, о сладком сне,
На фронте жилье — блиндажи и землянки,
Считайте, что вы теперь на войне
И это не бороны, а тачанки¹...

А поле — взглянуть на него и вздохнуть:
Огромное, нет ни конца ни края.
Таким представлялся ребятам путь
На запад — от Волги и до Дуная.

Ночами опушки черным-черны.
Бездонное небо героев пугало.
Порою казалось: вовсе луны,
Совсем на свете луны не бывало.

Уже не канавы кругом, а рвы,
Не камни, а чудища... Что такое?
От шума листвы, от крика совы
Бледнели и вздрагивали герои.

Хотелось поспеть до стуж и дождей,
Пока еще ветры не налетели,
И если жалели кого — лошадей,
Одних лошадей, не себя жалели.

¹ Тачанка — конная повозка с пулеметом.

Узлы на ладонях, вихры в пыли.
Заказ фронтовой и жизнь фронтовая...
И все им казалось:
 они прошли
С бойцами от Волги и до Дуная.

1944–1945

НЕ РАЗУЧИЛСЯ ЛЬ ХОДИТЬ ЗА ПЛУГОМ?..

Скоро ли буду в родном лесу,
Ягод наемся,
Увижу косого,
В старый слопец¹ изловлю лису,
Туес² ершай принесу из ночного³?

Скоро ли буду в родном дому –
Издали встретят четыре березы, –
Скоро ли мать и сестру обниму
И обмахну их горькие слезы?

Всех увидать,
Обо всем расспросить,
Полем пройти, поздороваться с лугом!..
Не разучился ль траву косить?
Не разучился ль ходить за плугом?..

1944

¹ Слопец – западня, капкан.

² Туес – берестяной сосуд цилиндрической формы с крышкой.

³ Ночное – пастьба лошадей ночью.

* * *

Каждый год весна как чудо,
Но такая в первый раз.
Словно ветры отовсюду,
Новизна пьянила нас.

Соков раннее движенье
Вдруг ускорила гроза,
И, как в первый день творенья,
Солнце вскинуло глаза.

Вся земля пропахла бором
Да травою луговой,
Переполнились озера
За селом водой живой,

За ночь выгнало побеги...
Долгожданный грянул час:
О победе, о победе
Весть, как песня, разнеслась.

Как на праздник, все селенье
С песней вышло на поля.
Словно в первый день творенья,
Приняла зерно земля.

1945

БАЙКА

Спи, сыночек, спать пора!
День уходит со двора,
Зажигают в избах свет,
Дома только папы нет.
Баю-бай!

Он не в поле, не в лесу,
Не за речкой на мысу,
Дома нет его давно.
Не гляди, сынок, в окно.
Баю-бай!

Под простынку руки спрячь.
Мама плачет, ты не плачь.
Папа твой героем стал,
Нас от смерти отстоял.
Баю-бай!

Уж пришел с войны сосед,
Только папы нет и нет.
Снег идет, идут дожди...
Мама ждет, а ты не жди.
Баю-бай!

Все узнаешь – подрастай,
Баю-бай!
Засыпай.

1945

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Были сосны, были ели,
На опушке рос орех,
Клены в поле зеленели
Однаково для всех.

И ольха была ольхой,
И река была рекой,
И земля землей,
Доколе
Первый снег не выпал в поле.

Выпал снег.
И вот осина
Замерла, как на духу¹,
Стала бабушкой калина
И напялила доху² –
Уцелевшие рубины
Словно пуговки в меху.

Сел стариk на серый камень,
Борода его бела,
Задремал, взмахнул руками –
Это елочка была.

Сохачом глядит коряга,
Встрепенется – чуть дохни,
А вокруг ребят ватага –
В пуховых ушанках пни.

¹ Как на духу – как на исповеди.

² Доха – шуба мехом и внутрь, и наружу.

И везде дворцы, сторожки,
Люди, звери, звезды, мех,
Самоцветы, курьи ножки –
Но уж это не для всех...

Может, это только мне
Было видно все воочью,
Словно дело было ночью
Иль во сне.

1946

СВЕЖИЙ ХЛЕБ

Всей семье как сбор назначен,
Только скатерку постлать,
В каравай, еще горячий,
Входит нож по рукоять.

В пожелтевшей гимнастерке
С краю сам большак¹ сидит.
Чуть похрустывает корка,
Духовитый пар валит.

– Ну, – сказал он, – по потребе²
Начинайте в добрый час!
Полной мерой нынче хлеба
Выдает земля для нас.

Золотистые горбушки
Срезал: это для детей.
Наособицу³ старушке
Вынул мякиш из ломтей.

Скосок⁴ свой, усы поправив,
Крупной солью посолил,
Всей своей семьи и славы,
И здоровья посулил.

И еще промолвил слово:
– С хлебом горе не беда! –
Не забудьте, мол, какого
Стоил этот хлеб труда!..

1947

¹ Большак – хозяин, старший в доме.

² По потребе – по потребности.

³ Наособицу – особняком, отдельно.

⁴ Скосок – ломоть в половину ширины каравая.

ДОЖИНКИ¹

Течет, журчит под кустиком
Прозрачная струя,
Звенит ручей –
Акустика
В лесу хорошая.

Уже давно закрапана
Листва берез, осин.
Порою дождик капает,
И льет,
И моросит.

Рябиною, брусникою
Несет от всей земли.
Вот-вот и закурлыкают
Над полем журавли.

А поле
Да река еще,
Как небо, широки...
Овса несжатый краешек
Остался у реки.

Дожинка нынче поздняя.
К последнему овсу
Толпой вся рать колхозная
Сошлась на полосу.

Все убрано машинами, –
Нет слов, они в чести, –

¹ Дожинки – древний славянский обряд окончания жатвы.

Обычаи старинные
Все ж надо соблюсти.

Одетые с иголочки,
Серпами стар и млад
Последние метелочки
Срезали нарасхват.

Кажи работу вост्रую,
Проворствуй у межи,
Со всеми вместе горсть свою
На пояс положи!

И загадай желание,
Какое поважней...
Глубокое молчание
Среди жнецов и жней.

Кому о чём мечтается...
Замечено давно:
Все сбудется,
Все станется,
Что тут загадано...

Дожали все как следует,
И вот сошлась толпа
У «гости» –
У последнего
Овсяного снопа.

Большой – в нем с сотню маленьких
Метельчатых горстей.

Его подняли на руки,
Как гостя из гостей,

И вдоль всего селения
Высоко от земли
В колхозное правление
С почетом понесли.

1948

* * *

Бор, казалось, был не широк,
Но вырубили,
И вот
Ветер, как у полярных широт,
Снег дни и ночи метет.

Раскинулось – непостижимо уму! –
Поле, поземкой играя,
Глаза слепя,
И теперь ему
Нет ни конца ни края.

Где здесь лежали былые пути?
Нынче не разобраться.
Поле теперь напрямик перейти
Волки и те не решатся.

А лес продолжают вдали рубить,
С веток крошится иней...
Значит, решили еще углубить
Белую эту пустыню.

1948

В ГОСТЯХ У СЫНА

Что ни месяц – деньги от сынка:
Сотнями со стройки переводит,
И старик гордится на народе.
Все же навестить бы паренька,

Посмотреть бы, как дела идут.
Голове недолго закружиться:
Не успел мальчишка опериться,
ФЗО¹ – еще не институт...

И как только новый перевод
Поступил от сына,
Он – в дорогу.
Ночь не спал, перемогал тревогу:
Вдруг сынок неправильно живет?..

– Вы к кому? – спросили в проходной.
– К Сомову.
– Вы кто ему?
– Родитель.
– У него сегодня выходной.
В общежитье, в клубе поищите.

Дали адрес и проводника.
Зря, наверно, старый волновался!
Наконец он разыскал сынка.
– Здравствуй, Ваня,
Вот к тебе собрался...

¹ ФЗО – профессионально-техническая школа фабрично-заводского обучения.

Видный стал парнишка –
В пиджаке,
В вышитой украинской рубашке,
Часики «Победа» на руке,
Авторучка на груди в кармашке.

Прежней меркой лучше и не мерь,
Смотрит прямо,
С виду стал постарше...
– Так в каких же ты чинах теперь? –
Сын ответил:
– Я электросварщик.

Хорошо, что выходной денек –
Можно только гостем заниматься.
Посудите, разве Ваня мог
Перед батькой не покрасоваться!

Пропуск на строительство достал, –
Лучше не придумаешь подарка! –
И давай водить по всем местам,
Где в три смены шла электросварка.

Подобрал зажим и электрод,
Будто грифель¹ школьный рисовальный,
Показал отцу, как швы кладет –
Потолочный и горизонтальный.

¹ Грифель – палочка из особого вида глинистого сланца для писания на грифельной доске.

Мимо шла гурьбою молодежь,
Словно с заседанья иль с ученья.
К Ване все относятся с почтеньем:
— Здравствуй, Сомов!
— Сомов, как живешь?

Только мастер Ваню пожурил:
— Что-то я тебя не понимаю,
Почему костюма не сменил? —
Сын ответил:
— Я же отдыхаю.

«Отдыхает!..
Пот уже с лица —
Швы кладет, меняет электроды.
Вот что значит трудовой породы!
Нет, такой не подведет отца...»

Гость об этом, правда, умолчал,
Но когда вернулись на ночевку,
В первый раз, преодолев неловкость,
Он сынка по отчеству назвал.

— Мать сказать просила:
Хорошо,
Что родителей не забываешь,
Письма пишешь, деньги посылаешь.
Будет лишек —
посылай еще...

1951

ТОЛЬКО НА РОДИНЕ

Да, только здесь, на Севере моем,
Такие дали и такие зори,
Дрейфующие льдины в Белом море,
Игра сполохов¹ на небе ночном.

Нехожеными кажутся леса,
Бездонными – озерные затоны,
Неслыханными – птичья голоса,
Невиданными – каменные склоны.

Здесь, словно в сказке, каждая тропа
Вас к роднику выводит непременно.
Здесь каждая деревня так люба,
Как будто в ней красоты всей вселенной.

И, уж конечно, нет нигде людей
Такой души, и прямоты, и силы,
И девушек таких вот, строгих, милых,
Как здесь в лесах,
На родине моей.

Но если б вырос я в другом краю,
То все неповторимое,
Как чудо,
Переместилось, верно бы, отсюда
В тот край, другой –
На родину мою.

1953

¹ Сполохи – вспышки северного сияния.

В МОРСКОМ МУЗЕЕ

И вот картина:
По откосу,
Где снизу – волны, сверху – сад,
Идут нарядные матросы
В атаку,
словно на парад.

Конечно, небо голубое,
Конечно, в небе реет флаг
И, не приняв морского боя,
Бросая все, сдается враг.

Ночная тень на вражьих касках,
Над бескозырками – восход.
Все ж разбирался автор в красках...

Но злость,
Но гнев меня берет.

Как только совести хватило
Писать елейным маслом бой!
Ведь кровь, бывало, стыла в жилах,
Людская кровь лилась рекой,

Трудом опасным и тяжелым
Война была для нас для всех.
И самым смелым и веселым
Не каждый час давался смех.

А душу жгло такое пламя,
Что если б взгляд матроса мог
Упасть на холст в цветистой раме,
Насквозь бы он его прожег.

1954

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождик прошел по садовой дорожке,
Капли на ветках висят, как сережки,
Тронешь березку – она встрепенется
И засмеется,
До слез засмеется.

Дождь прошуршал по широкому лугу,
Даже цветы удивились друг другу:
В чашечках листьев, на каждой травинке
По огонечку,
По серебринке.

Дождь по пшеничному полю пронесся –
Потяжелев, удлинились колосья
И поклонились земным поклоном
Мимо летящим шумным вагонам.

Небо, закончив доброе дело,
Тоже, довольное, посветлело.
И в семицветных его воротах
Звезды блеснули на самолетах.

1955

* * *

Много есть хорошего на свете,
Милого и дивного,
О чём,
Месяцами сидя в кабинете,
Даже вспоминать перестаем.

И чего бы, думается, проще –
А ведь даже удивишься вдруг,
Услыхав, что есть на свете рощи,
И поля, и лютиковый луг,

Самые всамделишные горы,
Берег моря с галькой и песком...
Есть земля сырая, по которой
Люди ходят просто босиком.

1955

ЗАЙЧОНOK

Бродил охотник по тайге с утра,
Промок, продрог,
Валила с ног усталость,
А так и есть – ни пуха, ни пера
На поясе его не оказалось.

Уже смеркалось, и во все углы
Вползал туман – промозглый, неуютный,
Как вдруг на тропку, прямо под стволы,
К ногам шмыгнул зайчонок шалопутный¹.

Сначала показалось – повезло.
Охотник выстрелил, почти не глядя,
Сорвав на нем, на маленьком, все зло,
От неудач скопившееся за день.

Но смолкло эхо, пыл его остыл,
И сердце стиснула до боли жалость.
Конечно бы, зайчонок жил и жил,
Когда б не раздраженье, не усталость.

Ведь не за ним звала его тайга,
Не для него сухим хранился порох.
Зачем он, слабый, сунулся к ногам
В такую незадачливую пору?

Охотник помнит, хоть прошли года,
Глаза раскосые, подшерсток белый
И тот недобрый, стыдный день, когда
Его душой жестокость овладела.

1956

¹ Шалопутный – шальной, неразумный.

ОРЕЛ

Из-за утеса, как из-за угла,
Почти в упор ударили в орла.

А он спокойно свой покинул камень,
Не оглянувшись даже на стрелка,
И, как всегда,
Широкими кругами,
Не торопясь, ушел за облака.

Быть может, дробь совсем мелка была –
Для перепелок, а не для орла?
Иль задрожала у стрелка рука
И покачнулся ствол дробовика?

Нет, ни дробинки не скользнуло мимо,
А сердце и орлиное ранимо...
Орел упал,
Но средь далеких скал,
Чтоб враг не видел,
Не торжествовал.

1956

МОСКВА – ВОЛОГДА

С каждым часом ощутимей север,
Остановки реже,
Гуще лес,
Пахнет смолкой вперемежку с сеном,
И все больше узнается мест.

Торопясь, схожу на полустанке¹,
Словно на приветный огонек,
Чтобы взять за рубль у северянки
Влажной клюквы маленький кулек.

Для меня все ягоды здесь сладки.
И приятно и смешно, что их
Продают в листочках из тетрадки
Иль в обрывках «Жития святых».

Замелькали топкие болота
С голубыми окнами озер,
Наконец – подъем за поворотом,
И пошел густой сосновый бор,
Строевой,
В косых лучах по пояс,
Золотом пронизанный насквозь...
Словно к морю вдруг пробился поезд,
Даже небо выше поднялось.

Дома я!
На все гляжу с любовью,
Радостно от птичьих голосов.
Никакие парки Подмосковья
Не заменят мне моих лесов.

¹ Полустанок – небольшая железнодорожная станция.

Радуюсь обновам животворным –
Домнам,
Трубам, влитым в синеву,
Плеску волн на море рукотворном,
Лесосекам с грохотом моторным...
И одним все –
Нежным и просторным,
Добрым словом *Вологда* зову.

Дома я!
И сердце бьется с силой.
Мимо, мимо – за верстой верста...
Что кому,
А для меня Россия –
Эти вот родимые места.

1958

* * *

Всполошились над лесом вороны,
Разгласили окрест:
«Всем! Всем!»
Мол, разлегся в бору зеленом
Человек – не поймешь зачем.

Взбудоражены криком тревожным,
Навещать стали звери меня.
Даже лис, на что осторожный,
Тоже выглянул из-за пня.

Невпопад, как из сказочной пущи,
На лосенка похож,
Со всех ног
Налетел на меня заблудший
Мокрогубый чей-то телок.

Любознательна до смешного,
Белка цокнула над головой:
Ну разлегся, и что ж такого?
Может, здесь и жизнь для него.

Впрямь – живу!
О вчерашнем, зряшном
Позабыл в родной стороне.
Значит, я не такой уж страшный,
Если звери идут ко мне.

А вороны?..
Да ну их к богу!
Я ж в своем, не в чужом бору.
Пусть кричат, поднимают тревогу –
Я от карканья не умру.

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА

Мне с отчимом невесело жилось,
Все ж он меня растил –
И оттого
Порой жалею, что не довелось
Хоть чем-нибудь порадовать его.

Когда он слег и тихо умирал, –
Рассказывает мать, –
День ото дня
Все чаще вспоминал меня и ждал:
«Вот Шурку бы... Уж он бы спас меня!»

Бездомной бабушке в селе родном
Я говорил: мол, так ее люблю,
Что подрасту и сам срублю ей дом,
Дров наготовлю,
Хлеба воз куплю.

Мечтал о многом,
Много обещал...
В блокаде ленинградской старика
От смерти б спас,
Да на день опоздал,
И дня того не возвратят века.

Теперь прошел я тысячи дорог –
Купить воз хлеба, дом срубить бы мог...
Нет отчима,
И бабка умерла...

Спешите делать добрые дела!

1958

ПУСТЫРЬ

Сколько лет мы видим этот дом —
Ни куста, ни деревца кругом.

Своего соседа не пойму.
Как же так:
Весь век в своем дому,
На земле родной,
Землею жить —
И не знать ее, не полюбить?
Очень занят?
Некогда ему?

Хоть бы раз он руки натрудил:
Если ни цветов, ни деревца,
Хоть бы редьку, что ли, посадил,
Вырыл бы канавку у крыльца:
В дождь не лужи были бы — ручей...

Самых правильных его речей
Не могу дослушать до конца:
Вдруг встает перед глазами дом
И пустырь...
Сухой пустырь кругом.

1958

НЕУЛЫБЧИВОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Но могу мириться с немотой,
И со слепотой,
И с глухотой.

Разве не весенняя пора?
Разве птицы не поют с утра?

Разве не повеяло теплом,
Не гремит на речках ледолом?
Не настало время, чтоб любить?
Или трудно человеком быть?

Что же ваши властные черты
Не смягчаются от доброты?
Не проник к вам даже шум лесной...
Иль стариk вахтер всему виной?

Прописной бумажный мир души
Свежий ветер не разверошил:
Смотрят два совиные стекла
Из-за канцелярского стола.

Не смирюсь я с этой пустотой,
С вашей глухотой,
Непрямотой.
Хочется сердечной теплоты,
Красоты душевной,
Чистоты.

Не расстанусь со своей мечтой.

1959

РУССКИЙ ЯЗЫК

Я люблю свой родной язык!
Он понятен для всех,
Он певуч,
Он, как русский народ, многолик,
Как держава наша, могуч.

Хочешь – песни, гимны пиши,
Хочешь – выскажи боль души.
Будто хлеб ржаной, он пахуч,
Будто плоть земная, живуч.

Для больших и для малых стран
Он на дружбу,
На братство дан.
Он – язык Луны и планет,
Наших спутников и ракет.

На совете
За круглым столом
Разговаривайте на нем:
Недвусмысленный и прямой,
Он подобен правде самой.

1959

ЛЮБЛЮ ВСЕ ЖИВОЕ

Когда-то и я не убить не мог,
Что б ни летело над головой:
Садился за весла – ружье у ног,
Шел в чащу – заране взводил курок,
На жатву брал дробовик с собой.

Стрелял и коршуна и воробья,
Не разбираясь – друзья? враги?
А ныне
На ток¹ хожу без ружья,
Катаюсь на озере без остроги.

Доверие птиц умею ценить:
Бывает легко на душе, когда
Случайно удастся жизнь сохранить
Птенцу, упавшему из гнезда.

Себя самого узнать не могу.
Осинки в лесу зазря не срублю,
В корнях родничок, что клад, берегу,
На муравейник не наступлю, –
Люблю все живое,
Живых люблю.

1959

¹ Ток – место токования птиц, «ухаживания» самцов за самками.

ДОБРЫЙ ПРАЗДНИК

Утром ранним весенним
Гости прибыли с юга,
И от птичьего пенья
Оживилась округа.

Сразу столько влюбленных,
Столько свиста и звона,
Что лесок обнаженный
Стал казаться зеленым.

Под грозою умылся
И подался к селенью,
Будто к людям явился
Встретить праздник весенний.

В зеркала дождевые
На широкой полянке
Смотрят ветлы сквозные
И березки-белянки.

Хорошо ль приоделись,
Уложились ли в сроки? –
Еле корни прогрелись,
Еле тронулись соки...

Гул стоит над сосновым,
Над березовым миром.
Птицы двинулись к новым,
К необжитым квартирам.

Тоже формы надели:
Сколько вышивок разных,
Сколько фартучков белых,
Сколько галстуков красных!

На холмах, на увалах
И оркестры и хоры,
Есть свои запевалы
И свои дирижеры.

Им и ночью не спится,
Станут петь полной грудью...
Будьте счастливы, птицы!
С добрым праздником, люди!

1959

НОВОЗЕРО

Вот и я побывал в раю –
Оказалось легко и просто:
В Белозерском лесном краю
Обнаружился Сладкий остров.

Так случилось, что ныне он,
Как заброшенный заповедник,
Не распахан, не заселен
И зверьем покинут последним.

Плоский, будто грибной пирог,
С невысокими берегами,
Заберись – и живи, как бог,
Не водись с земными богами.

Многослойная тишина,
Разнотравье и разноцветье...
Да была ль на земле война?
Где, какое оно – лихолетье?

Только крыльев утиных свист,
Только звон зари глухариной.
Небо ясное, воздух чист
Пахнет рыбой да малиной.

Пусть местами вода мелка,
Но как небо ясное глянет –
Отразятся в ней облака:
Глубже моря озеро станет.

1960

ПИСЬМО В «ЛЕСНУЮ ГАЗЕТУ»

Памяти Виталия Бианки¹

Мы безмерно богаты.
В наших чащах и рощах
Столько всяких пернатых –
Просто диву даешься.

Но спросите иного,
Что он знает о птицах,
Пусть ответит толково –
И, гляди, удивится:

Как же, фауна, дескать,
Как же, наше богатство –
На полях, в перелесках,
Так сказать, птичье царство...

Птичье царство, и только?..
Ну, дрозды,
Ну, синички...
Где запомнишь все клички,
Просто птички – и только!

Стоит в лес углубиться –
И уже как не дома:
Словно мы за границей –
Незнакомые лица,
Языки незнакомы.

¹ Бианки Виталий Валентинович (1894–1959) – автор многих произведений о природе; «Лесная газета» – его книга в форме календаря лесной жизни на каждый месяц.

Как слепые, плутаем,
Будто глухи от роду.
И еще утверждаем,
Что мы любим природу.

А цветы разве знаем
На лугах?
Разве ценим?
Все травой называем,
А подкошены – сеном.

И с деревьями тоже:
Роща в общем и целом...
Ель от пихты не можем
Отличить, грешным делом.

То же с рыбой:
Веками
Счет ведем косяками,
Густера¹ иль сорожка²,
Все едино – рыбешка.

Лишь царям по рожденью,
Как во всем, предпочтенье:
Знаем розу-царицу,
Льва-царя
Да царь-птицу...

¹ Густера – рыба семейства карповых, похожая на леща.

² Сорожка – плотва.

И, конечно, тревожно,
Что порой мы безбожно
Не храним, что имеем,
Не щадим,
Не жалеем.

Ни за что не в ответе,
Словно самую малость
Нам на этой планете
Жить и править осталось.

Не хозяева вроде,
Так добро свое губим.
А гордимся природой
И отчество любим.

1960

ОГОНЕК

Светлячок во мгле –
Огонек в лесах.
Может, он на земле?
Может, в небесах?

Может, свет костра
Мерцает вдали?
Может, звездочка –
Сестра
Нашей земли?

В бесконечной ночи
Тьма густа, пуста.
Но не меркнут лучи
Светлого поста.

Изнемог,
Сбился с ног,
Но горит впереди
Огонек,
 огонек –
Свет в моей груди.

1962

ТОПЯТСЯ ПЕЧИ

Задолго до света
ясно и жарко –
Я это вижу с улицы темной –
В домах полыхают печи-пекарки,
Каждая – словно домна.

Стоят за челом¹ чугуны картошки,
Горшки с молоком и щами.
Хвосты задирая, крутятся кошки
У хозяек под ногами.

Затем на столах, покрытых клеенкой,
Появляются груды пищи:
Хлеб в решетах,
Соль в солонках
И черные чугуницы.

Большак просматривает газету
И, оторвав от угла дорожку,
Заранее скручивает сигарету,
По-старому –
козью ножку.

Дети с ложками – стайкой к посуде:
Еда с парком,
духовита.
Доброе утро, добрые люди,
Приятного аппетита!

¹ Чело – наружное отверстие русской печи.

Покушав

и крошки смахнув в ладошку,
Большак закуриває в охоту.
Уже бригадир стучить под окошком –
Пора на роботу!

1962

ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ

Пусть ни грибов, ни ягод в лесу –
Он все равно хороши.

Каждое утро что-то несу
В дом из окрестных рощ:

Чаги¹ кружок,
Черенок для ножа,
Корень,
Охапку дров,
Шишка, похожую на ежа,
Песню,

пока без слов...

Пусть тишина,
В глуши ни души –
Все равно гул в ушах:
В шорохи трав и в шумы вершин
Вслушиваюсь не дыша.

Неба не видно,
Но там и тут
До колдовского дна
То озерцо полыхнет, то пруд –
Та же голубизна.

И ничего, что птичий отлет,
Что опадает листва –
Песню нашел,
и она живет,
Сыщутся и слова.

1962

¹ Чага – черный гриб в виде нароста на стволах берез.

РОДНЫЕ СЛОВА

Родные, знакомые с детства слова
Уходят из обихода:
В полях поляши – тетерева,
Летятинा – дичь,
Пересмешки – молва,
Залавок¹ – подобье комода.

Не допускаются в словари
Из сельского лексикона:
Сугрёвшка²,
Фыпки – снегири;
Дежень³,
Воркуны⁴ вне закона.
Слова исчезают, как пестери⁵,
Как прясницы⁶ и веретена.

Возилкой
Неполный мешок с зерном
Вчера назвала мельничиха,
Поднёбицей – полку под потолком,
Клюкву – журавлихой...

¹ Залавок – длинный, закрытый со всех сторон стол с полками.

² Сугрёвшка – ласковое название близкого сердцу человека.

³ Дежень – кушанье из толокна (овсяной или ячменной муки), замешанного на квасе, простокваше или моченой бруснике.

⁴ Воркуны – бубенчики.

⁵ Пестерь – плетенная из дранок или полос бересты заплечная корзина.

⁶ Прясница – прядлка.

Нас к этим словам привадила¹ мать,
Милы они с самого детства,
И я ничего не хочу уступать
Из вверенного наследства.

Но как отстоять его,
Не растерять,
И есть ли такие средства?

1962

¹ *Привадить* – приучить.

НА БОБРИШНОМ УГОРЕ¹

Завихряется стружка,
Пахнет ягодным бором.
Вырастает избушка
Над Бобришным Углом.

В получасе шаганья
От деревни Блуднова
Жизнь моя, как сказанье,
Начинается снова.

Нет, не в пустынь,
Не в пристань,
Лежебокам на зависть, —
В Чистый бор, как на приступ,
Рядовым отправляюсь.

Только дым закурчавит
Край небес над ущельем,
И поэзия спрavit
Здесь свое новоселье.

Есть мечта:
В удаленье
От сумятицы буден
Обрести птичье зренье,
Недоступное людям.

¹ *Бобришный угор* — место на крутом берегу реки Юг, неподалеку от деревни Блудново; на этом месте в начале 1960-х гг. А. Я. Яшиным был построен дом, в котором он уединялся для творческой работы и для общения с природой; на Бобришном угоре, по его завещанию, он был и похоронен.

Буду схож с Змееедом¹:
Так отверзнутся уши,
Что душе станет ведом
Говор трав и лягушек...

Заходите, соседи
Из окрестных селений,
Не окажется снеди –
Угощу сочиненьем.

На Бобришном Угоре
Воздух свеж, будто в море,
Родниковые зори,
И ни с кем я не в ссоре.

Ни запоров не надо,
Ни замков,
Ни ограды.
Добрым людям избушка
Круглый год будет рада.

А объявится рядом
Кто с недобрыйм поглядом² –
К тем она повернется
Не передом,
Задом.

1962

¹ Змееед – персонаж, встречающийся в сказаниях разных народов (отведав змеиного мяса, он обретает способность понимать языки птиц, зверей и растений); см., напр., одноименное произведение грузинского поэта Важа Пшавела, основанное на фольклорных мотивах.

² Погляд – взгляд.

ВСЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Шел дождь,
небо соединялось с землей,
шумели сосны,
над бором погрохатывало.
А городской человек
вошел в глубь леса,
осмотрелся
и ахнул:
— До чего хороша тишина!

Сколько же он должен был страдать
от нестройного гула и звона,
от лязга и крика,
сколько лет должен был кричать сам,
чтобы вдруг,
забредя в лес,
где просто — муравьи и птицы,
мох и звонкоголосый родничок, —
так вот почувствовать,
так до слез полюбить тишину?!

И сколько лет
должен был человек
мотаться из города в город,
ютиться в кирпичных и железобетонных домах,
дышать дымом и пылью,
пить нечистую хлорированную воду,
принимать по утрам пирамидон¹
от головной боли,

¹ Пирамидон — лекарственный препарат.

чтобы, наконец,
в обыкновенном лесу
обрадоваться, что на подошвах его
не грязь, а хвойные иглы и листья,
и удивиться,
и сказать самое простое:
— Все в этом мире для человека,
почему же он не понимает,
как хорошо жить в лесу?

1963

СКАЗКА ПРО МЕДВЕДЯ

К тракту почтовому, как на площадь,
Вышел медведь из чащи, из рощи.
Вышел и замер от удивленья:
Кончился лес,
А вверху – гуденье.
Глянул медведь на столб, как на ствол,
И облизнулся:
Набрел на пчел!

Лето в разгаре, цветут поляны,
Запахи всюду пряны,
Медвяны,
А у медведя одна забота:
К сотам добраться б –
Медку охота!

Как говорится, вору все впору:
Кинулся зверь на электроопору
И, провода задев ненароком,
Грохнулся наземь, ужален током.

Небо – с овчинку,
По телу жженье,
А над башкой все то же гуденье,
То же роенье,
Хоть пчел не видно.
Что за проклятое наважденье!
Он же медведь.
Медведю обидно.

Взвыл
И давай по земле кататься,
Лапами бить,
От мух отбиваться.
Не до колоды уже,
Не до меду –
Только бы ходу,
В тайгу либо в воду.
Бился, катался,
К столбу прижимался...

А над медведем весь лес смеялся.
Вот каким горьким мед оказался.

1961–1964

БЕЛИЧЬИ СВАДЬБЫ

Начинаются беличьи свадьбы,
Бор в слепящем морозном огне.
Не положено,
А летать бы
По сосновым верхам и мне.

От земной суеты отрешиться,
От чужих отмахнуться забот,
Ни за что не болеть,
Ничего не страшиться,
Жить, как ветер в вершинах живет.

Небо зыбко,
И сучья хрупки,
Но ведь тем и свята простота,
Что в глазах только беличьи шубки
Да манящие вспышки хвоста.

Я скользжу за колхозные гумна,
Оседает под лыжами снег.
Птицы с веток срываются шумно
И ныряют в сугроб на ночлег.

Как все просто в березнике частом,
Снова ростепель входит в права...

Не погибли бы только под настом
Простодушные тетерева.

1964

ПОКОРМИТЕ ПТИЦ

Покормите птиц зимой,
Пусть со всех концов
К вам слетятся, как домой,
Стайки на крыльцо.

Не богаты их корма.
Горсть зерна нужна,
Горсть одна –
И не страшна
Будет им зима.

Сколько гибнет их – не счастье,
Видеть тяжело.
А ведь в нашем сердце есть
И для птиц тепло.

Разве можно забывать:
Улететь могли,
А остались зимовать
Заодно с людьми.

Приучите птиц в мороз
К своему окну,
Чтоб без песен не пришлось
Нам встречать весну.

1964

СЧАСТЛИВ ЛИ Я?

Что я за человек?
Счастлив ли я? –
Не могу об этом не думать.

В темном зале кино,
если экран не кривое зеркало, –
я плачу,
над книгой правдивой
плачу,
над горем людским
плачу.
Мне тяжело, когда не могу помочь.

А за себя все-таки радуюсь:
значит, сердце мое не зачествело,
душа у меня живая,
я – человек.

И когда сам пишу книгу,
и совесть моя не спит,
и, доходя до исступления,
я тоже плачу –
гордости моей нет предела:
значит, есть и во мне искра Божия,
не зря меня кормит народ
своим хлебом.

Но плачет ли кто-нибудь
над моими книгами?
Счастлив ли я?..

ЧЕРЕМУХА

В молодом лесу весны
В бивуачном¹ беспорядке
Ивняковые кусты;
Кроны кленов зелены,
Как солдатские палатки.

А по склонам, как костры, –
Купол к куполу, –
Огромных,
Десять белых, как шатры,
Распустившихся черемух.

Что в них есть?.. Гляжу в упор,
Отвести не в силах взор
От нарядных, от красивых,
Как от граней снежных гор,
Как от троек белогривых.

Так белы – вокруг бело,
Белое чудо весны!
Природа позвала нас к себе в гости.
Мы в гостях у природы.

Обломали всё –
И чуда не стало.

1966

¹ *Бивуачный* – характерный для бивуака, места отдыха войск вне населенного пункта.

КУЛИК

В болоте целый день ухлопав,
Наткнулся я на кулика.
Он из гнезда, как из окопа,
Следил за мной издалека.

Как трудно быть ему героем:
Того гляди, возьму живьем,
А он один в гнезде своем,
Как в поле воин
Перед боем
С противотанковым ружьем.

Взлетать иль нет?
А вдруг замечу,
Со всем хозяйством загублю?
А не замечу –
Искалечу,
Ногой сослепу наступлю?

Зачем играть со смертью в прятки?
Я на него взглянул любя
И – мимо, мимо без оглядки...
Сиди, родимый,
Всё в порядке,
Я просто не видал тебя.

1966

ДЕНЬ ТВОРЕНЬЯ

Михаилу Дудину¹

Восемь цыплят вылупилось,
Одно яйцо недозрело,
Так сказать, уцелело.
Но қурица не горевала
И парить больше не стала,
Судьба одного цыпленка
Ее не занимала.
Ей восьмерых хватало.
Она их к порогу скликала,
Квохтала, будто подсчитывала,
И под себя подгребала.

Что же это девятое
Яйцо –
Ужель пустотело?
Я взял его в руки:
Белое,
Целое, как и было.
Концом перочинного шила
Расковырял скорлупку,
Расколупал,
Раскупорил,
И там оказалось... тело.
Там было живое тело.
Вот ведь какое дело!
Еще не цыпленок – тело
Цыплячье,

¹ Дудин Михаил Александрович (1916–1993) – поэт-фронтовик.

В крови, в ворсинках,
В остатках желтка,
В волосинках.
Круглое это тельце
Дышало и жить хотело.

Я стал –
Сначала несмело –
С жизни чуть теплой, хрупкой
Снимать скорлупу за скорлупкой,
Стал отделять от живинки
Мертвые скорлупинки,
Как плод живой от последа¹.
А будет ли победа?
Ох, как же мне было страшно!
Как молодой повитухе,
Девочке-акушерке.
Секунды решали дело.

Но робость моя проходила.
Очистив от крови цыпленка,
Я положил его в тряпку,
Затем в мохнатую шапку,
А в шапке
На теплую печку.

И вот мой младенец ожил
В шапке, как в люльке, в зыбке.
Ожил! –
Спасибо, Боже! –

¹ Послед – оболочка плода в материнской утробе.

Забился, закопошился,
Зацевкал
И опушился.
Голос его был звонок.
Это уже был цыпленок.
Ах ты, мой соколенок!
Орленок ты мой!
Миленок!
Родимый ты мой, рожёный,
Я – крёстный твой нареченный.

Потом пора настала,
И клушка его признала.
А я отошел в сторонку,
Счастливый до умиления,
До слез,
До вдохновения,
Как Бог в первый день творения.
Я жизнь сохранил цыпленку,
Пусть хоть одну,
Хоть цыпленку,
Но – жизнь!
Без преувеличения.

1966

ПОЧЕМУ НЕ УДИВЛЯЕМСЯ

Почему-то без удивления
Смотрим на небо, на поля,
И – восторженно,
С умилением
Пересказываем сновидения,
Хоть и в снах
Все та же земля.

А деревья-то зеленые!
А в озерах
Вода в цвету.
А в воде, что стрелы каленые,
Листья длинные,
Заостренные,
Оголенные,
Опущенные...
И все тянутся в высоту.

В небе крылья птиц распростертые,
Тучи, радугами подпертые,
Камни скал в кореньях витых.
Видно, скалы тоже не мертвые,
Раз деревья растут на них.

Над рекою кручи размытые.
Я на срез отвесный гляжу,
Будто в недра земли открытые
По ступенькам цветным вхожу.

Налюбуюсь ли на нарядную,
Ненаглядную землю-мать,

Непарадную,
Неоглядную?..
Так всему в этом мире радуюсь,
Будто завтра его покидать.

И тоскливо мне одному –
Будто завтра конец всему.

1966

ЧЕГО ЕЩЕ СЕРДЦЕ ПРОСИТ?

Я видел большую воду –
Апрельский разлив и спад,
И как журавли в непогоду
Домой под обстрел летят.

Свободна
И судоходна,
Как Млечный Путь широка,
Река, будто пену, к сходням
Накатывает облака.

Луга заметает илом,
Бьет бревнами кручам в грудь...
Позднее ей не под силу
И жерновок провернуть.

Я видел, как из-под снега,
Размытого добела,
Неведомого побега
Проклевывалась игла.

Подснежников появление,
Березовых почек рост
Я сравнивал по значению
С рождением новейших звезд.

Жестоких желаний жженье,
Любовь и остуду знал,
И ненависть, и примиренье,
Смирялся и бунтовал.

Все видел:
Весну, и осень,
И зиму – во льдах, в снегу...
Все в памяти берегу.
Чего еще сердце просит?
Чему удивиться смогу?

1966

В КОНЦЕ ПУТИ

Пашни, поженьки, перелески,
Как в кино скоростном, летят.
В окнах мечутся занавески,
Будто выброситься хотят.

Для последнего перегона
Вместо дымного паровика
Встал в упряжку к мокрым вагонам
Черт с рогами,
В броне бока.

Отшатнулся состав в испуге,
Напружинился, задрожав.
К проводам подлетели дуги,
Словно вожжи в руки зажав.

И – пошел!
Мимо людных станций,
Без стоянок,
Скорей, скорей!
Визг железа,
Да стук дверей,
Да мелькают протуберанцы¹
Электрических фонарей.

¹ Протуберанцы – светящиеся образования из раскаленных газов на краю солнечного диска.

И чем ближе конец дороги,
Дом, семья, –
Тем сильней, больней,
Тем неистовой гром тревоги
На путях
И в груди моей.

А потом,
Будто с крыши голубь,
Крылья складывая на лету,
Я с вокзала валюсь, как в прорубь,
В суматоху и суету.

1966

НОЧНОЙ ПОЕЗД

Это как приближенье
Ветра, воды, песка.
Вдруг возникает движенье,
Неясное пока,
Словно круговращенье
Медленное
в облаках.

Дикой пчелы роенье?
Шелест березняка?
Может, прорвав загражденье,
Хлынула с гор река –
Стонут от напряженья
Взмыленные бока?
Может, громов рожденье,
Скал прибрежных крушенье,
Слышное издалека?
Ждешь,
Как землетрясенья –
Гула,
Рывка,
Толчка.

Лес пригибает ветви,
Дрогнул небесный свод,
Стекла звенят...
А это
Просекою
Сквозь ветер
Поезд ночной идет.

ДЖИН

Увели собаку со двора,
Словно женщину переманили.
Чем пленили?
Что ей посулили? –
Ничего не скажет конура.

Доброта собаку подвела:
Вырастала в сытости и в холе,
Ничего не знала о неволе,
От людей не ожидала зла.

Лаяла...
Но разве это лай?
Преданность, любовь, мольба о ласке:
Хочешь – запрягай ее в салазки,
Хочешь – в космос, к звездам засылай.

Я не вешал планку на столбе:
«Осторожно, во дворе собака!»
Сын мой, как на похоронах, плакал
О своей и о ее судьбе.

Увели ее исподтишка,
Верно, за ушами почесали,
Поиграли,
На веревку взяли,
Как телка на пожне, сосунка.

Если б лес вокруг, степная гладь –
Я бы думал, что ее в околки¹
Ночью играми сманили волки, –
Тоже знают, чем собаку взять.

¹ *Околок* – перелесок.

Джин мой, Джин!
Уж лучше бы меня
Умыкнули от семьи подале,
Обо мне бы меныше тосковали,
Так не убивалась бы родня...

Дни и ночи мы как на посту:
Вдруг примчится,
Завизжит, залаает...
Неужель в людскую доброту
И собака веру потеряет?!

1967

МУХОМОРЫ

Из кустов, как с экрана,
Смотрят в очи Вселенной
То шатры Чингисхана¹,
То Василий Блаженный².

Прохожу коридором
По сосновому бору:
Счета нет мухоморам –
Мухомор к мухомору.

А отсюда, бывало,
На телегах, навалом,
Снедь лесную возили,
Пестрой не хватало.

Вдоль борушки-опушки,
Словно девочки в школе,
Бесенились волнушки
С бахромой на подоле.

Табунились маслята,
А по влажному скату
В листьях прятались груди,
Как зайчата в капусте.

Даже белые были –
Что ни год в изобилие
Выносила их осень,
Как хлеба на подносе.

¹ Чингисхан (ок. 1155 или 1162–1227) – основатель монгольской империи, один из крупнейших завоевателей в мировой истории.

² Василий Блаженный – Покровский собор на Красной площади в Москве.

А теперь тут заборы
По всему косогору
И одни мухоморы –
Мухомор к мухомору.

Разнородны и ярки,
Как заморские чарки,
Как ковры на паркете,
Как почтовые марки
На зеленом пакете.

Длинноногие франты
В чужеродном наряде.
Наглые оккупанты
На победном параде.

1967

* * *

Тишина над рекою,
Над равниною вешней.
Наслаждаюсь покоем
И ходьбою неспешной.

Никаких заседаний,
Среди птиц — сам как птица.
Солнце без опозданий
И встает и садится.

Многослойная хвоя
Укрывает от зноя.
Но в трущобе таежной
Мне, как в детстве, тревожно.

Черный сук отгибая,
Чую даже спиною:
Сотни глаз, не моргая,
Наблюдают за мною.

Выжидают,
Гадают,
Не боясь, что обидят:
Все, что думаю, — знают,
Все, что делаю, — видят.

Ну и пусть! Я же дома.
Припадаю к стволине.
Мох хрустит, как солома
В пересохшем овине.

И глаза закрываю,
Ничего знать не знаю.

Эти птицы и звери
Мне-то
С детства знакомы...
Затаились, не верят
Ну и пусть:
Я же дома!

1958–1967

СВОЕ ДОБРО

Кончились радости осени. Дождь.
Небо слезится,
Тучи, как дым.
Ты меня в город, домой зовешь,
Ждешь, как отходника¹.
С возом каким?

Груз мой – корзины да пестери,
Не из-за моря –
Свое добро.
Хочешь, бочонок груздей бери,
Туес брусники,
Клюквы ведро.

Как говорят, чем богат, тем и рад,
Что уродилось,
То и везу.
Разбогатеть не смог, виноват,
Не за границами жил – в лесу.

Чем занимался?
Да просто жил,
Сил набирался,
Жил и дышал.
Рад, что ничьих не вытягивал жил,
Людям на горло не наступал.

Не говорю, что горе прошло, –
Свыкся.
У всякого свой удел.

¹ *Отходник* – крестьянин, занимающийся отхожим промыслом, уходящий из дома на сезонные работы.

Все-таки что-то произошло:
Тучи, как дым, и дождь,
А светло.
Осенью даже лес посветел.

1967

МЫ БЫЛИ МОЛОДЫ

В голоде,
В холоде,
В городе Вологде
Жили мы весело –
Были мы молоды.

Я со своей богоданной
Ровесницей
Под деревянной
Под жактовской¹ лестницей.

В крошке-сторожке,
В сарае ли –
помните?

Нам-то казалось:
В отдельной комнате.

Были мы молоды,
Не запасливы:
В голоде, в холоде –
Все-таки счастливы.

Крови давление,
Сердца биение
Были нормальными
На удивление.

Как чудесами
Кичились крылечками,
Да туесами,
Да русскими печками.

¹ Жактовский – числящийся по ведомству ЖАКТа, жилищно-арендного кооперативного товарищества.

Окна в узорах,
Кровли с подкрылками¹,
Охлупни² в небе
С коньками,
С кобылками.

Не горевали,
Что рядом, на площади,
С сеном, с дровами
Тонули лошади.

Мы колеи бутили¹
Поленьями,
Мы тротуары мостили
Каменьями.

И терпеливы были
И сметливы,
Неприхотливы,
Непривередливы.

Как нам любилось!
Как улыбалось!
Самое-самое
Близким казалось.

Не на «Победах»
И «Волгах» – где уж там! –
На велосипедах
Катали девушек.

¹ Подкрылки – причелины, доски с резным орнаментом, прикрывающие края кровли.

² Охлупень – бревно с желобом, венчающее крышу.

³ Бутиль – заваливать неровности.

И у Матрешек
Вместо сережек –
Серпы и молоты,
А вместо брошек –
Значки наколоты:
Ценилось не золото, –
Мы были молоды!

Что нам мохнатые
Бобры и пыжики¹?
Гордились ребята
Буденовкой² рыженькой.

Не было крова
Под флагом
Сутяге³.
Честное слово
Равнялось присяге.

В голоде,
В холоде
Жили мы в Вологде.
Но были молоды,
Вот как молоды!

Ах до чего же
Глупы и молоды!

1967

¹ *Бобры и пыжики* – бобровые и пыжиковые (из шкуры теленка северного оленя) шапки.

² *Буденовка* – красноармейский суконный шлем.

³ *Сутяга* – вздорный и придирчивый жалобщик.

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Я люблю, когда при встрече
Мы знакомым и родным:
«С добрым утром!»,
«Добрый вечер!»,
«Доброй ночи!» – говорим.

Если к чаю иль к обеду
В дом войдем –
Не любо, что ль,
Поклоняясь, сказать соседям:
«Чай да сахар!»,
«Хлеб да соль!»

Не от тяги к суесловью¹
И сложилось не вчера
Это братское, с любовью
Пожелание здоровья,
Пожелания добра.

Хорошо и путь-дорогу
По обычаю начать:
У родимого порога
Посидеть и помолчать.

Не спешу с моралью строгой,
Коль в дорогу кто-нибудь
По привычке скажет:
«С Богом!»
«С Богом!» – тоже «В добрый путь!»

¹ Суесловье – пустословие, болтовня.

От души желаю счастья
Всем товарищам своим,
Молодым – в любви согласья,
Долголетья – пожилым.

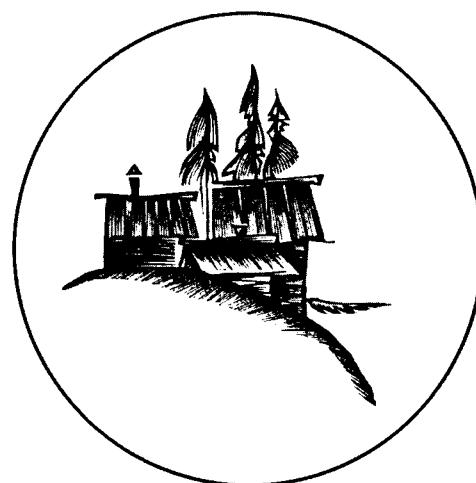
Рыболовам,
Звероловам –
Теплой ночи у костра,
И – богатого улова,
И – ни пуха ни пера.

Пусть людей во всех заботах
Ждут удачи и успех,
Чтоб работалось с охотой
И гулялось без помех.

Даже стае журавлиной,
Улетающей от нас,
По обычаям старинным
Мы кричим: «В счастливый час!»

И живется вроде лучше,
И на сердце веселей,
Коль другим благополучья
Пожелаешь на земле.

1968

ПРОЗА

СЛАДКИЙ ОСТРОВ

Когда мы уедем?

Мы не знали, куда едем, какой такой необитаемый Сладкий остров вдруг обнаружился в Белозерье и как мы там будем жить. Думалось – едем дней на десять, не больше. Отдохнем, половим рыбку – и обратно. Почему-то представлялось, что этот остров находится вблизи Кирилло-Белозерского монастыря, куда в свое время не раз наезживал Иван Грозный, где была заточена одна из его жен¹ и отбывал ссылку архиепископ Никон²; либо этот остров около другого архитектурного памятника русской старины – Ферапонтовского монастыря, в котором еще и поныне живы фрески гениального Дионисия³.

Казалось даже, что Сладкий остров находится на самом Белом озере. Но на Белом озере никогда не было и сейчас нет никаких островов.

Сладкий остров мы нашли в не менее примечательных местах – на Новозере. И не там и не таким, каким представляли его по рассказам. Обычная история: сколько ни читаешь, сколько ни слушаешь о чем-нибудь, а когда сам увидишь и испытаешь – оказывается все не так. Северные сияния видели на картинках, все видали, и читали о них много, все читали. А, уверяю вас, они совсем не такие, какими вы их себе представляете. Никакая литература, никакие очевидцы, даже отец родной, не могли мне дать правильного представле-

¹ ...где была заточена одна из его жен – четвертая жена Ивана Грозного, Анна Колтовская, была заточена в 1575 г. в Воскресенском Горицком женском монастыре, находящемся в 7 км от мужского Кирилло-Белозерского монастыря.

² Никон (1605–1681) – патриарх Московский и всея Руси; на церковном соборе 1666–1667 гг. был лишен сана и сослан в Ферапонтов Белозерский монастырь, находящийся в 17 км от Кирилло-Белозерского монастыря.

³ Дионисий – выдающийся русский живописец конца XV – начала XVI в.

ния о войне, пока я на ней сам не побывал. Зато, побывав и в огне, и в ледяной воде, я совершенно по-новому стал читать Льва Толстого. Он лучше всех передает состояние человека на войне¹.

Итак, мы переправляемся на лодках из деревни Анашкино на Сладкий остров, сначала в большой компании. Почему остров этот называется Сладким? Всегда ли, для всех ли он был сладким?

Местные люди рассказывают, что вблизи острова Сладкого, на острове Красном, процветал в свое время Новозерский монастырь. О красоте его можно судить по сохранившимся до наших дней крепостным стенам, которые вырастают прямо из воды, и по остаткам церквей и прочих монастырских зданий. На каком бы берегу Новозера люди ни находились, на низком болотистом, где собирают клюкву и морошку, на лесистом ли высоком, где грибы и малинники и всякая боровая дичь², – отовсюду, конечно, видны были золотые луковки куполов и далеко по озерной глади разносился медный гул и звон с высокой колокольни – «малиновый звон»³. Красного острова, по существу, не было и нет – ни клочка голой, не огороженной камнем земли. Просто посреди озера вознесся к небу сказочный град-крепость, будто один расписной волшебный терем, подобие которому можно найти лишь на самых замысловатых лубках⁴ и древних иконах. Он был весь «как

¹ Он лучше всех передает состояние человека на войне. – Наиболее подробно состояние человека на войне описано Л. Н. Толстым в «Севастопольских рассказах» и в романе «Война и мир».

² Боровая дичь – лесные птицы: тетерев, глухарь, рябчик, вальдшнеп, белая куропатка.

³ Малиновый звон – мягкий по тембру, переливающийся колокольный звон.

⁴ Лубок – народная картинка, размноженная с липовой доски печатным способом.

в сказке» и в то же время был на самом деле, существовал, красовался.

А на примыкающем к монастырю, тоже небольшом, но совершенно плоском и очень зеленом островке господствовало и процветало православное купечество. В престольные праздники¹, особенно в дни Тихвинской², здесь работали и лавки, и палатки, и лотки, бродили шумные коробейники³ – шла оживленная торговля. Купить можно было все – от заморских шалей и полуshalков⁴ до детских пряничных петушков.

Но особенно славились новозерские базары сладкими винами и сбитнем. Что такое сбитень, выяснить точно не удалось. Это какой-то безалкогольный горячий напиток, приготовленный на патоке или подожженном меде со специями, с пряностями. Может быть, это нечто вроде кока-колы или наших ситро и лимонада. Продавали сбитень, как и все другое, с шуточками-прибауточками: «Сбитень горячий пьют подъячие; сбитень-сбитенек пьет щеголек!» И верно, горячий сладкий сбитень любили все, от старого до малого, сладкие леденцы и пряники тоже.

Христолюбивым чадам, только что приобщившимся к святым тайнам и отведавшим сладкого причастия, не менее сладкими казались и русская горькая, и сивуха. Большие народные гулянья с торжественными обрядами и недолгие пиры скрашивали нелегкую крестьянскую жизнь – в престольные праздники, на миру, она казалась порой и обильной и сладкой. Потому будто бы и остров этот стали звать Сладким. Так рассказывают старые люди.

¹ *Престольный праздник* – праздник в память святого или события, которому посвящен сельский храм или его приделы.

² *Тихвинская* – Тихвинская икона Божией Матери, почитаемая в Русской православной церкви как чудотворная.

³ *Коробейник* – мелкий торговец-разносчик.

⁴ *Полушалок* – шаль, платок небольшого размера.

Позднее оба острова были использованы для других надобностей. А сейчас монастырская крепость пустует. Летом в ее стенах сторож Сергей Федорович, колхозник из деревни Карлипки, заготовляет сено для своей личной коровы – это его собственное угодье, и тут никто ему не указ.

Опустел и Сладкий остров. Догнивают на корню и рушатся березовые аллеи. Догнивают и разваливаются всевозможные постройки, постепенно исчезает разное мелкое имущество. Все оно не бесхозное, все где-то зарегистрировано, занесено в книги, но бывшим хозяевам оно теперь ни к чему, а передать его тем, кому оно необходимо или может пригодиться, они не удосужились. Вероятно, когда все служебные помещения, жилые дома и прочие постройки догниют, а имущество будет до конца расхищено, все будет просто списано по акту – как непригодное. Так у нас часто водится.

Поговаривают, что после этого на Сладком острове будет строиться дом отдыха леспромхоза¹ или Вологодского отделения Союза писателей, либо колхоз организует здесь крупную утиную ферму.

Первое, что нас поразило на острове, – тишина.

Приехали мы туда поздно вечером, и это особенно усилило впечатление удивительной устойчивости, неколебимости всего, что нас окружало. Воздух был неподвижен, вода тоже. На Новозере даже ряби никакой не было, не только волны, разве что иногда рыба всплеснет. Деревья стояли на земле прочно, ни один листочек не вздрогивал. Свистели утиные крылья да гудели, пели, звенели комары. Комариный писк воспринимался как вечный шум в морской раковине, как пение самой земли. Он не нарушал тишины, а только усиливал ее. Ночью вокруг озера запели петухи да где-то далеко-далеко вскрикивали журавли.

¹ Леспромхоз – предприятие лесной промышленности, осуществляющее заготовку, вывозку, разделку и отгрузку древесины, а также сплав леса.

Эхо отзывалось на всякий звук. В горах эхо, кажется, присутствует всегда, оно не исчезает. А здесь эхо — гость нечастый, и потому, когда оно появляется, с ним хочется разговаривать, дурачиться и детям и взрослым.

— Какой цветок вянет от мороза? — кричит почтенная мать семейства. И радуется, когда эхо отвечает ей: «Роза! Роза! Роза!»

— Что болит у карапуза? — озорно вопрошают отец.

«Пузо!»

Ах, до чего весело, до чего остроумно!

И вдруг эхо замолчало. Почему?

Старший сын едет за молоком, и в вечерней тишине плеск весел разносится по водной глади и повторяется многократно. Это тишина. Что может быть дороже тишины на свете?

Посмотрите кинокартину «Встреча с дьяволом»¹ — люди, побывавшие в кратерах действующих вулканов, утверждают, что самое большое в мире достояние — тишина. Я понимаю их. Я живу в большом городе.

Тишина осталась и утром, и на весь день и уже казалась непреходящей. Утром по берегу из деревни Карлипки в деревню Анашкино и дальше к деревне Артюшино — центральной усадьбе колхоза «Заря» — проходила грузовая машина с молоком, только одна грузовая машина — вот и весь шум, а хватало его на весь день. След машины отмечался скорей не шумом, а пылью. Пыль, как дым, клубами поднималась над лесом вдоль берега озера и долго-долго не рассеивалась. По пыльному следу хорошо было видно, где проходит дорога, все изгибы, все неровности ее.

Но до Сладкого острова не доплывала и эта пыль. Здесь воздух был абсолютно стерильным. И потому так ярко горели здесь закаты и восходы, тысячекратно повторенные в воде.

¹ «Встреча с дьяволом» — французский документальный фильм о вулканах (реж. Гарун Газиев, 1959).

Весь остров просвечивался, вода была видна отовсюду, и он всю ночь сиял в огнях снизу доверху — летние ночи здесь очень коротки. Не успевал потухнуть закат, как рядом с его кострами возникало зарево восхода.

— Когда же мы спать будем? — радостно и встревоженно спрашивали мы друг друга.

Для детей наших, питомцев большого города, все казалось особенно диковинным и волнующим.

— Как? Это и есть белые ночи? Значит, мы уже на настоящем севере?

Мы облюбовали один из домов, заняли половину его, нанесли в комнату, предназначенную служить спальней, свежего сена, расположились и сказали себе:

— Десять дней мы здесь проживем. Это уже ясно. Сможем ли только уехать отсюда через десять дней?

Новый быт складывался сам собой. Мы стали ходить сначала в трусах и майках, потом только в трусах. Затем перешли к плавкам, чтобы лучше загореть. Под конец кое-кому и плавки показались лишними. Умывались мы в озере, завтракали на берегу озера прямо у костра. Купались по нескольку раз в день. Обыкновенные пластмассовые мыльницы нас перестали удовлетворять, и мы заменили их створчатыми ракушками. Любой кусок мыла на перламутре казался совершенством. Зубы продолжали чистить, но неохотно, — вероятно, надо было заменить простой зубной порошок святым озерным песочком.

Миша мыл руки в озере и удивлялся: не скрипит.

— Почему-то мыло не смывается? — спрашивал он.

— Потому что здесь вода очень мягкая.

— Как это — мягкая?

— Не могу тебе объяснить, — в свою очередь, удивлялась мать. — Наверно — ласковая!

— А, понятно! — удовлетворялся Миша.

Конечно, легко сказать: завтракали, обедали и ужинали на берегу озера, прямо у костра. Но ведь скатерти-самобранки у нас с собой не было. Не захватили. Значит, кто-то должен был разжигать костер, готовить завтраки, обеды, ужины, мыть посуду. Кто же? Конечно, мать. Мать и на озере оставалась матерью. Отдыхала ли она сама — трудно сказать. Но нам казалось, что она больше всех довольна, что приехала сюда. Она ликовала. Она во всем находила что-то прекрасное и радовалась не одним закатам и восходам. Она сочиняла сказки, сочиняла сказки для всех. Отец, конечно, писать не смог, здесь было слишком хорошо, и это ему мешало. Ему всегда что-нибудь мешало: слишком хорошо — плохо, и слишком плохо — не хорошо. А мать мыла посуду в озере и радовалась: как хорошо — оказывается, и в озере вода течет. Полоскала с мытика наши трусы и майки и говорила:

— Удивительно, как быстро и легко прополаскивается!

Теперь я понимаю, почему в русских городах, где есть уже и водопровод, и ванны в квартирах, женщины все-таки предпочитают полоскать белье в реке, на речке. В Вологде у причалов стоят новенькие обтекаемые катера, теплоходы с канала Москва — Волга, по асфальтированным улицам носятся сверкающие лаком и никелем автомобили, а на берегу реки, напротив педагогического института, вологодские хозяйки, как и восемьсот лет тому назад, с мостков, с дощечек полошут свое белье, выжимая и перекладывая его с левой стороны на правую, с правой стороны на левую. Складывают его в плетеные корзины и на коромысле уносят домой. Попробуй после половодья не навести мостки в срок — поднимут бунт! Зимой они полошут его в прорубях, обставленных вокруг зелеными елочками — от метелей, а потом развешивают на морозе на веревках. Вот и становится белье белоснежным и попахивает ледком, морозом. Как хорошо!

Мы радовались всем маминым радостям и на многое смотрели ее глазами. Интересно было, когда она вдруг замечала в жизни, в природе что-то такое, мимо чего мы проходили, не обращая на это внимания. Она часто заставляла нас как бы прозревать.

— Обыкновенная лебеда, а тень от нее богатая, узорная, как от диковинного цветка...

Узнала от рыбаков мать, что лещ рыба мирная, не хищная, питается насекомыми, червяками, любит жить в траве, в хвоще, а растет быстро и достигает размеров необыкновенных. Силища у этого водяного вегетарианца страшная. Посмотрела мать на леща, подняла золотистого, влажного, чешуйчатого великана и сказала:

— Вот, ребята, озерный лось. Заходит он в камыши, как лось в осиновую рощу, питается травкой, личинками, червячками, сам никого не обижает, а его все боятся. Озерный лось!

— Это надо записать, — сказал папа, — может, пригодится.

Серебристую плотву мама сравнивала с сыроежкой. Сыроежка гриб вкусный, но портится быстро, легко крошится, белая гребеночка ее снизу шляпки осыпается. Плотичку тоже надо немедленно чистить и варить или жарить, не то загниет. А чуть переваришь — вся разлезется, есть станешь — костей не оберешься. Некрепкая рыба, что и говорить.

— Записать надо, это интересно: плотичка что сыроежка. А ведь похоже! — восхищался отец, отдавая должное маминой наблюдательности.

Мы купались ежедневно и утром, и днем, и вечером, а почувствовали всю прелесть лишь после того, как выкупалась в озере мать и, выкупавшись, повернулась к озеру и поблагодарила его, а затем наклонилась к воде и поцеловала ее.

— Когда купаешься, плывешь — все тело пьет воду.

— Это правильно, — сказал отец, — это надо записать.

А Миша сказал:

- Не понимаю, почему папа писатель, а мама не писатель.
- Что ж, сынок, бывает и так. У нас это бывает, – согласился отец. Он не обижался. Кажется, он думал так же.

Щука

За месяц до отъезда из Москвы папа начал готовиться к рыбной ловле, и у нас не стало денег. Зато появились спиннинг в чехле, удочки в чехлах, садок для рыбы, сачок, наборы всевозможных лесок, поливиниловых и хлоридных жилок, разных блесен, в том числе даже для зимнего подледного лова (это в июле-то!), глубокомер, разные грузила, поводки, карabinчики, колечки, коробочки – чего только там не было! Приобретены были и резиновые рыбакские сапоги-бронди, с голенищами, которые подвязывались к ремню.

– Чем же я вас кормить буду? – говорила мать, обозревая все это снаряжение.

– На этот раз кормить буду вас я, – убежденно заявил отец. – Рыбой!

И вот началась ловля.

Уселся отец на берегу, разложил все свое хозяйство, опустил садок в воду, закинул удочки – нет рыбы. Посидел он с часок, свернул удочки, перенес все добро в лодку и выехал на середину озера, к тресте – так называют здесь озерную траву: хвощи, камыши. Слышал он, что где-то около травы на середине озера проходит каменная гряда, на которой хорошо берет окунь. Облюбовав местечко, отец опустил якоря – кормовой и носовой (это были шестеренки от какой-то машины и обыкновенный кирпич). Закрепил лодку на месте и опять принялся за работу. Нет рыбы! Тогда он решил сменить червей: слыхал, что окунь любит красных червей.

Вернулся отец на берег, разыскал глинистое место, накопал красных червей – загляденье, а не черви, один к одному! – и снова принял за лов с неослабевающим азартом. Клюнуло. Вытащил несколько окуньков, каждый сантиметров на десять в длину, с трепетом опускал их в садок, но скоро заметил, что в садке окуньков нет. Оказалось, что ячейки садка таковы, что сквозь них легко проскальзывает и более крупная рыба.

Многое из закупленного отцом снаряжения рыболовецкого оказалось либо ненужным, либо непригодным. Но каждое утро он вставал на заре и снова отправлялся на рыбалку, как на службу.

– Плохо я сделал, что барометр с собой не взял, – сожалел он уже не в первый раз. – Вот посмотрел бы и знал, куда на сегодня садиться надо.

Отец от кого-то услышал, что рыба меняет места в зависимости от атмосферного давления: высокое давление – рыба стоит на мели, на солнцепеках; понижается давление – она уходит на глубину. Конечно, без барометра какая рыбалка! Да и крючки оказались неподходящими – и великоваты, и не остры, и цвет у них не тот. Вот если бы раздобыть где-нибудь крючки норвежские, или чехословацкие, или датские – вот это крючки! Для таких и наживка не обязательна. А есть еще крючки с искусственными червями – класс!

- Папа, возьми меня хоть раз! – попросился как-то Миша.
- Тебе же скучно будет.
- Я тоже удить буду.
- Клев плохой.
- Надо же мне учиться.

Удочка у Миши маленькая, полутораметровая, а у папы составная трехколенная и с катушкой; леска у Миши грубо-ватая, белая, поплавок простой пробковый, крючок мушечный, а у папы леска цвета воды, поплавок с колокольчиком.

Червяков своих Миша положил в спичечную коробку, а у папы черви в мотыльнице с отверстиями на крышке.

Измерил папа глубину озера, закинул свой автомат, вытянул ноги в лодке, положил в рот мятную лепешку, сидит посасывает, на поплавок поглядывает, ждет — не клюнет ли. Нет, не клюет. Закинул Миша свою хворостинку у самой лодки, потянуло его поплавок — течением, что ли? — под лодку, потом лег поплавок набок, испугался Миша, не зацепило ли, дернул и потащил по воде что-то большое да тяжелое — и удочка дугой. Папа вскрикнул, схватился за сачок, и если бы не сачок, не поднять бы леща в лодку. А лещ оказался здоровый, золотистый, шириной в две Мишиных ладошки. (После взвесили — килограмм шестьсот граммов.) Миша визжит, папа чуть не плачет от радости.

— Как это я успел вовремя сачком подхватить. Если бы не я, нипочем бы тебе, сынок, леща не вытащить на такую удочку.

— Ой, спасибо тебе, папочка, — кричит Миша. — Сейчас я всех вас буду рыбой кормить.

Три дня после этого папа не брал с собой Мишу.

— Мешает он мне! — говорил он.

Мама подумала и сказала:

— Кажется, мы и недели здесь не проживем.

Но папа не сдался, не покинул острова раньше времени, страсть его не остыла, только оставил он удочки и взялся за спиннинг.

Ловля на спиннинг забрасыванием с берега и с лодки удача не принесла, хотя были перепробованы на авось десятки блесен. Тогда отец решил использовать спиннинг в качестве дорожки. При этой ловле важно удачно выбрать блесну и установить наиболее подходящую скорость, с которой нужно тянуть эту блесну за лодкой, чтобы игра блесны напоминала игру рыбки. По-видимому, для каждой блесны скорости движения должны быть разные.

Поначалу отец сидел за веслами сам, и по этой причине, только по этой причине щуки не шли на блесну. Тогда он пригласил за весла старшего сына.

— Сколько полагается распускать лески? — спросил Саша.

— Я сам не знаю, сынок. Попробую побольше.

Спиннинговая катушка раскручивалась бесшумно и быстро, и почти все пятьдесят метров жилки скоро были спущены за борт. Результат сказался немедленно — щука попалась на дорожку. Это могла быть только щука — рывок был мощным, катушка, поставленная на тормоз, затрещала сильно и нервно и не перестала трещать, пока отец не взвыл: «Назад, назад!» — а Саша не дал задний ход. Весла скрипнули, вода забурлила, последние метры жилки размотались, удилище на мгновение выпрямилось, напряжение его ослабло, а потом дернуло снова, и оно опять пригнулось к воде.

Отец встал в лодке во весь рост.

— Наконец-то попалась! — торжествовал он. — Миленькая, не сорвись, миленькая, не сопротивляйся! Саша, греби назад, родненький, назад!

Лодка стала подвигаться в обратном направлении, жилка ослабла, и отец начал сматывать ее, то ускоряя, то замедляя вращение катушки.

— Только бы не сорвалась! — молил он. — Главное сейчас не натягивать сильно, чтобы щуке губу не порвать. Или за что она там зацепилась? Ведь бывает, что щука не берет блесну, а просто идет рядом с ней и играет, и якорек прихватывает ее. Бывает, даже за живот или за спину зацепит. В таком случае все решает мастерство спиннингиста. Вот опять дернула, вот потянула... — переполошился он. — Только бы не сорвалась! Ну и щучка, я тебе скажу, сынок, ну и экземплярчик! Вот опять потянула. Греби сильней! Знать бы только, крепко ли она взялась?..

Отец, по-видимому, совершенно отчетливо представлял себе, как огромная щука хапнула блесну, с остервенением

сжимая сверкающий металл в мощных челюстях, рвала и металла и подвигалась навстречу лодке, как стальная торпеда: вот-вот взорвется, что-то тогда будет... У него выступил пот на лбу, лицо его было испуганным – и, кажется, он не так боялся, что щука сорвется, как того, что ее, такую, придется в лодку поднимать.

– Главное, Сашенька, на сегодняшний день поймать хоть одну, а там пойдет. Начать важно, чтоб перспектива была, чтобы мама веру в нас не потеряла. Бросай весла, сынок, давай сачок!

Саша бросил весла, леска сразу натянулась, отец изогнулся и начал выбирать ее руками. Саша опустил сачок в воду и ждал. Ему тоже стало страшно. Наконец, у самого борта лодки из воды всплыла небольшая разлапистая елка, украшенная, словно новогодними игрушками, зелеными водорослями, ракушками, тиной.

– Вот, – выдохнул отец, – так я и знал, что это не щука. Непохоже было. Щука, она рвет, дергает, а елка, понимаешь, просто тянет, тянет и цепляется, потому что лодка-то движется.

Саша тоже вздохнул с облегчением.

– Папа, – сказал он, – может быть, щука все-таки была? Просто она метнулась на дно и сорвалась, а потом уже блесна зацепилась за елку.

– Представь себе, я тоже так думаю, сынок. Все-таки щука была, и не маленькая. Даже очень большая, прямо тебе скажу. Всегда с крючка срывается только самая крупная рыба, спросите об этом любого рыбака. И хорошо, что мы поволновались, пережили все это, хоть и не поймали щуки. Мы ее тащили, вот что важно! Когда первая схватилась, второй взяться будет уже легче. Значит, блесна хорошая, и действовали мы правильно. Завтра начнем сначала.

На другой день они также с утра ходили с дорожкой целий день, но, кроме травы и коряг, ничего им озеро не дало.

А вечером пошли за молоком и попутно, когда уже ничего не ждали, ни на что не надеялись, поймали двух щук. Это было началом. Оказывается, и впрямь, важно было начать.

Потом отец научился ловить рыбу и удочками. Мать едва успевала ее чистить.

— Теперь дней десять проживем наверняка, — говорила она.

Десять дней отец удил рыбу, не разгибаясь, с утра до ночи. Даже спать некогда было. А после десятидневного рыбного упрая появились раки.

Раки

Утром по прибрежью мимо нашего дома пробрела группа деревенских ребятишек, напомнившая нам рыболовов с картины Перова¹. В мелкой воде ребята переворачивали камни, коряги, ощупывали руками всякие углубления в береге и время от времени что-то клали в ведро. Что?

Мы — к ним, к ведру:

— Что у вас?

А у них полведра раков.

— Значит, здесь и раки есть?

— Сколько пожелаете, — важно, по-взрослому сказал один из раколовов.

— Вот как, значит, их ловят!

— Да, вот так, значит, их и ловят!

— А вы любите есть раков?

— Кто же их ест? Мы их для наживки, — окунь хорошо берут.

¹ ...рыболовов с картины Перова — картина В. Г. Перова «Рыболов» (1871) приведенному описанию не соответствует; автор, возможно, имеет в виду известную картину А. И. Корзухина «Птичий враги» (1887).

— Здорово! Но почему же мы тут живем, а раков не видим?
— Смотреть надо уметь!

Ребятишки ушли, а мы снарядили целую экспедицию и двинулись по отмели вокруг острова раков ловить. Вместо ведра взяли с собой садок, купленный в Москве в магазине «Спортсмен-рыболов» и предназначенный для рыбы, но для рыбы-то и непригодный из-за того, что у него слишком крупные ячейки — рыба чуть поменьше ста граммов из него просто вываливалась.

Но раков нигде не было. Мы их не видели. Мы привыкли видеть раков красных, а живые они были не красные.

Первого живого рака в воде увидела мать спустя несколько дней после этого.

— Я счастливая, — хвалилась она, — мне во всем везет.

Рак вылез из-под мостков, из груды камней, когда мать чистила свежую рыбу. Он был нетороплив и осмотрителен — вылез и пополз к рыбным остаткам, пополз нормально, вперед, а не назад. Мать ахнула от неожиданности, и он, видимо, заметил ее. Его хвост, знаменитая раковая шейка, вдруг быстро-быстро заработал, загребая воду под себя, клешни вытянулись, и рак поплыл, поплыл на этот раз назад, а не вперед и быстро, как рыба, и мгновенно очутился у самого берега. Теперь его ничего не стоило взять. Но как взять? Чем взять?

На истошный крик матери: «Рак, рак!» — мы сбежались все, как если бы она закричала: «Волк, волк!»

Чем взять рака? Руками? Эге! Дураков нет, он живой! И пока мы гадали, мудрили, пока нашли сачок — рак исчез, уплыл от берега так же быстро, как рыба. Не такой уж он неуклюжий.

Но после этого случая мы стали видеть раков в воде: оказывается, очень важно было разглядеть первого. Потом от них уже отбою не было. Они попадались даже на удочку, когда мы ловили окуней на кусочки плотвы. Схватит рак на живку,

клешнями поведет, ну, думаешь, сейчас вытянешь из воды какую-то большую рыбку, а это рак, только рак.

Ловлей раков мы увлеклись на несколько дней. О выезде со Сладкого острова опять и думать было нечего. Тревожило только то, что в Москве остались дочери, жалко было, что их нет с нами. Уж мы бы их попотчевали ухой, придумали бы путешествия и по Новозеру, и по Андозеру, угостили бы их раками!.. А главное, некуда было бы нам торопиться — вся семья в сборе. Оттого и торопятся домой, что там кто-нибудь ждет... кто-то остался.

По утрам мы заглядывали сначала под лодки, перетаскивали их с места на место и собирали раков под ними. Пользовались сачком. Но понемногу стали привыкать брать их руками. Это оказалось не так просто: надо было преодолеть условный страх перед ними. Рак пугал, поднимая свои клешни, и нападал. Но щипки его были слабыми: ухватится он за палец, его и вытащишь. Попробуйте!

Самым бесстрашным из нас оказался младший Миша, на него условные рефлексы пока не действовали. Он только удивлялся, что живые раки оказались очень мягкими и что они умели быстро плавать.

— Это они скорости переключают! — пояснял ему Саша. — У каждого, видно, есть коробочка скоростей, как у машины.

Раков мальчики научились есть быстро, как семечки лузгать.

Тысяча первая песня

В Новозере было очень много рыбы, но питаться одной рыбой скоро надоело, она, как говорится, приелась. К тому же для шестилетнего Миши из-за болезни почек была противо-

показана пища, богатая белками. На уху он уже смотреть не мог, ел иногда лишь жареных окуньков.

Из-за этой Мишиной диеты мы, собственно, и побаивались отправляться из Москвы в далекое путешествие. Но раз уж приехали и заняли на Новозере необитаемый островок – Сладкий остров – и погода была на редкость хорошей: мы купались по несколько раз в день, и загорали, и жили вслась, – то надо было подумать не только о рыбе, но и о мясе.

Председатель колхоза, на земле которого мы устроились летовать, сам предложил нам либо гуся, либо утицу, либо куру на выбор. (Молоком и творогом мы пробивались на соседнем островке, на котором жили-были старик со старухою.)

Колхозная птицеферма находилась от Сладкого острова километрах в трех. Мы отправились туда на лодке втроем – я, Саша и Миша, то есть отец и его сыны.

Уток и гусей считали в колхозе тысячами, кур и того больше. Район в течение одного года резко увеличивал производство мяса, и колхозам разрешено было часть птичьего поголовья сдавать на сторону, помимо плана: все равно для трудящихся, для рабочего класса.

– Прибыльное ли это дело – гуси и утки? – спросил я бригадира, человека немолодого и, по-видимому, в колхозных делах сведущего. В недавнем прошлом он сам был председателем колхоза, одного из тех двенадцати, которые объединились в нынешнем, укрупненном.

– Пока не очень прибыльное! Не очень! Не прибыльное! – ответил бригадир. – Новое оно для нас – дело это. Цыплята привозные, по четыре рубля за штучку. Инкубаторные, растут без отца без матери, вроде приютских ребят, сироты. Ну и дохнут. В чем причина, не выяснено. Кормим, даже рыбий жир даем против авитаминоза. Специалистов привозили – ничего сказать и они не смогли. Может, партия яиц попалась плохая, потомство слабое. Конечно, убыток. Посудите сами: за матку

платили по тридцать восемь рублей, а на мясо сдаем утицу за двенадцать рублей; вес ее — килограмма два. Маток оставляем на зимовку штук пятьсот, на каждую уходит семьдесят килограммов пшеницы. Яиц они почти не несут. Линяют раньше срока. Куда что девается? Убыток один. Но дело это новое, поэтому все списывается по акту.

— И семьдесят килограммов пшеницы списывается?

— Как же, приходится. И рыбий жир списываем.

Бригадир рассказывал обо всем этом с точным знанием дела, памятливо, с цифровыми выкладками и с таким искренним огорчением за колхоз, что я решился спросить:

— Простите, но ведь за всем не уследишь. Может, не все птице перепадает, что ей положено?

Бригадир огорчился еще больше:

— Ну что вы! Ни утки, ни гуси, ни куры не обижены. Уток моя жена сама кормит. На моих глазах. Тут злоупотребления исключены.

Мы решили взять для Мишиной диеты двух кур. Бригадир предложил петуха и куру. Мы согласились. На птицеферме начался переполох. Птичница ловила то курицу, то петуха, бригадир сам ощупывал их и браковал:

— Давай пожирнее. И где ты таких драных находишь?

Птичница молчала, ловила следующих. Наконец и петух и курица были отобраны. Мне они не показались жирнее предыдущих, но были красивы, кремово-белы.

Хороши были обе птицы. У петуха, конечно, был королевский вид, и красная раздвоенная борода, и красная корона на голове. Но ежели петух — король, то курица выглядела королевой. В ней было столько врожденной женственности, что ее гребешок скорее походил не на корону, а на старинный северный кокошник. Узорчатый зубчатый верх кокошника свешивался на сторону, словно бархатные кисти и расшитые бисером многоцветные подвески.

Миша повизгивал от радости.

— И у царицы есть бородка, — кричал он, — только маленькая. Ну дайте же мне подержать курочку, я всю жизнь не видел ее так близко.

Петуха он пока побаивался.

Но и петух и курица были предназначены для заклания, поэтому четвероклассник Саша считал необходимым держаться в данном случае солидно и покровительственно относился ко всем Мишиным восторгам. Он только с пониманием посматривал на отца: пускай, дескать, малый потешится, от этого аппетит его хуже не станет. Отец сам любовался птицами и почти по-детски радовался им, будто видел таких впервые. Он в свое время учился довольно долго, но в жизни чаще всего требовалось знание только четырех действий арифметики, и ничего больше, поэтому его образование в настоящее время уже сравнялось с образованием старшего сына, четвероклассника.

Птиц, не связывая, положили в мучной мешок, и Миша понес их сам, сначала осторожно, на вытянутых руках, впереди себя, а потом просто перекинул их через плечо.

В лодке на середине озера курица выбралась из мешка. Первый заметил ее Саша: — он сидел на корме с доской вместо рулевого весла, а мешок с курами лежал на носу, за спиной отца, который сидел на веслах.

— Курица, курица! — вдруг завопил Саша. — Улетит!

Все обернулись. Курочка сидела у борта лодки и недоуменно осматривалась. Кокошник и бородка ее были белы от муки. Она никуда не хотела лететь: кругом вода, ни земли, ни крыши. Она казалась совершенно спокойной, но когда ее стали брать в руки, она всполошилась, закудахтала: «Куда, куда, опять в мешок?!» — и попыталась ринуться в озеро. Все-таки свобода, даже куриная, была ей дорога.

Миша радовался, еще больше кричал, визжал, кудахтал.

— Ой, спасибо вам, товарищи! — то и дело говорил он отцу и брату.

Саша покровительственно улыбался.

На острове нас встретила мать. Смертельно уставая воиться с утра до вечера с рыбой, с рыбьей чешуей, с рыбьими костями и колючками, из-за которых у нее болели все пальцы на руках, она обрадовалась не так нам, как птицам.

Начался детский шум, рассказы вперебой, взахлеб, словно мы вернулись из дальнего пионерского похода.

Птиц мы выпустили на свободу. Петух долго не мог прийти в себя. Он задыхался от жары и мучной пыли, стоял с раскрытым клювом, уставившись в одну точку, и казался очумелым.

— Папа, он умирает, — перепугался Миша.

Но петух не умер. Голова его наконец задвигалась, бородка дрогнула, словно бархатный занавес перед началом спектакля, он переступил с ноги на ногу, увидел курочку, зелень, деревья, увидел небо и воду, что-то бормотнул, квокнул и начал щипать траву. Первого же червячка или букашку, а может — какое-то зернышко, которое он нашел в траве, он подал рил своей курочке. Чья же она и была, если не его? Не могла же она быть ничьей? Курочка не жеманилась, не отбивалась, а приняла подарок как должное, подбежала и клюнула что-то, видное лишь им одним.

Когда их стали кормить хлебом, петух взял в клюв первую крошку и опять деликатно позвал свою курочку, и та уже опрометью бросилась на его зов, к его крошке, хотя рядом лежала целая хлебная горка.

Покушав, петух тут же без ханжества и блудословия потоптал свою подружку, и вместе они стали закусывать, заедать хлеб травой. Они были как дома, они были на земле.

А когда петух впервые кукарекнул, необитаемый дотоле остров стал и для нас совершенно обжитым.

До вечера мы их не трогали. Только посоветовались, кого порешить первым. Мать сказала:

– Надо примечать, кто первым затоскует. Птица тоже чует свой конец.

Ни курица, ни петух своего конца не чуяли.

Миша целый день ухаживал за ними, кормил их остатками каши, вареной и жареной рыбой, собирая дождевых червей и предлагал даже кусочки сахара. Сугубо городской мальчик и немного вялый после тяжелой болезни, он оживился и, кажется, розовел на наших глазах.

Вечером мы стали думать о курятнике, о ночлеге для нашей птицы. Требовался насест.

– Какой насест? – спросил Миша.

– Вот не знает! – высокомерно сказал Саша. – Какой насест, мама?

– Обыкновенный насест, чтобы спать. Жердочки вроде любой ветки, как для любой птицы.

– Понял? – сказал Саша брату. – Насест – это вроде ветки на дереве. Птицы должны спать на деревьях, высоко над землей. Правда ведь, мама?

– А разве куры – это птица? – удивился Миша.

– Вот не знает! – сказал опять четвероклассник, обращаясь на этот раз к отцу. – Конечно, птица, раз перья. Правда ведь, папа?

– Правда, мой старший. Перья и яйца – значит, птица, – подтвердил родитель.

На ночь решили устроить кур в одной из свободных комнат. Казалось, на одну ночь – что ж тут такого? Ведь пустовал весь дом. Мать выбрала комнату и положила в ней жердочку между подоконником и письменным столом. Канцелярские столы остались здесь во всех комнатах без исключения: когда-то и Сладкий остров был учреждением.

Курица далась в руки легко. «Ко-ко-ко», — сказала она, и только, и мы посадили ее на насест в канцелярском кабинете. А петух начал носиться по острову, как ракета, резко меняя направления и заранее предугадывая все наши маневры. Никакие оцепления, никакие «котлы» не были для него в диковинку. Щуку в озере поймать было легче, чем его на сущее. Когда мы прижимали его к изгороди или к стене дома, он проскальзывал мимо наших ног, когда брали в клещи в крапиве, куст крапивы вдруг взрывался, и петух с криком выносился из него вверх, на крышу.

— Это гениальный петух! — сказал про него Саша. — Правда, папа?

Миша пробовал пробиться к петушиному сердцу.

— Милый петух! Петенька! Мы же твои друзья, уступи, пожалуйста, тебе давно спать пора. Тебя курочка ждет. Комната отведена, насест приготовлен.

Петух не уступал.

— Все они, короли, такие, правда, мама? — сказал Саша и с деланным равнодушием вышел из игры.

— Он просто жить хочет, — заметил на это Миша. — Как ты этого не понимаешь?

— Ну да, я не понимаю. Ты все понимаешь...

Наконец от петуха отступились все. Мама заявила, что слыхала еще от бабушки, будто с заходом солнца куры перестают видеть, и тогда можно будет взять петуха запросто и водворить куда следует.

Стали ждать захода солнца. Но когда закатилось солнце — петух исчез. Исчез бесследно. Вся семья снова была поднята на ноги и в течение получаса, не меньше, мы все, островитяне, обыскали каждый уголок родной земли: бурьяны, крапиву, ивняк, полусгнившие домовые пристройки, уцелевшие дровяные сарайчики, баню и предбанник — петуха нигде не было.

— Гениальный петух: дал мат в три хода! Не так ли, Миша? — попытался заключить старший брат.

Миша не ответил ему. Он размышлял вслух:

— Неужели петух мог решиться на такой перелет? Неужели он пересек озеро? Конечно, он птица, но он тяжелый. Что же он подумал про нас, если решился...

Миша был огорчен больше всех, что петух исчез. Это же был его петух.

Мама не верила, что петух мог куда-то улететь с острова, но и она огорчилась. Она уже начинала понимать, словно предчувствовала, что с утра придется ей опять чистить и варить рыбу.

Петуха нашел отец. Уже в сумерках.

— Я же старый охотник! — хвалился он, когда семья сбежалась на его крик и еще никто не знал, куда надо смотреть.

— Я же бывалый охотник и вырос среди охотников. Сколько этих глухарей я за свою жизнь перебил. Вон где он, вон куда смотрите! — указал отец на березу, огромную и широкую, как дуб.

В сумерках сквозь ветви березы проглядывало не то небо, не то озеро — и вода и небо были одинаково розовыми. И на этом розовом фоне, в закатном огне отчетливо прорисовывался силуэт большой и гордой птицы с зубчатой короной на голове. Петух сам нашел свой насест — высокий и могучий сук.

— Глухарь, настоящий глухарь! — восхищался отец. — Эх, куда забрался! Ну, токуй, токуй!

Петух повернул голову и встревоженно подал голос. Им любовались, как дичью. Он украсил собою этот островок, это озеро, и вечернюю зарю, и эту березу, которая одна теперь сходила за глухую, населенную птицами и зверьем, нехоженную рощу.

— Если его сегодня не взять, завтра не поймаешь, — сказала мама.

– Возьми его. Как ты его возьмешь?

– Он же слепой, солнце уже село. Столкни сейчас – где упадет, тут и сядет и прижмется.

Нет, этот петух и в сумерках видел неплохо. Сбитый с березы длинным шестом, он долго еще носился по острову, пока не был водружен в канцелярию в принудительном порядке.

«Ко-ко-ко!» – ласково спросонья сказала курочка, когда он устроился наконец рядом с нею меж письменным столом и подоконником.

В эту ночь Миша спал мало. Должно быть, не раз заглядывал в соседнюю комнату к птицам. И проснулся он раньше птиц. Когда мать заворочалась в постели, он сказал ей:

– Такого петуха, мама, нельзя убивать. Лучше я рыбу буду есть, я – без диеты поправлюсь. Правда, мама? И курочку надо ему оставить. А то как же он без курочки будет жить на свете?..

– Правда, сынок, спи!

И на заре петух запел свою тысячу первую песню.

Моряком будешь!

Лодки на Сладком острове – единственно пригодный и всеобъемлющий транспорт, на все случаи жизни. Ни машина, ни лошадь здесь непригодны. Нет лодки – вы отрезаны от всего мира. Лодка является и орудием, и средством производства.

На лодке мы добывали себе пищу: ездили за молоком на соседний островок Шиднем, за хлебом и прочими продуктами в Карлипки, на лодке ловили рыбу и просто катались, отдыхали.

Обычно за веслами сидел отец, старший сын на корме – либо с рулевым веслом, либо со спиннингом, который мы просто использовали в качестве дорожки; мать и Миша – на поло-

жении пассажиров и указчиков. Так как все лодки, находившиеся в нашем ведении, безбожно протекали, то либо мать, либо Саша постоянно на ходу вычертывали воду. Для этого в одной лодке была банная деревянная шайка, в другой ржавое дырявое ведро, в третьей – белый ковш из дюраля без ручки.

По мере того как мальчишки привыкали к воде и взросли, им разрешалось все чаще садиться за весла. Миша тоже научился грести – уже по одному этому Сладкий остров должен запомниться ему на всю жизнь. Но Мише этого было мало. Он хотел, чтобы ему разрешили выходить на озеро одному, без сопровождения, без указчиков.

И ему разрешили наконец. Для этого случая выбран был очень ясный, очень тихий день. Только Новозеро отличается в этом отношении удивительным непостоянством. Ветер налетает здесь сразу, словно выжидает удобного случая где-то на берегу в лесной полосе. Налетает – и поднимаются на озере сразу не волны, а валы с гребешками, летит пена, свистят камыши. Говорят, такой же дурной характер и у Белого озера. Только оно еще дурнее. На Белом озере ни одного года не обходится без жертв среди рыбаков.

Весь наш остров продувается насквозь, так же как просвечивается, и кажется, пронесется ветер с одного берега на противоположный и – конец шуму. Опять озеро становится таким же, как было – спокойным, углубленным в себя, со средоточенным. Но за эти несколько минут шурум-бурума оно может наделать беды. Особенно если лодка мала.

А у Миши лодка была небольшая и полусгнившая, к тому же Миша сразу захотел, конечно, похвастаться:

– Саша, смотри, куда я поеду, на каменную гряду!

Направил Миша лодку к каменной гряде, к камышам на середине озера, а ветер тут как тут – вылетел из-за укрытия и давай шуровать. Зашумели волны, вздыбилась пена, как в прачечной, в корыте, летят хлопья в лодку. Испугался Миша.

А на берегу – мать. Не успела толком подумать, как быть, переполошилась и завопила:

– Миша, назад! Миша, утонешь! О господи, и отца нет. Где отец?.. Миша, утонешь!

Услышал Миша крик матери, испугался еще больше. Разворачивает лодку к берегу, а ее захлестывает волной, спрятаться силы не хватает. Заплакал Миша и оттого еще больше ослаб, весла из рук вываливаются, совсем мочи не стало. «Утонешь!» – звучит в ушах вопль матери. А тонуть ему не хочется, хочется в Москву вернуться, он еще и в школе не учился. Брызги водяные и слезы слепят глаза.

И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в эту минуту не появился на берегу отец.

Сложил отец руки рупором и закричал, будто ничего не случилось:

– Правильно, сынок, гребешь, хорошо гребешь! Ничего не бойся, ты теперь станешь настоящим моряком. Слушай меня! Держи лодку носом к волне, к берегу не поворачивай. Против волны греби. Не спеши. Ударь левым веслом, еще раз левым. Молодец, сынок, хорошо! Правильно гребешь!

Кричит отец, а сам вторую лодку с берега толкает. Стал Миша налегать на левое весло, перестали волны бить в борт лодки, и он успокоился.

– Я не боюсь, папа, ты не волнуйся, я сейчас! – закричал он.

Успокоился Миша, и озеро успокоилось, ветер стих, волны спали. И Миша благополучно причалил к берегу. Мать кинулась обнимать его, а отец только руку по-мужски пожал:

– Молодец, сынок, моряком будешь!

Крапивное семя

Недобрых людей в народе называют крапивным семенем. Немало на свете и самой крапивы.

Вокруг нашего дома крапива разрослась густыми большими кустами. Высокая, жирная, ядовитая, она не дает никому проходу. Я говорю сейчас о крапиве настоящей, подлинной, о крапиве в прямом, а не в переносном смысле. Молодую, ее можно еще использовать для щей, а разрастется, загрубеет, не выполешь вовремя — тогда беда с ней. Берет верх, наступает, теснит, наглая, жжет, житься не дает.

Каково же семя у этой, у настоящей крапивы? Кто его видал — это крапивное семя? Как оно растет, откуда берется? Хоть бы из интересу взглянуть на него. А попробуй взгляни! Как его возьмешь — жжется крапива. Пропадает у людей всякий интерес к крапивному семени. «Лучше не связываться!» — говорят. Сторонятся. И растет крапива рядом с жильем человеческим, на самых обжитых местах, на самых тучных землях — под окнами изб, вдоль заборов и стен, на приусадебных участках, — растет на глазах у всех. Где люди, там и крапива. Растет и жжется.

А этим летом одолели нас еще комары. Погода стояла дивная весь июль — только бы радоваться ей, снять с себя всю лишнюю одежонку, загорать по целым дням с книжкой в руках, спать на открытом воздухе. А попробуй позагорай, когда вместе с хорошей погодой появились сонмища оводов. Попробуй поспи на воздухе, когда с сумерек, неизвестно откуда взявшись, налетают полчища комаров, как исчадия ада, как тьма тмутараканская, и всю ночь бесчинствуют, жалят, нудят неторопливо, лезут в нос, в глаза, в рот, в уши. Они изводят, выматывают все силы, а слабого, да еще городского, не привыкшего с детства к такому комариному глумлению над человеком, они могут довести до истерики.

Перед сном мы топили плиту и наполняли всю квартиру дымом и нередко спали в дыму, потому что открывать окна для проветривания или снимать с них марлю боялись. Вдобавок мы натирались кремом «Тайга» – от чего он помогает, мы так и не смогли понять, только не от комаров, и еще старались на ночь одеться так, чтобы открыт был один нос. Но, кажется, ничего по-настоящему не помогало. Комары грызли нас.

Было лишь одно радикальное средство против них: усталость. Усталость до смерти, до отупения, до апатии, до полного равнодушия ко всему окружающему. При такой усталости – а уставали мы в основном на рыбалке – чувствуешь комариные укусы, только пока падаешь в сено.

– А, проклятые! Крапивное семя! – скажешь, бывало, добравшись до постели. – Ешьте! Все равно придет и на вас погибель. Время свое возьмет. И вас прихватит морозом, осень не за горами.

Скажешь – и уснешь до утра.

А утром пригреет солнце, и комары исчезают. Куда? Да куда бы ни исчезли, только бы исчезли, – вероятно, туда, откуда и появились. Не хватает еще, чтобы мы этим интересовались. Обидно только, что ни дожди, ни ветры не могут с ними покончить раз и навсегда.

Если бы не случай, так ничего и не узнали бы мы ни о комарах, ни о крапивном семени.

Как-то поздно вечером мы поленились или не успели почистить рыбу, и мать положила ее на ночь в крапиву. Утром за ней пришел Саша и взвыл.

– Там пчелы, рой! – закричал он.

А потом:

– Это комары! Сколько же их тут! Вот оно где, крапивное семя!

Взяли мы палки и пошли вокруг дома по крапивным местам. Ударишь палкой по кусту — действительно комары. Ударишь по другому — больше того. Но только в тени. На солнце днем комары не хоронятся, как, впрочем, всякая нечисть.

Так вот ты какое, крапивное семя!

Разыскали мы косу и скосили всю крапиву вокруг дома. Честное слово, легче жить стало. Только надолго ли? Разве всю нечисть можно извести? Только и надежды что на время — оно должно взять свое.

Сударева лодка

Был один день, бедственный для Сладкого острова. Казалось, все рушится, вся его прелесть исчезает навсегда. Шестнадцатого июля вслед за ленинградским полковником с семьей приехали вологодские литературные деятели — два поэта, редактор комсомольской газеты с семьей и директор областного издательства с семьей же — итого человек десять — пятнадцать. Ну, можно сматывать удочки — не будет ни рыбы, ни поэзии!

Но редактор газеты скоро уехал, потому что газету все-таки выпускать надо; полковник отправился добирать свой туристский маршрут, строго вычерченный на военно-топографической карте; самый юный из поэтов, Васенька, жаждал быть на людях, и только на людях, так сказать, в гуще борьбы, где «стради роковые и от судеб защиты нет»¹; сыновья издателя подняли бунт против своего папы и сбежали в областной центр, потому что здесь не было ни футбольных ристалищ, ни джазового ерничества. За ними вскоре выехал и сам издатель с женой.

¹ ...«стради роковые и от судеб защиты нет» — цитата из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» (1824).

Остался с нами один поэт, настолько же неторопливый и мудрый, насколько немолодой. Он видел в жизни немало всяких роковых перемен, прошел, как говорится, огни и воды и знал цену одиночеству. Писал ли он что-нибудь, неизвестно, — в его положении редко кто пишет, и это, наверно, к лучшему. Он стал работать.

С соседнего, с Красного острова он привел заброшенную лодку и начал ее ремонтировать. Топор был. Пила была — старая, ржавая, но пила. Были спички, чтобы разводить костер. Ну, и конечно, перочинный нож. Больше ничего не было. А требовалось многое: гвозди разных размеров, пакля, чтобы проконопатить лодку, битум или вар, чтобы замазать щели, запломбировать их, котел, чтобы варить битум, какой-нибудь черпачок для разлива смолистого варева. Как известно, даже Робинзон имел далеко не все, чтобы начать жить и работать на необитаемом острове, но все-таки имел гораздо больше, чем наш поэт.

Но главное, что необходимо было иметь для ремонта лодки, — самое лодку. Ее-то, как выяснилось после, у поэта и не оказалось. Но он усердно взялся за работу. На то он и был поэт, а не Робинзон Крузо.

Ранним утром поэт выходил из своего особнячка, крылечко которого напоминало предбанник, и, осмотревшись и потянувшись, скрывался за камышами. Нос у него обгорел и лупился. Вскоре его голова без единого всплеска отплывала от берега и поворачивалась на воде, как на широкой тарелке. Ни одной волны, ни круга, ни даже ряби! Это было удивительно, потому что даже водомерки, скользящие по озеру, даже мотыльки, упавшие на его зеркальную гладь, и те оставляли за собой какой-то след, пусть мгновенный, незначительный... Поэт не оставлял после себя никакого следа, он не плыл, не порхал, а между тем продвигался вперед, вроде одноклетчатого существа.

Он переливался, как амеба.

О том, что поэт не фыркал, не сопел, не отдувался – и говорить было нечего. На поверхности озера не было ничего, кроме живой, бесшумно моргающей и бесшумно передвигающейся головы. Сделав небольшой круг, голова возвращалась к камышам и исчезала. А через пять – десять минут оттуда снова выходил поэт, неторопливый, спокойный и просветленный. Кожа на его красном носу лупилась еще больше.

Чем и когда и как питался поэт – одному Богу известно. Рыбы не ловил, ягод не собирал, ни корней, ни червей из земли не выкапывал. Но он не худел и всегда был благостен и доволен собой, значит, какую-то пищу употреблял, кроме духовной.

Работал поэт с упоением, но не спеша. Нельзя было сказать, что у него сам топор вот так и ходит, так и тычет долото. Костер не потухал целый день. К костру поэт тащил все, что удавалось найти на острове и в воде. Так, в мусорной яме он обнаружил чугун с отбитыми краями, который заменил ему котел. Паклю натаскал из пазов домика, в котором жил. На подоконниках между летними и зимними рамами буграми лежала вата – он и ее использовал как паклю. Гвозди вытаскивал отовсюду, где находил их, даже из собственной табуретки, из-за чего-то в конце концов развалилась. Из воды был извлечен ржавый металлический прут, им поэт пользовался как паяльником, когда заделывал битумом щели в лодке: прижмет кусочек битума к борту лодки и растапливал его каленым прутом.

Похоже, что эта работа давно была знакома поэту. Мы восхищались методичностью, с какой он проделывал одно и тоже по несколько раз, пока не добивался какого-то результата. Восхищались его терпеливостью и упорством.

– Труд на пользу! – сказал я как-то, подходя к костру.

– Спасибо. Но будет ли польза, еще неизвестно. О какой вы пользе говорите?

– О лодке. Спустите лодку на воду, и она будет служить вам.

– Я на днях уезжаю. Вероятно, не успею закончить.

– А вы закончите. Другие сядут в лодку – о вас добром вспомнят. Вот и памятник нерукотворный.

– Зачем мне памятник? Сам труд доставляет удовольствие. Я о пользе не думаю. Просто работаю, и все тут.

Самым трудным для него было установить уключины, старые поржавели и погнулись. Поэт отыскал на поваленном и полусгнившем телеграфном столбе два крюка с изоляторами. Изоляторы разбил, крюки раскалил на костре и выпрямил. «Кузнец, настоящий кузнец!» – восхищались мы. Один борт лодки треснул, когда поэт забивал уключины, но это было уже не так страшно. К вечеру все было склеено.

Два дня ушло на то, чтобы вытесать весла. Для весел поэт снял с крыши своего дома две тесины. «Столяр, настоящий столяр-краснодеревщик!» – восхищались мы.

Накануне отъезда с острова поэт заявил, что работу он все-таки успел закончить. Правда, сказал он об этом без воодушевления. А мы восхитились еще больше: дескать, для него это обычное дело. Старый мастер! Золотые руки!

Торжественно проводив поэта, всячески славя и превознося его, мы решили опробовать творение его рук и ума. Сели в лодку трое, налегли на весла, выехали на середину озера и... нахлебались воды. Гнилая лодка развалилась. Ненужная бесмысленная работа! Неужели он так и стихи пишет? Для чего, для кого?

Каменная гряда

Всю жизнь ищет каждый свою каменную гряду, каменную гряду жизни. Не всякий ее находит.

Умелый выбор места для ужения – едва ли не самое главное в мастерстве рыболова. Отец обычно уезжал в камыши к соседним островам, либо на середину озера, где также торчала трава из воды, либо на противоположный берег.

Кто-то сказал, что посередине озера проходит каменная гряда, называли ее даже окуневой. Но где она – никто не открывал. Отец искал ее настойчиво, он готов был промерить шестом все озеро вдоль и поперек, но где взять шест такой длины? И что это за гряда такая – каменная, окуневая? Вероятно, не зря люди скретничают, скрывают ее? Нападешь на гряду – вернешься с ведром пятисотграммовых окуней. А то и по килограмму краснощерых наберешь. Вот что такое гряда! Вот где душу бы отвести! В надежде на такую удачу можно бродить по озеру целый день и забираться в отдаленные уголки за два-три километра.

И отец бродил далеко. С утра он исчезал, и мы не видели его по целому дню.

А однажды к нашему дому подошли другие рыбаки, колхозники с неводом. И за несколько минут поймали у нас под носом, прямо у мостков, где мать обычно белье стирала, несколько пудов лещей и щук. Закинули они невод с лодки, полукругом, один конец на берегу и другой подвели к берегу, а потом все вышли из лодки и стали вытягивать невод на берег за оба конца. Невод – это длинная однорядная сеть мелкой вязки с кошелем посередине. По низу сети подшиты грузила – во всю длину холщовая кишкa, набитая песком, а чтобы верхняя часть невода не тонула, она оснащена поплавками – деревянными пластинками и берестяными трубочками.

Я не назвал бы прогрессивным способ ловли рыбы неводом, но зато он добычлив: несколько заметов, и весь колхоз обеспечен. И времени на это уходит немного. А в горячую пору сенокоса время все же ценится.

Как горевал отец! Волос на себе, конечно, он не рвал, но неистовствовал в полную силу и заново пересматривал всю свою жизнь.

— Вот, — говорил он, — всю жизнь так. Все куда-то рвешься, бежишь, летишь, а на поверку выходит, никуда лететь не надо. Недаром сказано: не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Неисповедимы пути наши. Темна вода во омутах. Хочешь больше — ничего не получаешь. Не жадничай — и жить легче, и удачи — вот они! В детстве так же бывало: спешишь за грибами, за ягодами в Лубники, в Городцы, в даль несусветную, там, дескать, всего много, а какая-нибудь бабка костыляет около деревни, около твоего же дома и — что тебе грибов, что ягод! Ну не обидно ли: всю рыбу забрали у нас под носом, у нас на глазах. Нашу рыбу! Можно сказать, собственную, домашнюю нашу! Даже не выловили, а выгребли, будто из аквариума вычерпали. Только представить себе, что около нас все дно теперь пустое, голое. Даже раков подмели всех до одного, даже ракушки на дне не осталось ни единой. На этом берегу и жить теперь неинтересно. Переселяться надо куда-нибудь.

Неводом, впрямь, выгребли все живое, что оказалось в этот час на дне вблизи нашего берега. В илистой грязи, в тине, вместе с крупными рыбами барахтались раки, бились десятисантиметровые окуньки и подъязки, плотва и ершики — всякая мелочь и молодь. Полупудовые щуки в этом черном месиве выглядели как огромные плахи на паровозном тендере.

А рыбаки были недовольны.

— Откуда столько грязи взялось? — ворчал то один, то другой. — Совсем недавно чистое дно было. Видно, ветер нагнал. Вся рыба ушла под невод с этой грязью.

– Как вся рыба? А это что?

– Ну какая это рыба, пуд-два, не больше.

Отец нервничал целый день, ночью плохо спал, обижался на самого себя. А утром снова отплыл с удочками в какой-то кривоколенный озерной переулок.

Саша и Миша никуда не пошли и не поехали, а с разрешения матери привязали свою лодочку к траве метрах в трех от берега, как раз там, где вчера колхозники зачистили все дно неводом, и начали таскать лещей, точно таких же, какие в невод попали. И Саша решил:

– Как быстро рыба растет. За одну ночь – и лещи!

Грибные шашлыки

На Сладком острове наша хозяйка с утра до вечера чистила свежую рыбу. Бывало, только управится с одной порцией окуней – мы несем вторую, больше первой. Разделает щук – мы ей подбрасываем лещей да налимов. Исколола она себе руки и наконец взмолилась:

– Не могу больше, дайте передохнуть!

Особенно трудно было хозяйке с заготовкой рыбы впрок: для засолки не хватало посуды, а сушить на плите, без всяких приспособлений – муторное дело, плита раскалена, рыба на ней не сохнет, а горит. Разумеется, мы не перестали ловить рыбу, а в ответ на ее мольбы и почти истерические слезы взяли удочки и снова ушли на озеро.

Не управлялась наша хозяйка с рыбой.

То же самое получилось и с грибами. В грибную пору мы почти перестали спать. От жилья до ближайшего леска не больше половины километра, и обычно нам еле хватало этого расстояния, чтобы протереть глаза да прожевать утренние бутерброды.

Кто знает, как возникает, с чего начинается страсть. Первое время мы охотились только за белыми да за рыжиками и возвращались домой с полупустыми корзинами. Терпения и настойчивости было с избытком, умение накапливалось с каждым выходом, но корзины не становились полнее. В чем дело? Неужели грибы в лесу перевелись? Мы изошрялись, лазили в самые густые кусты, куда не забирался ни один грибник, обследовали придорожные канавы, не брезговали уже ни сыроежками, ни волнушками, не отказывались от любых корней. Но все-таки грибов находили мало. Их стало много, когда мы узнали, что в лесу на каждые два десятка съедобных грибов приходится не больше одной поганки. Значит, мы топчем культурные грибы только потому, что не знаем их.

В здешних местах все неизвестные грибы называются собачьи губы. Их даже в руки брать брезгуют. Зато подберезовики называют здесь обабками, подосиновики – красными грибами, боровые рыжики – бабаухами, волнушки – вовденицами. А собачьими губами оказались и вкуснейшие опята всех видов, и удивительные сочные чушки, или свинушки, или дуньки – где как их назовут, и белые, как грузди, ореховики, и, конечно, лисички, сморчки, чернушки... О грибной лапше, о трюфелях и говорить не приходится, здесь о них просто не слыхали.

А мы вычитали из книжек, что даже мухоморы многие вполне пригодны для пищи. Вот когда лес заговорил с нами и открыл нам свои кладовые. Чем больше узнавали мы грибов, тем полнее становились наши корзины и ненасытнее страсть. Теперь радостям нашим не было конца.

Не радовалась только наша хозяйка.

Первая ее работа была – выкидывать из наших корзин все собачьи губы. Делалось это втайне от нас. При этом она хвалаила нас за хороший улов. Затем она сортировала остатки нашей добычи, раскладывая ее на три кучки: для соленья, для

варенья, для сушенья. Солить было почти нечего, так как рыжиков мы приносили незначительное количество, а груздей вообще не находили. На варево шли старые подберезовики и подосиновики, огромные и рваные, как ошметки, как лапотные обноски, да изредка белые царские грибы, похожие на заплесневевшие пироги-колобаны¹. Зато сушить было что. Но как сушить, где сушить? И начались мученья, как с рыбой.

Хорошо тем, у кого есть широченная русская печь, за широким чаем которой, на поду, как на мощеном дворе, может развернуться любая телега. А если вместо пекарки в доме только плита, а в городском доме и плита не дровяная, а газовая, тогда как быть?

У нас плита дровяная. Пока ее топишь, она раскаляется докрасна, закроешь трубу – с полчаса еще не остывает, а через полчаса хоть снова топи, в духовке даже заварка чая в фарфоровом чайнике через полчаса становится теплой, как помои.

Хозяйка поначалу раскладывала грибные шляпки прямо на чугунную доску плиты. Они мгновенно пускали сок, пузырились, закипали и не сохли, а варились. После этого она попробовала нанизывать грибы на нитки и развешивать их над жарко топящейся печкой. Работы было много, а толку мало, потому что требовалось, чтобы печка топилась беспрерывно день за днем. К тому же нитки то и дело обрывались. Тогда хозяйка раздобыла камышовой соломы и, застлав его внутренность духовки, раскладывала грибы на камыше. Получалось неплохо, но велик ли под у плиты? На нем умещалось самое большое десять хороших шляпок и столько же корешков в промежутках. Забраковав и этот способ, хозяйка стала в тупик: требовалось что-то придумать новое, а что? На солнышке, что ли, развешивать грибные цепочки? Так ведь

¹ Пирог-колобан – продолговатый пирог из ячменной муки без начинки.

осень, когда его, солнышка, дождешься, да и выглядит оно либо нет? А может, просто под навесом, на воздухе попробовать? Заготовляет же белка грибы на зиму и сушит их на воздухе, в том же лесу... Нанизывает она по грибочку на сучок – и ничего, получается. Накалывает на сучок по грибочку... Накалывает...

Мало-помалу хозяйка нашла способ сушить грибы, вышла из положения. Она стала накалывать грибы на лучинки, как шашлык на палочки, и раскладывать эти палочки в духовке на боковых ее выступах, предназначенных для противня. Грибы просыхали быстро и хорошо, не подгорая, не теряя сока. Мы так и назвали палочки «грибными шашлыками».

– Может быть, и лучку добавлять надо между белыми шляпками, по несколько кружочков? – спросил кто-то однажды. – Чтобы уж шашлык так шашлык!

Хозяйка неожиданно для всех вытащила вдруг такое, что мы даже засмеялись не смогли от удивления, – такое вытащила, будто всю свою жизнь занималась искусствоведением, а не грибами, не рыбой.

– С лучком – это уже декадентство¹! – сказала она.

Вот ведь что делается на белом свете, совсем сравнялась деревня с городом.

Грибные шашлыки выручили нас всех. Теперь мы, не боясь ничьей воркотни и унизительного недоброжелательства, могли по целым дням собирать грибы, а хозяйка обрабатывала их быстро и надежно, даже с охотой. Видно, шашлыки готовить все же интереснее, чем просто грибы сушить.

Записал я сейчас эту историю и задумался: а для чего, собственно, я ее записал? Мелко, непроблемно и вряд ли высокохудожественно. Правда, реализм налицо, но, может быть, это

¹ Декадентство – здесь: манерная претензия на оригинальность.

уже не реализм, а ползучий натурализм¹, и, стало быть, ничего, кроме вреда, от него ждать нечего. Скажет кто-нибудь, будто я, вместо того чтобы заниматься своим кровным делом, служить народу, составляю заметки для поваренной книги. Для чего все это?

А может, не «для чего», а «для кого»? Может, мою заметку и впрямь прочитает не одна домашняя хозяйка и будет при случае сушить грибы точно таким же простым способом, как я описал. А от них научатся другие, и пойдет... И получится, что я все-таки послужу своей заметкой о грибных шашлыках и не думая, что служу...

Новая считалка

Мы с Мишой играли на берегу Новозера в прятки. Пользовались считалкой про зайчиков.

Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет.
Ай-ай,
Ой-ой,
Умирает зайчик мой!

- Жалко! – сказал Миша.
- Кого?
- Зайчика.

И мы с Мишой решили тут же пересочинить детскую считалку так, чтобы зайчик не умирал.

Предлагаем нашим друзьям новый, оптимистический вариант старой считалки:

¹ Натурализм – здесь: нетворческое копирование действительности.

Раз, два, три, четыре, пять.
Вышел зайчик погулять.
Кто-то в зайчика стреляет –
Он бежит, не умирает,
Не желает умирать.
Раз, два, три, четыре, пять.

Миша несокрушимо верил в силу слова.

- Теперь зайчиков в лесу будет много! – сказал он.
- Оптимистическая считалка!
- Что это такое – оптимистическая? Я просто зайчика пожалел. А так, конечно, охотник его все равно убьет.

Мамины сказки

1. Чайка

Какой только рыбы не водится в Новозере, каких только птиц не летает над ним! Однажды утром Миша вышел на песчаную косу, чтобы послушать, как далеко-далеко на болотах, за береговой излучиной, кричат журавли. Солнце уже всходило, и озеро то и дело меняло цвета, будто примеряло разные наряды – какой из них больше подойдет на сегодняшний день. На небе солнце взошло одно, а в озере их отразилось тысячи.

Журавлей Миша никогда не видел. Не увидел он их и сегодня. Зато на песчаную косу вдруг спустилась с неба удивительная птица: вся розовая, только клюв черный да черное пятнышко на голове. Миша видел, когда птица летела, и ее длинные тонкие крылья показались ему похожими на гребни волн. Он всегда рисовал море с такими волнами. Села розовая

птица на песчаный откос и так неторопливо сложила свои волнистые крылья, будто кружевной подол платья подобрала.

Прибежал Миша домой, рассказал маме, какую он удивительную птицу видел, а мама выслушала и сказала, что это была чайка.

– Нет, мама, это была не чайка. Чайка же белая!

– Да, это правда, что чайка белая.

Вечером того же дня Миша увидел еще одну необыкновенную птицу – совершенно голубую. Голубую, как вечернее предзакатное небо.

Рассказал он маме и об этой птице, а мама подумала и опять сказала, что и это была чайка.

– Нет, мама, это была не чайка, а какая-то небывалая птица. Чайка же белая.

– Да, чайка бывает белая, это верно. Сходи на берег, присмотрись к ней хорошенько еще раз.

Вернулся Миша на берег озера, когда солнце уже садилось и его нетленный огонь разгорался все больше и больше. Это уже был целый костер. Казалось, коснется солнце своим краем озерной глади – и закипит, забрызжет, запенится под ним вода.

В этом закатном огне увидел Миша в небе целую стаю птиц, похожих на чаек, и все они были золотые, огненно-золотые.

– Как в сказке! – сказал про себя Миша. – Но это же чайки. Это все одни и те же чайки.

– Это чайки, мама! – согласился наконец Миша.

– Ты их видел белыми?

– Нет, я не видел их белыми. Они белые, но на этом озере все как в сказке, все сказочное – и восходы, и закаты, и лунные ночи. И птицы и люди – как в сказке.

2. Лунный мостик

Вечером сидел Миша на берегу озера. Днем озеро казалось совсем мелким, а сейчас в него заглянуло небо, и Миша увидел, что у озера, как у моря, дна нет.

Мише вдруг захотелось попасть на другой берег, где люди с песнями шли с работы, где коровы мычали, возвращаясь с выгона, и трудились грузовики с сеном. Но как попасть?

Тогда вышла на небо луна и перекинула перед Мишней светлый, будто тесовый, мостик.

— Беги, мальчик, не бойся, вот твоя дорожка с острова на Большую землю!

Веселее стало Мише, вскочил он, кинулся к берегу, чтобы перебежать через озеро по лунному мостику. Но за Мишу испугался ветерок, пожалел его, дунул из-за кустов и раскидал, разрушил лунный мостик.

— Не верь, мальчик, луне, возьми лучше лодку. Вон в камышах лодка стоит.

Послушался Миша, спустился к лодке, сел за весла и стал отталкиваться от берега. Но луна рассердилась и на ветер и на Мишу и торопливо скрылась за облака.

Было светло, как днем, стало темно, как в полночь. Скрылся из глаз большой берег, куда тянуло Мишу. Не стало видно ни земли, ни озера.

А ветерок опять шепнул Мише:

— Не спеши, Миша, подожди до утра. Утром солнце взойдет, и не будет страшно. Все успеешь, подожди до утра!

Заплакал Миша и вернулся домой.

Утром ему уже не захотелось на Большую землю.

3. Утро

Миша лег в постель и просит:

– Мама, расскажи сказку!

– Но сейчас поздно, – отбивается мать. – Все сказки на покой ушли, в камыши спрятались.

– Как это? – удивляется Миша. – Разве они птицы или рыбы?

Миша удивляется притворно, он только делает вид, что всему верит на слово, а на самом деле он все понимает.

– Как это сказки спрятались? – переспрашивает он.

– А вот так. Встань завтра пораньше, выйди на берег и, может быть, увидишь, как сказки начнут из камышей выплывать. Может быть, они и тебе покажутся. Только пораньше встать надо, засыпай скорее.

– Хитрая ты, мама! – говорит Миша, все понимая.

Но поутру он поднялся раньше всех и, наскоро одевшись, вышел к озеру. Ноги сразу стали мокрыми, влажный холодок проник под рубашку, на руках выше локтей появились гусиные пупырышки. Небо чуть-чуть порозовело, но сзади острова, за спиной Миши, поэтому казалось, что утро еще не наступило. Миша спрятался за кустиком напротив камышей и стал ждать.

Долго ничего не происходило. Густой белый туман над озером побелел еще больше и начал медленно передвигаться. Вдали за озером объявились верхушки деревьев, только верхушки, до этого лес не был виден совсем. Говорят, что утром туман поднимается. Как же он поднимается, если из тумана сначала показались верхушки леса?.. Значит, туман не поднимается, а опускается, уходит в воду. «Хитрые!» – думает Миша.

Крякнула утка в камышах. Очень интересно крякнула, громко. Еще раз крякнула. Может, она не в камышах, а где-

нибудь на чистом месте, только из-за тумана ничего не видно, и кажется, что она в камышах. Утром каждый звук далеко-далеко слышно. Опять крякнула утка. Как-то странно она все-таки крякает... «Не обманешь! – говорит про себя Миша. – Это самая настоящая утка, а никакая не сказка!»

Почти у самого берега плавают круглые листья, словно зеленые тарелочки, и между ними белые твердые цветы. Это водяные лилии, их очень много. Одни совсем распустились, а есть такие, что как маленькие зеленые горшочки с трещинками. А в горшочках белое молоко.

Лилий становилось все больше, они видны уже за камышами, потому что туман уходит в воду. Утром цветы, наверно, холодные и хрупкие. Миша вспоминает, что лягушка-царевна со стрелой во рту сидела вот около таких лилий. А где это он ее видел и когда? Но видел же ведь, точно, без обмана.

Миша почти не дышит и внимательно вглядывается в чашечки цветов на озерной глади. Тихо-то как! И вдруг из воды, прямо из воды, на глазах у Миши вылезает из воды новый цветок и развертывает во всю ширину свои лепестки. Да нет, Мише это не показалось! Так вот прямо взял да и развернулся целый белый цветок, хоть кричи. Это же удивительно! Это же здорово!

Но Миша не закричал и даже не пошевелился. И правильно сделал. А вдруг это не цветок вовсе? Вдруг это и есть сказка, самая настоящая? Скрывалась всю ночь под водой, а когда пришло время, когда посветлело да потеплело, она и появилась и развернулась. Ух ты!

Потом из камышей выплыла утка. Нарядная, разноцветная и большая. Очень большая. И глаза у нее черные, блестящие, как пришитые круглые пуговки. Миша никогда не видел дикую утку так близко. Только вот в чем дело: если бы утка была далеко, то, конечно, это была бы утка, понятно. Дикие утки все боязливые, дикие. Но эта совсем рядышком, ну просто

невозможно как близко. Разве могут настоящие утки подплывать к человеку так близко? Не могут – в этом все дело. Это же сказка! Видно, мама не обманывала его. Хитрая! Конечно же, это и есть сказка, да еще с серыми утятами, – вот они!

Утятя, серые комочки, выкатились из камышового тростника, как из глухой таежной трущобы, и заскользили вокруг своей матери, брызгаясь и попискивая. Они были очень похожи на куриных цыплят, только сказочные, и катышками катались не по земле, а по воде.

Теперь Миша уже во все мог поверить. Он сидел как заороженный, как зачарованный, и ждал: что же будет дальше? А дальше было вот что: утка исчезла, утятя исчезли, и на воде появилась змея. Это была третья сказка. Черный уж плыл по озеру, извиваясь, тела его не было видно, над водой торчала одна черная голова, но почему-то само собой разумелось, что и сам он весь черный. Черный змей плыл по воде, а след за собой оставлял красный, почти кровавый, и Мише стало страшно. Но когда он обернулся, словно хотел найти защиту, то увидел, что с другой стороны острова всходит красное солнце и потому все вокруг становится розовым и красным. Зеленые листья на деревьях побагровели, будто осенью; травяной луг покрылся цветами, на оконных стеклах заиграли отсветы огня, словно в каждой избе затопилась печь. Лодка, стоявшая у мостков, с веслами, опущенными в воду, вдруг стала прозрачной, и вокруг нее заиграли солнечные зайчики. Порозовели даже камышинки на воде, и в этих густых розовых зарослях запела птичка. Вероятно, это была птичка, кто же еще?.. Но какая?.. А черный змей уж доплыл до берега и пропал. Все как в сказке. Начинался день.

Миша встал на ноги. Начинался день, и он хотел идти домой. Наверно, мама заждалась его, волнуется. Не мо-

жет быть, чтобы она не заметила, когда он уходил из дома. Но в это время на озере кто-то громко чмокнул. Миша замер. Опять кто-то чмокнул — смачно, влажно. Целуются? Нет. Скорее, кто-то чавкает. Все как в сказке. И поет, поет птичка в камышах.

Чавканье продолжалось. Миша стал догадываться, что под зелеными тарелочками лилий рыба ловит ртом воздух. А может быть, это не рыба? Как же не рыба, если ее даже видно? И зеленые тарелочки вздрагивают и покачиваются после каждого поцелуя.

А здорово было бы, думает Миша, если бы сейчас вдруг приплыла к нему щука и спросила: «Чего тебе надоено, Миша?» А он бы ей: «По щучьему велению, по моему хотению...» Вот бы все ребята удивились! И девочки тоже! И мама бы с ума сошла! И папа бы... И Сашка...

— По щучьему велению, по моему хотению, — шепчет Миша, — чего бы мне такого пожелать?

Огромная щука подплыла к самому берегу, и Миша ее увидел, но у нее была такая пасть, что ни с каким делом обращаться к ней он не захотел. Это была не та щука, это щука была из страшной сказки.

— Миша! Где ты? — звала его мать. — Не заснул ли где-нибудь?

Нет, Миша не заснул. Разве можно было бы столько всего увидеть и услышать, если бы он заснул?

— Иду, мама! — крикнул он, и сразу все сказки исчезли, и страшная щука уплыла от берега. Только невидимая птичка все пела и пела в камышах, хорошо пела. Она так и не показалась Мише. Наверно, это была самая интересная сказка.

Спасибо, что разбудил меня!

- Прости, родная, что я разбудил тебя.
- А что случилось?
- Скорей оденься и выйдем на берег. Там удивительно хорошо!
- Ты знаешь, что я и вчера не спала?
- Знаю, прости, пожалуйста, одевайся скорей!

В окна проникал свет: то ли сияние неба, то ли сияние озера. По полу и по стенам двигались белые лунные полосы. Женщина тяжело поднялась с постели, набросила на плечи легкий ситцевый халатик, и он тоже засветился на ней.

– Пойдем скорей, в такую ночь нельзя сидеть в доме, – повторял мужчина.

- Я не сидела. Я только что заснула. Ты знаешь об этом?
- Да!
- Знаешь, что я очень трудно засыпаю?
- Да!
- Что я опять принимала снотворное?
- Да! Я все знаю. Пойдем скорей!

Когда они вышли на крыльце, женщина ахнула и заторопилась на берег озера. На ходу она сдернула с плеч халатик и надела его как следует, в рукава. Мужчина теперь шел сзади, он даже отставал.

Озеро посверкивало и ликовало от берега до берега, все насквозь; и оттого, что оно было рядом, мир казался шире и глубже. Луна сияла одинаково кругло и в небе и в озере, только представлялось, будто в озере отражается ее обратная сторона.

К черным камышам на середине озера и дальше – к черному лесу на горизонте был перекинут лунный мостик из круглых березовых плашек. Мостик был наплавной, и, если сту-

пить на него, побежать по нему, он, конечно, закачается и начнет прогибаться.

Женщина остановилась у самого лунного мостика, на песчаной отмели, и повернулась к мужчине.

— А у твоих ног тоже лунный мостик! — сказала она, сказала так весело, что мужчина заулыбался.

В этот миг далеко за озером раздался крик птицы, будто потревоженный петух спросонок вскинул голову и спросил кого-то: все ли в порядке?

Крик повторился. Женщина замерла, как зачарованная.

— Это петух?

— Нет. В той стороне только болота, жилья нет.

— Кто же это?

— Догадайся сама.

— Не могу.

— Это журавли кричат.

— Почему же они кричат?

— Не спится, наверно. Такая ночь...

— Понятно.

Журавли успокоились, и стало слышно, как над головой зашелестели листья, еле слышно зашелестели, а у самых ног, там, где песок и галька, вдруг легонько плеснула вода. Плеснула, откатилась и опять плеснула. Ночной плеск воды, как плеск времени. Боже мой, как все интересно!

— Спасибо тебе, родной мой! — сказала женщина.

— Прости, что я разбудил тебя.

— Спасибо, что разбудил. Иначе бы я ничего не знала об этих ночных, об этом нашем мире. Спасибо, что ты не даешь мне спать.

ОЗЕРНЫЕ КОРОВЫ

Недавно из лесу в деревню зашел с коровами лось. О чем он размечтался — кто его знает. Большие люди, как и большие звери, — народ рассеянный. Огромная сохатая корова, вероятно, примкнула к стаду еще на пастбище, где-нибудь на лесной поляне. Когда стало смеркаться и коровы направились к дому, пошла за ними и сохатая.

Деревня еще пустовала, народ был на работе, и не окажись на улице старая Пелагея да не закричи: «Бабоньки, лешой идет!» — лосиха, может быть, и во двор бы к кому-нибудь зашла... Но, услышав человеческий голос, она высоко вскинула голову и, всхрапнув, бросилась через изгороди, по картофельным огородам в ближний лесок.

Разговоров в связи с этим было много по всем окрестным деревням. Блудновские женщины решили в один голос, что это хороший знак: не перевелись, значит, еще в нашем стаде старые «озерные коровы»¹, оттого сохачи и тянутся к ним.

Удивительно, как народ этих лесных мест все еще живет иногда в мире сказок, поверий и легенд... Большинство за всю жизнь ни разу не видало железной дороги. Зато эта глушь сохранила для нас почти нетронутыми «преданья старины глубокой»².

Знаменитое вологодское масло от плохих коров не получить. Ученые-животноводы ничего не знают о том, откуда идет породистость северной коровы, ее выносливость, жирность ее молока, ревность походки и благородство осанки. А вот бабушка Авдотья Павловна знает. Она очень любит вологодскую корову и неодобрительно отзывается об ученых.

¹ *Озерные коровы* — по поверьям северных крестьян, коровы из стада водяного.

² «*Преданья старины глубокой*» — крылатое выражение из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

— Учат, учат их, и все без толку! — говорит Авдотья Павловна. — Не в коня корм. А про коровушку нашу и за морем, за океаном добрая молва идет. Худославиться¹ ей не из-за чего. Родовитая корова. А откуда ее род — спроси коровьего ученого — не знает...

Родовитость нашей кормилицы от озерных коров. Ты приглядись к стаду, когда оно с выгона, из летовища идет, — приглядись. Солнце к западу, день к вечеру, на траве роса. Идут наши милые домой по широкой улице — пыль по лесу, мык до неба, хвостом мух отгоняют. И наперед лётом летит вожак-корова. Рога у нее широкие да крутые, спина ровная, передок на весу висит, ноги несет бойко, какое колоколо² на нее ни навесь, все за версту слышно, — и в глазах огонь, глаза веселые. А коли у коровы глаза веселые — знай: озерного рода корова. За такой-то коровой часто и лось в деревню заходит.

Покойный Миша Митёнок рассказывал: «Выходили из нашего озера на ранней заре некрещеные озерные коровы — траву щипали, ключевую воду пили. Некрещеные, а стада своего держались хорошо — ни одна в сторону не отойдет, все рог к рогу, как люди нынче — локоть к локтю. Верховодила всегда одна корова. И ежели эту корову крещеным людям с колоколом обежать, обколотить ее, не пустить к омуту — все стадо за ней пойдет, куда ты покажешь».

У Мити-то Митёнка все стадо, сказывают, озерное было. От этих озерных коров и пошла по округе хорошая порода. И холмогорки³ от них, только там озера были другие, поглубже наших, и коровы еще позаправней⁴, окладистей⁵. В деревне Кожаево тоже много озерных коров — там озера большие.

¹ Худославиться — иметь худую славу.

² Колоколо — жестяной колокольчик на шее коровы.

³ Холмогорка — корова холмогорской породы.

⁴ Позаправней — поупитаннее.

⁵ Окладистей — толще, шире.

Одно худо было – порознь коровы эти жить не хотели, стадо любили. Разведут их по дворам, каждому хозяину по корове, они ревут, ясли ломают, а потом чахнут. Редко ведь у кого был большой двор. А ныне, как дворы-то большие понастроили, лучше стало. Ожили наши коровушки».

Вечером, когда колхозное стадо возвращалось с выгона, Авдотья Павловна подозвала одну:

– Тпруконь, тпруконь! – и показала: – Ты посмотри, какие у нее глаза веселые да умильные. И доит хорошо.

На закате сельские улицы оглашаются бренчаньем коровьих колоколов и криками и песнями ребятишек. Ходить за коровами всегда было особым удовольствием для детей. С собою они берут корзины и попутно собирают по лесу ягоды и грибы. В летовище – постоянном выгоне для скота – растет много рыжиков и масляников. Рыжики – молодые, хрустящие, с закругленными краями грибки – на низкой зеленой травке напоминают разноцветные пуговицы от синеватого до бархатисто-бордового цвета со всевозможными узорами. Рыжики эти с не меньшим удовольствием поедаются коровами, поэтому искать их всегда нужно вместе: где больше рыжиков, там и коровы, там и рыжики.

У скотного двора общественных коров встречают доярки. Звенят подойницы, резкими упругими струйками в стенки бьет молоко. Ежедневно утром и вечером два «заслуженных молоковоза» – Паша и Миша – доставляют свежее парное молоко на Пермасский молокозавод. Дождь ли идет, снег ли – они едут. Бывает, пронесется над лесом ветер, закидает буреломом всю дорогу – они едут. Топорами они умеют владеть с детства.

Фронт любит вологодское масло. С привозным в один ряд наши бойцы никогда его не поставят. И то сказать: разве в Америке могут быть озерные коровы?..

Кони в колхозе плохи. Слишком много работы приходится нести им сейчас на своих плечах. Но их выручают трактора и быки. Все трактора МТС¹, как все автомашины в районе, переведены на древесное топливо. И быки работают не хуже газогенераторных² тракторов: так же медлительны и, пожалуй, еще более выносливы. В «Красном пахаре» восемь рабочих, уже обученных быков. Количество их увеличивается.

Объездить быка – дело нелегкое. Молодого зверя подводят ко крещению: на него надевают хомут и впрягают его в телегу. Бык широко расставляет ноги, храпит и пятится. Из ушей его валит дым, из ноздрей пламя пышет. Потом он издает воинственный рев и бросается вперед так, что из-под копыт искры летят. Вокруг стоят колхозники и колхозницы и то ахают, то хохочут.

Наездник – а это должен быть сильный и смелый человек, назовем его укротителем, – держит быка за рога, и когда бык начинает биться и храпеть, он испуганно кричит:

– Мама, я боюсь!

Женщина из толпы отвечает ему:

– Ничего, сынок, не бойся, привыкай. Бык не лось.

– Он и сохачей объезжать будет! – говорит другая.

И в толпе кто-то мечтательно поддерживает:

– А что, бабы, если попробовать в лесу сохача поймать да приучить его бороздой ходить. Вот лошадь-то была бы! Что тебе озерная...

¹ МТС – машинно-тракторная станция, государственное сельскохозяйственное предприятие.

² Газогенераторный – использующий в качестве топлива для двигателя дрова.

Вечером на выгоне у самой деревни среди коров поднялся переполох, неистово зазвенели колокола. Коровы ревели «как под медведем». За время войны медведей и волков развелось по лесам много. Охотиться за ними некому. Много зверя пришло также из западных областей в первый период войны.

Первыми бросились за деревню ребяташки. Они еще увидели медведя. Он «поездил» на трех коровах и выбрал одну — самую большую, упитанную и черную, как и сам. Сбить с ног медведь ее не смог, корова стояла, привалась к дереву, и отчаянно мычала. Поесть тоже не успел, успел только «подоить». Ребята видели, что вся морда у зверя была в молоке. Он вырвал у коровы вымя, сожрал его и распорол ей живот.

По медведю никто даже не выстрелил.

Когда с поля прибежали взрослые, корова держалась на ногах, но дрожь била ее всю, и животный страх все еще стоял в ее глазах. Только завидев людей, она начала успокаиваться, все самое страшное, казалось, для нее уже прошло. Глаза ее стали тихими, покорными. С чем пришли люди — с жизнью или смертью — им виднее, она целиком полагалась на них. Ей хотелось спать. И когда к ее горлу поднесли нож, она видела это, но не сопротивлялась.

Корову пришлось прирезать.

1944

ЖУРАВЛИ (Сила слов)

Были в детстве моем и праздники, и весна не одна, и не одна золотая осень. Много было всего. Были и свои журавли в небе.

Когда с полей убирали хлеб, поля становились шире и светлее, чем прежде, горизонт отодвигался куда-то вдаль. И над этой ширью и золотом появлялись треугольники журавлей. Для детей это время птичьих перелетов всегда празднично. Мы выбегали из домов, неслись за околицу и кричали вдогонку журавлям:

Журавли, журавли,
Выше неба и земли
Пролетайте клином
Над еловым тыном,
Возвращайтесь домой
По дороге прямой!

Или много раз повторяли, приплясывая, одни и те же слова:

Клин, клин журавлин,
Клин, клин журавлин!..

Птицы шли по небу ровно, спокойно, красиво.

Но находились озорники, которые не желали добра птицам, хотели расстроить их порядок. Бывало, какой-нибудь босоногий заводила вдруг вопил истошным голосом:

Передней птице
С дороги сбиться,
Последнюю птицу –
Вицей, вицей¹.
Хомут на шею!
Хомут на шею!

¹ *Вица* – гибкий прут, розга.

Или:

Переднему – хомут на шею,
Заднему – головешку под хвост!..

И часто журавлиный треугольник неожиданно начинал ломаться, птицы, летевшие сзади, рвались вперед либо уходили в сторону, а вожак, словно испугавшись, что он остался впереди совсем один, круто осаживал, делал поворот и пристраивался в хвост колонны. Мы удивлялись силе наших слов, визжали от удовольствия. Но кто-нибудь из взрослых давал подзатыльник озорнику, и хорошие чувства брали верх в детской душе. Мы в раскаянье кричали уже хором, чтобы слышнее было:

Клин, клин журавлин!
Путь-дорога!
Путь-дорога!

Кричали до тех пор, пока журавли не выравнивались.
И вот опять вспомнилось мне детство.

В этом году дожди, затяжные, упрямые, начались так рано, что стало казаться, будто вовсе не было лета. Свету недоставало даже в полях, и утром и в полдень было одинаково пасмурно. Сырость пронизала небо и землю, в самом густом лесу не оставалось ни одного сухого места. Дороги испортились, поплыли, шипели, как тесто в квашне, вылезая на стерню¹, на луговую отаву². Листья на деревьях, всегда мокрые, не желтели и не облетали, сколько ни свистел ветер по ночам. Где же бабье лето? Где золотые рощи? Где кружевная паутина на скошенных лугах?.. Наверно, и птицы уже улетели, давно улетели...

Но вот выдался солнечный денек. Потом другой, третий... И стала осень делаться заново. Пришла тишина, мягко

¹ Стерня – поле с остатками стеблей после уборки хлеба.

² Отава – трава, выросшая вновь после покоса.

пригрело солнце, подсохла земля, даже дороги стали проезжими. А когда просохли на деревьях листья, оказалось, что они давно желтые. Как-то утром, проснувшись, моя дочка глянула в сад на засверкавшую осинку и ахнула: «Папа, у тебя под окном красавица!» Потом закружилась и листва в воздухе, облетели осинки, березки, тополя, даже дубы начали понемногу оголяться. Совсем сквозным стал орешник, и откуда ни возьмись, на опушку рощи выступили вдруг елочки.

А солнце с каждым днем становилось нежнее к земле, ласковее. Казалось, и так красиво кругом, а оно как выглядит, как начнет наводить порядок – не налюбуешься, не нарадуешься.

Наконец затрубили, закурлыкали журавли в небе. Все-таки взяла осень свое и на этот раз: появились над полями птичий треугольники. Странным показалось это: зачем они покидают нашу землю? Все устроилось так хорошо, стало тепло и тихо, сейчас бы жить и жить, а вот улетают.

Стою я на крыльце, вспоминаю детство, слежу за журавлями и вдруг вижу – нарушился их строй, сбились птицы в кучу, заходили кругами, стремительно набирая высоту. Словно самолет пронесся близко, – завертело их ветром, подкинуло.

Но мне представилось, что это опять ребятишки-озорники из какой-нибудь соседней деревни сбили журавлей с толку обидными словами. Я поверил в это, и такое доброе чувство к летящим птицам охватило всю мою душу, что я не заметил, как начал, правда негромко, почти про себя, но все-таки вслух шептать слова, которые знал с детства: «Клин, клин журавлин! Летите не сбивайтесь, домой возвращайтесь!.. Путем-дорогой! Путем-дорогой!..»

И вот уже выправились журавли моего детства, уgomонились их всполошенные голоса, и, благодарные, полетели птицы все дальше и дальше под ясным солнцем родного края, полетели путем-дорогой.

МИХАЛ МИХАЛЫЧ

Все дети были как дети, один Михал Михалыч никому покоя не давал. С утра до вечера в квартире слышался только его голос, его крики, его песни. Начиналось с завтрака на кухне, куда Михал Михалыч обычно шел неохотно, ссылаясь на то, что у него еще зубы заспанные, но когда садился за стол, то требовал все сразу – и молоко, и рыбий жир, и огурцы, и кашу. Потом он бросался к сестрам, помогал им собраться в школу, из-за чего те плакали и нередко опаздывали на первый урок. Далее Михал Михалыч делал зарядку, «как в цирке», карабкался до потолка по книжным полкам, пересматривал все подряд, вплоть до энциклопедии, гонялся за кошкой, кричал ей «кыкысь, берегись!», наконец, давал матери советы, как варить кашу, и обязательно что-нибудь присаливал сам, да еще прибавлял газу. Все это он успевал делать одновременно, уследить за ним не было никакой возможности. Если мать начинала нервничать, он ее успокаивал:

– Мамочка, я же тебе помогаю! – и целовал ее в платье, в руку, во что придется. И мать успокаивалась и вытирала слезы на глазах.

Кроме того, Михал Михалыч очень любил ездить к бабушке в гости либо на машине, либо на поезде, либо на самолете. Без папы такие поездки не удавались, поэтому он каждый день с нетерпением ждал возвращения папы с работы. Вернувшись с работы, папа странно медленно раздевался, но это еще куда ни шло. Но если папа сразу садился обедать, Михал Михалыч совершенно терял терпение и не хотел принимать никаких объяснений.

– Ну, поехали же! – требовал он.

– Подзаправиться надо, сынок, а то бензину не хватит, – отвечал отец.

– Да хватит, хватит... поехали!

После обеда папа ложился на ковер посреди комнаты и поднимал ноги.

– Ну давай сразу на самолете, скорей доберемся.

Вечером в квартире иногда появлялись папины товарищи или мамины подруги, и Михаил Михалыч на несколько минут затихал, присматривался к ним. Забавные люди – они всегда спрашивали его об одном и том же.

– Миша, кого ты больше любишь, маму или папу?

– Папу и телевизор, – отвечал Михал Михалыч, и гости весело смеялись.

– А бабу-ягу ты боишься?

– Я ее не видал.

– Неужели и во сне никогда не видал?

– Не видал. Я лицом к стенке сплю, ничего не вижу.

Гости скоро надоедали Михал Михалычу, он покидал их и снова занимался своими делами – гонял «кыкысь», проверял настройку пианино, выметал пыль из-под столов. Он поспевал всюду, он был везде сразу, заполнял собою всю квартиру, все углы, был велик, вездесущ и необъятен, как сама жизнь.

Поздно вечером, замотав всех до смерти и утомившись сам, он просил: «Мама, раздень меня!» – ложился в постель лицом к стене, свертывался клубочком и засыпал. Мать, склонившись над кроваткой, прикрывала его сереньким байковым одеяльцем и удивленно ахала, словно впервые видела своего сына.

– Господи, ведь совсем кроха, комочек!

Подходил отец, подходили старшие девочки и тоже разглядывали Михал Михалыча с удивлением. «Он еще совсем маленький!» – шептали они.

– Он же совсем кроха! Совсем, совсем кроха! – говорила сестра. – Поразительно!

– А что вы хотите?! – говорил отец. – Ему еще только три года. Дайте срок...

ТВОРЧЕСТВО

— Опять каша!

Борька сидел с полным ртом, сопел, дулся и смотрел на всех сердитыми глазами. Его уговаривали, ругали, пытались задобрить. Но ничего не помогло. Обеденных часов в семье стали бояться, как наказания. Мать нервничала, отец рывком вставал и уходил из-за стола.

Горю помог соседский мальчик Ваня. Как-то во время еды, когда за столом не усидела даже многотерпеливая мать, Ваня сказал Борьке:

— Я тоже не люблю кашу, но это ничего. Я тебя научу, будет интересно... Давай делать дорогу!

Борька посмотрел на товарища сквозь слезы, подумал и кивнул головой. Тогда Ваня устроился с ним рядом, пододвинул к себе тарелку, взял ложку из его рук.

— Сначала сделаем тропинку для велосипеда, вот так! — сказал он, провел узкую бороздку через всю тарелку и ложку, полную каши, передал Борьке. — Пройдет велосипед?

Борька хмыкнул, но спорить не стал.

— Пройдет. А кашу куда?

Ваня пожал плечами.

Тогда Борька съел кашу и облизал ложку. А Ваня сказал:

— Сейчас сделаем дорогу такую, чтобы по ней можно было проехать на машине. Делай сам!

Борька взял ложку в обе руки и со скрежетом заскреб дно тарелки. Дорога получилась широкая, но неровная.

— Подчисти! — посоветовал Ваня.

Борька подчистил, склоняя голову набок.

— Сейчас и «Москвич» пройдет, — убежденно сказал он.

— «Москвич», пожалуй, пройдет, а «Волга»?.. Давай для «Волги»!

Игра Борьке понравилась. Он ел кашу старательно, с удовольствием.

— Это уже большак, — сказал Ваня, когда посреди тарелки, на проезжей ее части, показался зеленый цветок. — Теперь даже грузовики с зубром и медведем¹ могут разойтись.

Борька подровнял ложкой края большака справа и слева, набрал еще ложку каши и, прожевывая, подтвердил:

— Разойдутся и медведь с зубром.

Наконец каши осталось совсем мало. Ваня нерешительно посмотрел на Борьку.

— Что будем делать с обочинами? — спросил он.

А Борька уже улыбался весело и хитро. Теперь-то он знал, что надо делать с обочинами. Каша перестала казаться скучной.

— Съем и обочины! — сияя от радости, заявил он. — И будет у меня теперь не дорога, а аэродром. Реактивный, верно? Нет, ракетный!

— Вот так! — засмеялся довольный собою Ваня.

И было им хорошо друг с другом.

1959

¹ ...грузовики с зубром и медведем — фигурка зубра на капоте являлась эмблемой Минского автозавода (МАЗ), медведя — Ярославского автозавода (ЯАЗ).

ПЕРВЫЙ ГОНОРАР¹

Я перестал учиться, когда получил первый гонорар. До чего же все это было давно и до чего весело вспоминать обо всем этом!

Гонорар пришел из Москвы, из «Пионерской правды». Там время от времени печатались мои заметки о школьной жизни, а однажды была помещена даже басня «Олашки» – о буржуе, который отказался есть оладьи, когда узнал, что они испечены из советской муки. Принципиальные были буржуи в то время!

Денежный перевод, если не ошибаюсь, рублей на тридцать, застал меня врасплох. У меня больше двадцати – тридцати копеек в кармане еще никогда не бывало.

Не без труда получив деньги на районной почте, я купил в магазине конфет, обливных пряников² и папирос и ринулся пешком в родную деревню. Дело было зимой. Носил я тогда лапти, теплой одежонки, конечно, не было, и идти мне было легко. Но я не шел, а бежал. Бежал бегом все двадцать километров. Напевал ли при этом песни и приплясывал ли – не помню. Помню только, что за всю дорогу не съел ни одной конфетки, ни одного пряника, потому что хотел все целиком донести до деревни, для своей матери. Похвастать хотелось: вот, мол, я какой, на-ко выкуси! И, конечно, пачку папирос не распечатал, – я еще не курил тогда.

Зимние дни коротки, и как ни легок я был на ногу, а все-таки до деревни добрался только к ночи. В темноте углы срубов потрескивали от мороза, а в избах горела лучина в светильниках. В одном только доме была керосиновая лампа, окна его светились ярче прочих. В этом доме собиралась молодежь на

¹ Гонорар – вознаграждение, получаемое за литературный труд.

² Обливной пряник – пряник, облитый глазурью.

посиделки. У нас такие посиделки зовут беседками. Девушки чинно сидят на лавках с прядницами, прядут лен или куделью, да поют песни под гармошку, да стараются понравиться парням, каждая своему, а некоторые всем сразу, а парни, пока не начинается кадриль, просто бездельничают, зубоскалят.

Мне было тогда меньше пятнадцати лет, но не это важно. Важно то, что одна из деревенских девушек мне уже нравилась, я был уже влюблен – в нее, во взрослую, в невесту. О чём я тогда думал, чего хотел – один бог знает. Сам я, если и знал что, то теперь забыл.

Не донеся до дому пряники и конфеты, я прежде всего решил появиться на беседках. Еще ни разу на беседках не принимали меня всерьез, ни в чьих глазах я еще не был взрослым. «Ну, что ж, что не принимали, – думал я. – Не принимали, а сейчас примут».

Очень я нравился себе в тот день!

Керосиновая лампа висела на крюку посреди избы и горела в полную силу: беседка еще только началась, и воздух еще не успел испортиться вовсе. Но клубы и кольца табачного дыма уже не рассеивались, не таяли, а передвигались под потолком, плотные и густые. Девушки в ярких домотканых, реже в ситцевых сарафанах, как обычно, сидели на прядничных копыльях¹ вдоль стен по окружности всей избы и крутили веретена и поплевывали на пальцы левой руки, вытягивавшие нитку из кудели. Парни толпились посреди избы, а кое-кто, посмелее, сидели на коленях у девушек либо рядом, занимая их разговорами и мешая прядь. Довольные девушки повизгивали, похокатывали. В темном углу за большой русской пекаркой², где всегда пахло пирогами и кислым капустным подпольем³,

¹ Копыл – «донце», часть прядлки, расположенная под прямым углом к вертикальной лопасти, на которой закрепляется кудель.

² Пекарка – печь.

³ Подполье – подвал.

какая-то парочка целовалась. Сладостное и таинственное для меня на этих посиделках только-только возникало.

Моя любовь, Анна, сидела далеко не на самом почетном месте, а в углу справа, в полусумраке кухни, но была она самая красивая из всех. Красный пестрядинный¹ сарафан с белыми нитяными квадратами, кофта синяя, яркая, тоже пестрядиная, и никакого платка на голове. А на лице улыбочка, не улыбка, а улыбочка – ласковая, хитренькая, при которой щеки чуть подтягиваются кверху и на одной из них образуется ямочка, а глаза прищуриваются. Да еще волосы, заплетенные в косу с очень яркой, но уже не красной и не синей, а, кажется, фиолетовой, ярко-фиолетовой лентой; да еще глаза, поблескивающие, все понимающие, чуть прищуренные и, кажется, серые; да еще руки, быстрые, работающие и, наверно, тоже ласковые. Эх, потрогать бы их когда-нибудь! Правой рукой Анна крутила веретено, и так сильно, что оно даже жужжало от удовольствия, а пальцы левой руки двигались все время у кудельной бороды и были всегда мокрые от слюны.

Анна была так красива, что, конечно, никто из парней не осмеливался сесть рядом с нею. Только я один осмелюсь сегодня! А что полусумрак на кухне – так это же хорошо: тут, в углу, по крайней мере, ничего не будет видно. Ничего! И еще хорошо, что близко отсюда запечье, тот таинственный уголок, куда время от времени уходят сговоренные пары² целоваться. Неужели и это для меня сегодня возможно?

Войдя в избу, я первым делом раздал ребятам папиросы. Кажется, ничего особенного при этом не произошло. Ребята просто расхватали всю пачку сразу и стали курить: папиросы все же, не махорка. Дыму в избе стало еще больше.

¹ Пестрядинный – из пестряди, грубой домотканой материи из разноцветных ниток.

² Сговоренная пара – пара, договорившаяся о будущем браке.

Затем я подсел к моей девушке, к моей Анне. Подсел, как садятся взрослые парни к своим девушкам. Раньше я никогда не осмеливался сидеть рядом с Анной, а сейчас сел. Анна пряла лен. Она не удивилась, что я ткнулся на лавку рядом с ее прядицей, она просто пряла. Теперь надо было заговорить с ней. Я еще ни разу не расхрабрился до такой степени, чтобы заговорить с нею. Не смог я заговорить и на этот раз. Но на этот раз все было по-другому, на моей стороне теперь были всяческие преимущества, на моей стороне была сила — и конфеты, и пряники, и то, что я настоящий писатель, иначе разве посыпали бы мне деньги из самой Москвы. Сегодня на беседках я был самый главный человек.

Я достал из кармана конфету, развернул бумажку и сам, своей рукой положил конфету Анне в рот. И опять ничего особенного не произошло. Анна просто взглянула на меня, открыла рот, взяла конфету в рот и съела ее. Но все-таки она взглянула на меня. Все-таки она меня заметила. Я быстро развернул следующую конфету и снова положил ее в рот Анны. Она съела и эту конфету, но при этом засмеялась. Щеки ее приподнялись, округлились, красивые глаза сузились.

Так и пошло: я ее кормил конфетами, а она смеялась. Над чем? Над кем? Над мной, конечно! Но меня это нисколько не смущало. Все равно она была красивее всех, и я сегодня был всех лучше. Ах, если бы я смог с нею заговорить!

Она бы спросила меня:

— Ты все еще учишься?

А я бы ей ответил:

— Учусь — что! Я — писатель! Понимаешь — писатель, самый настоящий. Мне уже и деньги платят за то, что я писатель. А ты знаешь, что это такое? Вот, например, все эти конфеты, пряники, папиросы — это все откуда? Просто, понимаешь, пишу, и все.

Так беззастенчиво хвастать в городе я, конечно бы, не смог, там сразу меня поймали бы. Но здесь можно было. К тому же и обстановка все-таки необычная, духоподъемная. Ведь парень перед девушкой всегда немножко рисуется, хвастается. А как же иначе? Иначе разве она его полюбит?

Беда только, что я не смог и на этот раз заговорить со своей Анной. Но я был счастлив уже оттого, что она ела мои конфеты и смеялась надо мной. И когда она съела их все, я выложил ей в подол все обливные пряники. Она съела и пряники.

Сам я так и не попробовал ни пряников, ни конфет. Отчего это – от большой любви или от расчета, от скучности или от сердечной доброты?

Домой я пришел с беседок поздней ночью, когда все уже спали, и, голодный, заснул на случайной соломенной подстилке возле курятника.

Утром мать подошла к моей постели. Она не будила меня, а просто остановилась надо мной, заложив руки за спину, и я проснулся сам. Добрая, бедная мама! Она все уже знала. Она знала, что ее несмышленый, но опасно бойкий первенец, живущий в городе без родительского присмотра, где-то раздобыл деньги, – конечно же, не чистые это деньги, не трудовые! – покупает папиросы, курит сам и угождает других, а всякие сласти раздает девкам. Уж и до девок дело дошло!

– Здравствуй, мама! – говорю я ей. – Поесть бы чего-нибудь!

А она мне:

– Скажи, парень, где деньги взял?

И от этих слов счастье всего вчерашнего дня снова запело в моей душе и, вероятно, засветилось в глазах. Я не удержался, и опять понесло меня на хвастовство.

– Я, мама, писатель. Понимаешь, писатель! – говорю я ей, почти захлебываясь от восторга. – Мне заплатили гонорар. Из Москвы перевели. Я израсходовал мало, ты не бойся, я еще и

тебе дам денег. А потом опять сочиню чего-нибудь. Гонорар, понимаешь?

— Ты мне зубы не заговаривай, — начала сердиться мать, — правду скажешь, ничего тебе не сделаю. Где взял деньги?

— Так я же правду говорю: я — писатель, поэт. Это гонорар. Творчество, понимаешь?..

Добрая моя мама! Вряд ли она и сейчас понимает, откуда у сына порой водятся деньги: на службу он не ходит, хозяйства не имеет, никаким промыслом не занимается. Сколько лет работали в стране ликбезы¹, а старая моя мама так и до-живает свой век неграмотной и по-прежнему для нее что писатель, что писарь — одно и то же.

— Ах, ты так, сквалыга² окаянный! — вконец рассердилась она. — Признаться по чести не хочешь? Думаешь, всю жизнь правду скрывать будешь, не по совести жить? Вот я с тебя шкуру спущу, раз ты писатель...

И в руках у матери за спиной оказалась свежая березовая вица — розга. Она стащила с меня замызганное одеяльце, и я, ненакормленный, неодетый, получил свой первый настоящий гонорар. Конечно, я ни в чем не был виноват, но ведь и она мне только добра хотела. Вот и суди после этого, кто прав, кто не прав.

1960

¹ *Ликбез* — пункт осуществления государственной программы ликвидации безграмотности в 1920—1930-х гг.

² *Сквалыга* — здесь: человек, живущий собственными интересами.

ВОЛК В ГОРОДЕ

Летом 1960 года в городе Озерске жил волк. Не какой-нибудь ручной или молодой, несмышеный, а самый настоящий, дикий, лесной. Жил он долго и бесчинствовал, как и положено волку, и питался собаками и прочим мясом, как ему на роду написано. Люди принимали его за собаку, а собаки с ужасом разбегались в разные стороны и только выли от безысходного горя и тоски.

Когда же волк был опознан и было точно установлено, что это волк, а не собака и что убить его дозволено, — озерские охотники устроили на него облаву в центре города и убили его. За убийство волка была получена обычная государственная премия. Но главным вознаграждением для себя охотники считали добрую людскую молву — их благодарило и чествовало все озерское население.

Об этой истории рассказал мне старый рыбак и охотник Илья Евгеньевич Макаров. Перескажу как сумею.

Волк попался в капкан еще зимой, и так как правосудие долго не обнаруживало себя, то он не стал ждать расправы, перегрыз себе ногу и ушел. Был он хищник старый и стреляный, попадать в беду доводилось ему и раньше, но на этот раз не повезло всерьез. Нога не заживала, начала гнить, волк исхудал страшно. Добывать пищу в лесу становилось все труднее и труднее. Но он не смутился, не стал вегетарианцем, а только больше обнаглел и ожесточился. Он начал околачиваться вблизи деревень, пробивался чем приведется, не брезговал даже кукурузой. Нередко и попадало ему — деревенский народ стал не в меру недоверчив.

Однажды ночью забрался волк в город и убедился, что в городе добывать пищу гораздо проще, чем в деревне. Там

легче было затеряться. Собачки чаще всего попадались жирные, комнатные, вислоухие. С той поры и зачастил он в город.

И чем дальше, тем становился смелее. Бывало, люди еще из кинотеатра по домам расходятся, в парке репродукторы не умолкли, сторожа у магазинов еще заснуть не успели, а хромой волк уже ковыляет к злачным местам, смотрит, где что плохо лежит. Не устраивало его только одно: далеко было ходить из лесу туда и обратно. Уставал волк на трех ногах, да и на работу времени оставалось мало – ночи коротки. А старый хищник спешить не любил. Спокойнее, когда действуешь осмотрительно.

Как-то зазевался он, промедлил, и утро застало его в городе на школьном дворе. Прибежали первые ребяташки в школу еще затемно, волк не очень их испугался – малы еще, но все же предусмотрительно залез в дровянной сарай. Так он провел в городе первый день.

Провел не плохо. Отдохнул. Хотя, конечно, и поволноваться пришлось. Через каждый час дети выбегали на перемену во двор и играли то в кошки-мышки, то в волков и овец, то в волейбол. Нередко мяч подкатывался к дровяному сараю, и ребята кидались за ним. В такие мгновения волку казалось: все! конец! разоблачат! Но каждый раз выходило, что детям не до него, что они просто играют и бояться этого не следует. Так же вели себя и взрослые, им тоже было не до волка, у них было много других забот. Волк это отлично понял и осмелел еще больше.

Не понравилось еще, что весь день, с шести часов утра и до двенадцати часов ночи, на весь город гремели иерихонские трубы¹ радиотрансляционного узла. Они действовали на нервы, не давали ни заснуть по-настоящему, ни сосредоточиться на чем-нибудь. Волка больше бы устроило, если бы трубы

¹ Иерихонские трубы – здесь: очень громкие звуки.

гребели с ночи до утра, когда он промышлял, шум ему шел бы на пользу. Но он смирился с этим упщением городских властей, так как слыхал, что радиорупоры сотрясали воздух не в одном Озерске. Видимо, так было нужно.

Под гром радиомаршев волк вечером вышел из дровяного сарая и осмотрелся. Ничего страшного не случилось, и он направился к ближайшей помойке, чтобы позавтракать – как известно, у волков все не как у людей, ночь превращают в день, когда люди ужинают, волки завтракают, люди спят – волки жрут и пьют, мародерничают. От помойки хорошо пахло. Но этот запах привлек не только волка, туда же потянулась и голодная собака – такие в любом городе встречаются. И волк решил, что пока можно обойтись и без помойки. Не успела собака сообразить, в чем дело, как волк ее взял и унес к себе в дровяной сарай. Собака все-таки немного повизжала, но ее вопль был заглушен очередным радиомаршем.

Как ни была собака худа, волк покушал плотно и потому скоро заснул и остался в сарае еще на день. Летом школу не топили, и волка опять никто не потревожил.

На следующую ночь, увлекшись погоней за какой-то воло-сатой коротконогой собачкой, явной помесью половой щетки с гусеницей, он выскочил на улицу, прямо в людскую толпу. Перетрусил, должно быть, волк не на шутку, но результат оказался совершенно неожиданным: коротконожку кто-то из прохожих пнул, да так, что она полетела обратно к волку прямо в зубы. А его мало того что не узнали – не узнать немудрено: районные города летом освещаются не ахти как, – его все стали еще жалеть: вот бедный пес, на трех ногах, не иначе под машину попал. Человеку без ноги плохо, а собаке – какая жизнь!

Собачонку волк на этот раз не взял, не решился брать на глазах у всех, побоялся демаскироваться. Зато из города больше не уходил вовсю. И если поначалу он разбойничал в дерев-

нях и в городе только потому, что тяжело было пробиваться трехногому в лесу, то теперь стал разбойничать уже потому, что так было легче жить. Совесть его не мучила. В конце концов, разве он виноват, что остался без ноги? Пускай впредь не ставят капканы. Должна же существовать какая-то компенсация заувечье, не пенсию же ему требовать! Зря, что ли, он пострадал?

Так рассуждал не один волк. Сердобольных людей находилось в городе немало.

С тех пор как волк осел в городе на постоянное жительство, события следовали одно за другим.

В мясной лавке начало исчезать первосортное мясо – конечно, оно шло на удовлетворение волчьего аппетита. Продавцам приходилось покрывать утечку за счет покупателей, продавать мясо второго сорта за первый сорт.

В столовых то и дело не хватало продуктов – волк похищал их еще со складов. Приходилось снижать качество обедов, уменьшать количество мясных блюд, мясные котлеты готовить в основном из толченых сухарей. Поварам, при всем их опыте, было очень нелегко выкручиваться.

Ухудшилось питание в детском доме и в детских садах и яслях – все по той же причине.

Однажды волк в гастрономическом магазине свалил полку с вином, разбилось несколько бутылок, а по акту списали в десять раз больше. В дальнейшем такое списывание по акту укоренилось: разбьется одна пустая бутылка-поллитровка, а спишут дюжину литровых, и не пустых, а с водкой. В торговых сферах считается допустимой норма боя посуды при перевозке, кажется, пятнадцать процентов. Норму допустимую сделали обязательной, ее как бы узаконили, а по акту списывали уже то, что было сверх нормы.

На городской скотобойне волк зарезал только одного бычка, а по акту списали на первый раз шесть бычков и две ко-

ровы. Следы зверя на скотобойне были видны, это были волчьи следы, но так как волка никто не видел, то было решено считать, что это следы медвежьи. Акт благодаря такой находчивости выглядел очень солидно. Кругом леса, почему бы медведю время от времени и не заглядывать на скотобойню?

Расходы на волка росли с каждым днем. Убытки появились и на рыбзаводе, и на районной инкубаторной станции, и даже в учреждениях, не имеющих прямого отношения к материальным благам, то есть в так называемых гуманитарных. В торговой сети убытки назывались утечкой и усушкой, а, скажем, на рыбзаводе и на районной инкубаторной станции или в леспромхозе они стали называться производственными отходами. Если бы не спасительные акции, которые оказались самой емкой и гибкой формой творческой деятельности в сфере производства и распределения, нелегко пришлось бы кое-кому.

Хорошо еще, что волк был один, да и тот хромой. А если бы их сразу объявились много? Не обошлось, конечно, в связи с этим без хищений и подлогов. Как говорится, у хлеба и крохи. Обстановка обострилась еще больше из-за того, что начали искать виновных. Ведь дыма без огня не бывает. А поскольку виновных обнаружить не удавалось, то, естественно, подозрения падали на честных людей. Возросшая подозрительность среди граждан города создавала атмосферу нервную, напряженную. Раздоры, клевета, ложные доносы – все знакомое от сотворения мира пошло снова в ход.

А волк уже расхаживал по улицам, и даже днем. Его ни в чем не подозревали. Кому могло прийти в голову, что это волк, а не собака? А известно, что собака испокон веков и страж и друг человека. Как же ей не доверять? Она призвана охранять народное добро, а не расхищать его.

Волку доверяли во всем, сочувствовали, что он калека, жалели его: «Безногий, значит, убогий!» – и прикрикивали на

слишком усердных собак, которые приходили в неистовство от одного его вида.

Собак волк не боялся, тем менее боялся он машин. Собака рычит, беснуется, беспокоит, она чует, с кем имеет дело, и заставляет все время быть настороже. А машина есть машина, транспорт. Она ничего не чует – что ее бояться? Но среди машин однажды появилась обыкновенная старая лошадь, тоже транспорт. И она-то и выдала волка. Она просто хрюнула, звякнула по старинке на дыбы и понесла. Если бы не эта устаревшая лошадь, волк, вероятно, и поныне безнаказанно бродил бы по городу. Но тут он выдал себя – он бросился лошади на круп.

Прошло уже немало времени с того памятного дня, как в центре Озерска был затравлен матерый волчище, а последствия пребывания его в городе все еще до конца не ликвидированы. Люди все еще не могут прийти в себя от страха и вздрагивают, когда встречают обыкновенных безобидных собак: а вдруг среди них есть еще волки? Илья Евгеньевич Макаров рассказывал мне, что он даже коротконогого щенка своего держит до сих пор под подозрением: не волк ли растет?

1960

НЕ СОБАКА И НЕ КОРОВА

Моя сестра, возвращаясь однажды поздней зимней ночью с посиделок с прядницей и с горячим пучком луцины в руках, встретилась посреди деревни с волком. Должно быть, очень голодный, он сидел, скалил зубы и не хотел уступать ей дорогу.

— Ты что, Шарик, с ума сошел? — прикрикнула на него девушка. — Пошел вон!

«Шарик» оскалил зубы еще больше и зарычал, глаза его нехорошо сверкнули. Сестра ткнула ему в морду горячей луциной.

— Ошалел, что ли? Нет у меня ничего для тебя.

Волк отступил, прыгнул в сторону, в снег.

Когда всполошенные родители сказали моей сестре, что это был волк, а не Шарик, она удивилась и не поверила:

— Какой же это волк, когда он на собаку похож. Собака, она собака и есть!

Недавно в Подмосковье к нашей даче подошел лось. Он был так невозмутимо спокоен, с таким хладнокровием, даже равнодушием смотрел на меня, что подумалось: не ранен ли? не болен ли? Самая настоящая корова, домашнее животное!

Я быстро собрал своих ребятишек, крикнул жене, и мы толпой, всей оравой двинулись к лосю, за забор, в мелкий осинничек. Дети радовались: наконец-то они налюбуются диким зверем.

— Какой же он дикий? Какой зверь? — возмутился я. — Захватите с собой хлеба побольше да соли, сейчас мы его будем кормить.

— Что ты, папочка?

— А вот увидите!

Мы осторожно, чтобы не испугать, подходили к лосю все ближе и ближе, а он повернул голову и смотрел на нас совершенно спокойно, без всякого интереса, даже как-то устало. Возможно, он думал, этот неприкосновенный владыка подмосковных рощ, стоит ли, дескать, связываться с этой назойливой мелкотой. Возможно, думал что-то другое. Только вид

у него был до того домашний, коровий, до того ручной, что я совершенно осмелел, а вернее сказать, обнаглел, — особенно с точки зрения лося.

— Тпруконь, тпруконь, тпруконь! — стал звать я его, как зовут в деревнях корову, и, протягивая вперед руку с густо посоленным хлебом, пошел к его влажной, к его мокрогубой коровьей морде. Иллюзия была слишком заманчивой.

Но когда я подошел к нему совсем близко, когда до него оставалось не больше десяти шагов и лось вдруг нервно переступил, я, должно быть, все-таки испугался его величественных размеров и особенно его огромной горбоносой чушки. А может быть, я побоялся, что лось, вдруг переступивший с ноги на ногу и на мгновение обернувшись назад, убежит от меня? Во всяком случае, я остановился, замер. Затем решил-ся и кинул хлеб ему под ноги.

Этого не надо было делать. Я забылся. Передо мной, конечно, был зверь, а не корова. Зверь, не уступающий в силе медведю.

Лось не побежал от меня, а бросился на меня. Он решил, что я на него нападаю, и сам пошел в атаку. Но бросился на меня он не быстро, без ярости, без воодушевления, лениво, только затем, должно быть, чтобы образумить наглеца и отвзяться от него.

Я закричал. Еще сильнее и, вероятно, еще менее красиво закричали мои дети, моя жена, моя семья. И лось не тронул нас. Он повернулся и, широко раскидывая в сторону огромные голенастые задние ноги, не спеша, скрылся в осиннике. «Ну вас к богу, лучше не связываться!» — казалось, сказал его белый короткохвостый зад.

— Какая же это корова, папочка! — испуганно упрекали меня дети.

— Да ведь очень уж похож на корову, совсем ручной!

СТАРЫЙ ВАЛЕНОК

— Ну как жизнь, старина? — ежевечерне спрашивал у своего приятеля седобородый нечесаный Лупп¹ Егорович.

Толстый ленивый кот, давно прозванный Старым Валенком, спросонья поворачивал голову, чуть приоткрывал глаза и нехотя мурлыкал что-то невнятное. Можно было подумать, что он говорил: «И как тебе не надоест из года в год спрашивать об одном и том же? Ну, живу по-прежнему! Вверх головой! Чего тебе еще? Человек!»

Лупп Егорович и Старый Валенок много лет жили вместе, и каждый думал, что он старше другого. По этой простой причине, по старости, они были одиноки, и обоим казалось, будто и дружат они лишь потому, что больше дружить не с кем и остается одно — терпеть друг друга.

Но в их отношениях, кроме семейной привязанности, было взаимное уважение, а временами даже любовь.

Когда кот был молод и прост, он повсюду следовал за своим хозяином. Приохотился Лупп Егорович ходить перед праздником на рыбалку — и кот за ним. Поймает стариk мелкую рыбешку: уклейку, пескарика или ершика, — выбросит на берег, а кот ее съест.

— Хоть бы посолил! — потешался над Старым Валенком Лупп Егорович.

Но коту нравилась рыба и несоленая, была бы она живая. Сидит стариk с удочкой, не шевелится, а рядом у края воды рыбачит кот, сторожит всякую мелочь, проплывающую возле бережка. Подплывает рыбка совсем рядышком, — в прозрачной воде она кажется крупной, — цапнет ее кот лапой и удивляется, что в лапе ничего нет. А Лупп Егорович хохочет:

¹ *Лупп* — имя, происходящее от латинского *lupus* (волк); герой рассказа получил его, вероятно, потому, что родился 23 августа (по старому стилю), когда церковью отмечается память святого мученика Луппа.

— Это тебе не мыши!

Приохотился хозяин в силки рябчиков ловить — и кот начал промышлять птичек в лесу и на огороде.

Со временем приятели даже внешне стали походить друг на друга: Лупп Егорович, обзаведясь большой бородой и пышными бровями вроде двух кошачьих хвостов, все больше смахивал на лохматого кота, а пушистый Старый Валенок — на Луппа Егоровича. Но сами они не замечали этого и любезничали друг с другом редко.

Старый Валенок с годами становился высокомерен, заносчив. Он презрительно смотрел со своей лежанки на возвращающегося поздней ночью волосатого Луппа и не трогался с места, даже когда тот начинал его гладить вдоль спины, только вытягивал хвост, чтобы рука старика прошлась и по хвосту. Мурлыкать от удовольствия, урчать, как положено всякому зверю кошачьей породы, Старый Валенок тоже не всегда находил нужным. А о том, чтобы сойти с лежанки, встретить приятеля у порога с задранным хвостом и потеряться о его подшитые и заштопанные во многих местах кatanки¹, они думать не хотел. Такого случая ни он сам, ни Лупп Егорович уже не помнили. И если кот все-таки мурлыкал, то Лупп Егорович говорил:

— Мурлычешь, сукин кот, значит, жрать хочешь. Так просто, по доброте душевной, ты не замурлычешь.

Если бы не Лупп Егорович, Старого Валенка вообще не было бы на свете. Но разве он это понимает? Покойная жена Луппа Егоровича, Настя, держала в доме кошку, не запрещала ей даже котиться, но всякий раз уничтожала весь приплод. Положила однажды она слепых котят в ямку, прикрыла их камнем, а камень лег неплотно, и котята начали пищать, кошка услышала, заметалась, сама подрыла землю под камнем и

¹ Кatanки — валенки.

вытащила одного котенка живым. Старуха хотела его сразу утопить, но Лупп Егорович воспротивился. «Судьба! – сказал он. – Пущай живет!»

И кот выжил. И стал Старым Валенком.

Лупп Егорович не работал в колхозе, года вышли, но характер по-прежнему имел беспокойный, во все вмешивался, все и всех судил. В поведении Старого Валенка больше всего старика возмущала его молчаливая сонливость. «Как же ты можешь на все закрывать глаза, если ты живое существо?» – часто с удивлением и гневом допрашивал он кота.

Сегодня Лупп Егорович пришел домой подвыпивший и был особенно словоохотлив. Он повесил на крюк рядом с рожковым умывальником¹ полуушубок, смахнул кое-какую мокреть с усов, затем пошел на кухню, повозился ухватом в пекарке, вытянул горшок с остатком щей, принес их на стол и крикнул:

– Иди, старина, покормлю!

Кот издал в ответ какие-то влажные булькающие звуки, посмотрел, что ему предлагают и стоит ли из-за этого покидать теплое место, и, осторожно приподнявшись и потянувшись, начал неторопливо спускаться с лежанки, с приступка на приступок. Движения его были замедленны, как и у Луппа Егоровича, должно быть, они все-таки подражали друг другу даже в этом.

– Не голоден, значит? – с обидой сказал Лупп Егорович, выжиная, когда Старый Валенок спустится с печурки и подплывет к столу. – Не голоден, старый черт, или пенсию уже успел получить? Лежебок несчастный! Ох и ленив же ты, братец, за что только хлебом тебя кормят! Имечко тоже тебе подходящее дадено, заслуженное имечко: Валенок ты – Валенок и есть!

¹ Рожковый умывальник – подвешенный над лоханью умывальник в форме сосуда с широкой горловиной и носиком.

Кот степенно подошел к столу, понюхал протянутую руку с куском хлеба, смоченным в жидких нежирных щах, — от руки пахнуло не щами, а табачищем, — и отказался есть. Он недовольно мяукнул. «Твое имя лучше, что ли?» — казалось, выговорил он.

— Мое имя, братец, тоже не ахти какое, так в этом не я виноват. Поп на моего отца сердит был за вольномыслие и досаждал ему, чем мог. Народился сын, он и сыну — мне, стало быть, — еще в купели жизнь испортил на веки вечные. В школе и в деревне раньше мне проходу не давали, каждый перекрецивал, как хотел: «Лупа да Лупа...» А разве я это заслужил? Ты вот заслужил. Твое имя к тебе пристало. Мурлычешь, гад? — ласково заключил свои высказывания Лупп Егорович.

«Мурлычу! — ответил Старый Валенок. — Чего тебе надо?..

А Луппу Егоровичу ничего не надо было, ему просто хотелось поговорить, ему было хорошо. «Неужто и с котом своим по душам поговорить нельзя?» Уже лет пять, как Настя, старуха, умерла. Дочь вышла замуж, работает вместе с мужем на маслозаводе. «Вот бы тебе, Старому Валенку, где пристроиться надо!» Два сына поучились и уехали из деревни, в начальники ладят выбиться. «Все нынче в начальники лезут!» Об этом бы и хотелось поговорить Луппу Егоровичу, но — кот, что он знает?..

— Есть ли у тебя душа? — спрашивает кота Лупп Егорович. — Думаешь ли ты о жизни и как ее, нынешнюю, понимаешь?

Старый Валенок молчит и, недовольный, возвращается на теплую лежанку, на свое обычное место. Там он поджимает мягкие лапы, укладывает вокруг себя пушистый хвост, словно обертывается широким шерстяным шарфом и, безучастный ко всему, закрывает зеленые усталые глаза.

— Вот твой главный недостаток: равнодушный ты! Жизнь идет, а ты спиши да спиши, — продолжает выговаривать ему Лупп Егорович. — Нет у тебя души, только шерсть одна. И мышь ты лопаешь с шерстью. Чего глаза закрываешь? Если бы у тебя была душа, ты глаза не закрывал бы, когда с тобой о деле говорят. Ну выпил я, ну и что? Дочка без внимания не оставляет, ей спасибо: в люди выбилась, не зря учил, человеком стала. От нее всегда поддержка — и маслом и деньгами... Дела, понимаешь, в общем-то, идут, и народ живет, приспособился, а все-таки не надо закрывать глаза, а то движения не будет. Вот говорю я председателю: поставь меня на пасеку, не губи ее, самое это старицкое дело — пасека, выгодно будет. А он что? Не лезь, говорит, не в свое дело, тебе скоро пенсию дадим. Он, стало быть, проявляет инициативу, а мою, эту самую инициативу, куда? Опять же о дочке. Была бы жива старуха, легче было бы, а то мест в яслях не хватает, в детский сад очереди. Вот говорим девкам: учитесь, раскрепощайтесь! А детей кто нянчить будет? Понимаешь, о чем я говорю, или тебе, лежебоку, ни до чего дела нет?

Кот лежал спокойно, ничего не требовал, ни о чем не спрашивал.

В избе наступали сумерки, очертания Старого Валенка начали расплыватьсь. Безразличие кота раздражало Луппа Егоровича, но он понимал, что обижаться на животину бесполезно. Опершись руками о лавку, он тяжело поднялся, прошел к судёнке¹ возле печи, ощупью отыскал ложку, кусок хлеба и, вернувшись к столу, похлебал щей. Свет бы зажечь, но к чему? Скоро спать, а пока даже не дремалось. Ночи теперь долгие, спать приходится много, зачем спешить? Охота разговаривать еще не оставила Луппа Егоровича. Он снова повернулся к коту и неожиданно рыкнул:

¹ Судёнка — полка для посуды.

– Дай закурить!

Старый Валенок промолчал.

– Вот видишь, какой ты: с тобой как с человеком, а ты что? Ну выпили мы с Прокопом маленько, посидели, посовещались, души свои разбередили. Поди, и поворчать старикам нельзя? Сколько уже раз колхоз наш то укрупняли, то разукрупняли – как душе не болеть? Пасеку похерили – пчелы, видишь ли, невыгодны, кур похерили – куры невыгодны, лошадей на колбасу – лошади невыгодны. Земля стала невыгодной, лес наступает на сенокосы, на пашни. Того гляди, и старики станут невыгодны. Что же это такое происходит? Опять же говорю председателю: все берега по реке ивняком затянуло, отдав их мужикам исполу¹, расчистят, пущай два года косят для своих коров, потом колхозу перейдет, выгодно. А он что? На мелкобуржуазию, говорит, воду льешь... Чего молчишь? – кричит на кота Лупп Егорович. – Ну я выпил маленько, так я дело свое знаю, у меня душа болит. А ты ради чего живешь на земле, за что ты отвечаешь? Где твоя норма? Выполняешь ты свою норму или нет?

Лупп Егорович, у которого язык начинал все больше заплетаться, пришел вдруг в такое возбуждение, что сорвал катафок с ноги и бросил им в кота. Кот встрепенулся, но с лежанки не соскочил, только перешел на другое место. Он, должно быть, привык к подобным выходкам старика, спокойствие не изменило ему. Чуть приоткрылись круглые глаза, блеснул в сумерках зеленый огонек – и мирное течение жизни в доме восстановилось.

– Ну что, братец, поразговаривали мы с тобой? – стал успокаиваться и старики. – Это хорошо, что ты молчать умеешь, а то нарубили бы мы дров сообща. Пожалуй, этак и пенсию не получим. Не могу проходить мимо, братец ты мой, совесть

¹ Исполу – наполовину.

моя не позволяет. Иные под старость либо косеют, либо слепнут, а я под старость только больше видеть стал. Вот, скажем, обратно плата за труд. Добавочная оплата есть – по животноводству, по льну, по сену, – это все соблюдается. А сам трудодень¹ опять ничего не стоит. Выгодно это людям или невыгодно? А деньги какие хитрые стали!..

Лупп Егорович зевнул. Бесполезность разговора с котом стала для него вдруг настолько очевидной, что он сразу устал и захотел спать. Но заключить разговор надо было так, чтобы на его стороне осталась победа. Он так и сделал:

– Я же не о себе пекусь, понял? Вот сидишь и носом не ведешь. Старый ты Валенок! Брюхач!

Спал Лупп Егорович нераздетым, только кatanки снимал и ставил на печку. Один катанок он поставил рядом с котом, другого искать не стал: показалось, кот приоткрыл мудрые глаза и поглядел на него насмешливо, – дескать, сам разбрасываешь, сам и собирай.

– Ну, ладно уж, ладно, поговорили! – сказал Лупп Егорович и погладил кота по голове. Тот не пошевелился.

Обычно Лупп Егорович спал на печи, подостлав под бока ватник. Но на печь лезть трудно, сейчас для этого не было ни сил, ни охоты. Поэтому он взял от стола скамью, придинул ее к другой скамье у стены, положил в изголовье тот же ватник с печки и лег на спину, закинув руки назад, кулаки под голову. Лохматые брови его сомкнулись у переноса, широкая борода закрыла всю грудь, вытянулась до кушака. Засыпая, Лупп Егорович бормотал про себя:

– Как в людях ни хорошо, а дома лучше. Сколь подушка ни мягка, а свой кулак мягче...

Старый Валенок беззлобно, даже доброжелательно поглядывал сверху, как укладывался его хозяин, а когда в избе раз-

¹ Трудодень – учетное время труда колхозника, за которое начисляется оплата продуктами или деньгами.

дался первый легкий храп, он словно преобразился: выгнул спину, легко и мягко соскочил с лежанки и юркнул в подполье на очередную охоту за мышами. Равнодушия его как не бывало: он пошел выполнять свою жизненную норму...

Ночью луна осветила бревенчатые стены избы, разверстую русскую печь, пустую лежанку-подтопок¹, темный, давно не скобленный стол, на нем горшок с остатком щей, скамьи, сдвинутые вместе, и спящего старика с широкой бородой на груди.

При свете луны из подполья, как привидение, вышел пушистый сибирский кот, крадучись приблизился к своему старому ворчливому другу, положил ему под бок драгоценный дар – полузадушеннную мышь, самую крупную, самую жирную из всех, какие удалось ему промыслить за эту ночь. Затем легко и осторожно, чтобы не разбудить старика, поднялся ему на грудь и, уткнувшись в широкую нечесаную бороду, удовлетворенно замурлыкал.

1962

¹ Подтопок – небольшая печка, пристроенная к русской печи.

ЖИВОДЕР

Мы нередко говорим: играет, как кошка с мышью. Сегодня ночью я видел, что это такое.

Я живу в деревне у одинокой женщины, моей родственницы, в большой чистой избе, устланной домоткаными половиками, увешанной рукотерниками¹ и плакатами. Воздух в избе чистый, клопов сравнительно немного, питание здоровое: ягоды, грибы, капуста...

Но больше всего меня устраивает, что старушка моя рано ложится спать и, перед тем как лечь, наливает для меня полную лампу керосину и старательно чистит стекло скомканной газетой.

Ночью я люблю сидеть один — читать, думать, писать — в совершеннейшей тишине. Гудит в трубе тепло, суматохится метель под окном, и серая молодая кошка мурлычет рядом. Я не терплю кошек за их высокомерие и эгоизм. Говорят, собака привыкает к хозяину, а кошка к дому. По-моему, ни к чему она по-настоящему не привыкает и ни на одну кошку никогда нельзя положиться. Но эту, молодую, серую, я почему-то полюбил.

Сегодня в полночь кошка неожиданно подняла возню, начала мяукать, и я увидел, что она вынесла на середину избы живую мышь. Мышка была еще не измятая, совсем свеженькая, пухистая и маленькая, тоньше кошкой лапы. Поначалу я не почувствовал к ней никакой жалости, а кошку, наоборот, похвалил про себя: дескать, не дармоедка, знает свое дело!

Кошка положила мышь на половик посреди избы и легла рядом с ней. Мышка припала к полу, вытянув хвостик, и удивленно замерла: ей, наверно, показалось, что она свободна и может убежать, куда хочет. Так и есть: мгновение — и ее не стало.

¹ Рукотерник — полотенце.

— Ах, черт! — воскликнул я от огорчения. — Ушла!

Но кошка спружинила, метнулась в задний угол избы, в темноту, успела за мгновение обшарить там своими толстыми лапами весь пол, нашла мышь, — как мне представилось, ощупью, — и уже спокойно, держа ее в зубах, вернулась на середину избы.

— Упустишь, дура! — сказал я.

Кошка положила мышь на прежнее место и снова легла рядом с нею, щурясь и беспрестанно мурлыча. И мышке опять поверилось, что она вольная птица. На этот раз кошка поймала ее у меня в ногах, под столом. В следующий раз — под печкой-лежанкой, затем на кухне. И все это в полумраке, потому что моя керосиновая лампа не освещала всей избы. Половики на полу были смяты, жесткий кошачий хвост, как лисья труба, мелькал то в одном месте, то в другом. Сколько раз я считал, что все кончено, мышь сбежала! «Прозевала-таки, полоротая!» — ворчал я. Но кошка не зевала. И я убедился, что этот зверь знает свое дело.

— Что вы там возитесь? — спросонья спросила хозяйка с печи и, не дождавшись ответа, снова захрапела.

Мышь устала, начала хитрить. Она подолгу не двигалась, вероятно, прикидываясь мертвой. Кошка ложилась на бок, кувыркалась, поднималась на ноги, дугой изгибалась спину и легонько, издалека трогала мышь своей страшной лапой, и мурлыкала, и мяукала. Ей хотелось играть. Она требовала, чтобы и мышь играла с нею, не умирала бы раньше времени. Я осветил их лучиком китайского фонарика и увидел: мышка еще жива, черные глазки ее поблескивают, только она выжидает, ей хочется перехитрить свою смерть. Но, господи, до чего же она была мала рядом с этим страшилищем! И я вдруг, впервые в своей жизни, пожалел мышь, мне даже захотелось, чтобы она сбежала. И, словно почувствовав, что я на ее стороне, мышка кинулась под печку, но кошка, даже не вскочив,

накрыла ее своей лапой и вместе с ней игриво перевернулась через спину.

Это продолжалось долго. Долго мышку не оставляла призрачная надежда на свободу. Только покажется ей, что наконец-то она перехитрила своего врага, может вздохнуть, скрыться и располагать собою по своему усмотрению, а кошка опять прижмет ее к полу, к земле. Прижмет и отпустит. Отпустит и отвернется, делая вид, что ей все безразлично. И мяучит требовательно, недовольно: «Да беги же снова, играй со мной!» Не мурлычет, а мяучит.

Хозяйка с печи опять подала голос:

- Кошка-то, видно, на улицу просится, выпусти!
- Нет, она мышь поймала, играет! – ответил я.
- У, тигра окаянная! Живодер! – с ненавистью сказала хозяйка.

Наконец и я ощутил ненависть к кошке.

Я направил узкий электрический луч прямо в ее бледно-зеленые с серым дымком глаза, когда она, валяясь на спине, жонглировала мышью, как фокусник мячиком, и ослепил ее.

Воспользовавшись этим, мышь сделала последнюю попытку уйти в свое подполье. Но у «тигры» кроме зрения был еще звериный слух.

– У, подлая! – с откровенной ненавистью зашипел я. – Поймала-таки опять! Кровопийца! – И я готов был пнуть ее, потому что вся моя застарелая неприязнь к кошачьей породе поднялась во мне.

Мышь больше не подавала признаков жизни. Кошка мяукала с недоумением, обиженно и гневно толкала ее то левой, то правой лапой, словно бы отступалась от нее, отходила в сторону – мышь не двигалась и лежала либо на боку, либо на спине, задрав кверху голенькие, тонкие, как спички, ножки.

Тогда кошка съела ее. Ела она неторопливо, лениво, щуря глаза и чавкая. Похоже было, что ест без удовольствия, ест

и брезгует. Мышиный хвостик долго торчал из ее рта, словно кошка раздумывала: глотать ей эту бечевку или выплюнуть ее. Под конец она проглотила и хвостик.

Хозяйка моя свесила ноги с печи.

– Ты что, полуношник, сегодня долго не спишь?
– Смотрел, как кошка с мышью играла, – ответил я.
– Ой, паре! – охает хозяйка, должно быть, удивляясь моей несерьезности.

– Что – «ой, паре»?
– Ну-ко, надо!
– Что – «ну-ко, надо»?

Хозяйка задумывается и наконец, что-то обмозговав, произносит:

– Тигра – она тигра и есть! У нее свое дело, а у тебя свое.
Спи давай!

– Ладно! Давай буду спать.

Я ложусь и засыпаю тревожным тоскливым сном.

1962

СВОБОДА

Миша очень скоро понял, что означает: «Свобода – есть осознанная необходимость».

- Значит, понял? – переспрашивает его мать.
- Понял.
- Делать зарядку по утрам для тебя так же необходимо, как посещать школу, учить уроки. Понимаешь?
- Конечно, понимаю! – соглашается Миша. И упрямо твердит свое: – А если неинтересно?
- Родной мой! – теряет терпение мать. – Но это же необходимость. И ты ее осознал. Ну, давай начнем!
- Необходимость есть, а свободы нет, – отвечает Миша. – Свобода – это когда интересно.

Мать чуть не плачет от досады:

- Голубчик мой!..

Но Миша не собирается уступать. Он повторяет:

- Свобода – это когда интересно!

Мать задумывается и с любопытством смотрит на сына, словно впервые видит в нем живого человека.

– Если так, давай придумаем что-нибудь, чтобы тебе интересно было, – предлагает она.

- Давай!

- Дома будем делать зарядку или пойдем в сад?

- В сад, в сад.

Маме лет сорок, она стройна, крепка, в сад вышла в легком пижамном костюме и в тапочках. Миша – в трусиках, без майки, босиком.

В саду прохладно от росы. Птицы в кустах и на деревьях поют усердно, будто делают зарядку.

Солнце едва-едва отделилось от горизонта и продирается сквозь лес – в небо, к простору.

– Становись! – командует мать, утверждаясь ногами на песчаной тропинке.

Миша становится рядом с нею.

- Будем делать то же, что мы делали раньше, – говорит она. – Руки вверх!
- Ну, вверх, – вяло поднимает руки Миша.
- Говори: «Небо!»
- Небо! – с удивлением повторяет Миша. – Вижу небо!
- Руки вниз. Говори: «Земля!»
- Земля! Земля! Земля!
- Руки в стороны. Говори: «Море»!
- Море! – не возражает Миша.
- Поворот вправо – горы!
- Горы! – уже кричит Миша и добавляет: – Ого! А что влево?
- Поворот влево! – командует мать. – Поля!
- Поля! – восхищается Миша. – Вот здорово!
- А теперь давай снова.

Все упражнения проделали во второй и в третий раз.
На четвертый раз Миша разочарованно:

- Опять то же?

Мать растерялась:

- Тогда придумывай сам.

И Миша стал придумывать сам:

- Птицы в небе! Самолеты! Опять птицы!
- Трава зеленая! Цветы!
- Лес вокруг! – кричал он.
- Олени в горах!
- Хлеб растет!..

На следующее утро Миша сам потянул маму в сад на зарядку. Он приволок с собой прыгалки, мяч и разные палки.

- Хочешь, – предложил он, – мы сегодня поиграем в чехарду?

Должно быть, Миша не ожидал, что мама согласится.

А мама согласилась:

- Чехарда так чехарда. Та же зарядка!

Миша искренне удивился и обрадовался этому.

- Ну вот видишь, – сказал он маме, – теперь и ты понимаешь, как хорошо, когда свобода. Теперь и тебе интересно.

УГОЩАЮ РЯБИНОЙ

Рассказ

Мне и доныне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

Марина Цветаева¹

Весной в Подмосковье, пряча лыжи на чердак, я заметил развешенные по стропилам кисти рябины, которую осенью сам собирал, сам нанизывал на веревки, а вот забыл о ней и, если бы не лыжи, не вспомнил бы.

В давнее время на моей родине рябину заготовляли к зиме как еду, наравне с брусникой, и клюквой, и грибами. Пользовались ею и как средством от угаря, от головной боли.

Помню, вымораживали мы тараканов в избе, открыли дверь и все окна, расперев их створки лучиной, а сами переселились к соседям. За зиму таким способом избавлялись от тараканов почти в каждом доме. В лютый мороз пройдет несколько дней – и ни одного прусака в щелях не остается. Вернулись мы в свою избу через неделю, мать принялась калить печь, да закрыла трубу слишком рано, не рассчитала, и к вечеру мы все валялись на сыром полу, как тараканы. Не знаю, что с нами было бы, если бы не мороженая рябина. Странно, может быть, но сейчас вспоминать об этом мне только приятно.

В Подмосковье я собирал рябину больше из любви к этим своим воспоминаниям о детстве, да еще потому, что в прошедшем году уродилось ее на редкость много, и жалко было смотреть, как сочные, красные ягоды расклевывают дрозды.

Мне и доныне... и т. д. – в качестве эпиграфа взяты строки из стихотворения М. И. Цветаевой (1892–1941) «Красною кистью рябина зажглась» (1916).

На темном чердаке под самой крышей связки рябины висели, словно березовые веники. Листья на гроздьях посохли, пожухли и свернулись, и сами ягоды, перемерзшие за зиму, тоже чуть сморщились, вроде изюма, зато были вкусны. Свежая рябина — та и горьковата, и чересчур кисла, есть ее трудно, так же как раннюю клюкву. Но и клюква и рябина, прихваченные морозом, приобретают ни с чем не сравнимые качества: и от горечи что-то осталось, а все-таки сладко и, главное, никакой оскомины во рту.

Цвет рябиновых ягод тоже за зиму изменился, он стал мягче и богаче по тонам: от коричневого, почти орехового, до янтарного и ярко-желтого, как цвет лимона. Впрочем, почему это нужно сравнивать рябину с лимоном, а лимон с рябиной?

Попробовав ягоды тут же на чердаке, я первым делом обрадовался, что опять смогу как-то побаловать своих детей и лишний раз доказать им, что деревенское детство не только не хуже, а во многих отношениях даже лучше детства городского.

Не знаю, как это передать, объяснить, но всю жизнь я испытываю горечь оттого, что между мною и моими детьми существует пропасть.

Нет, дело не в возрасте. Дело в том, что я был и остаюсь деревенским, а дети мои городские и что тот огромный город, к жизни в котором я так и не привык, для них — любимая родина. И еще дело в том, что я не просто выходец из деревни, из хвойной глухомани, — а я есть сын крестьянина, они же понятия не имеют, что значит быть сыном крестьянина. Поди втолкуй им, что жизнь моя и поныне целиком зависит от того, как складывается жизнь моей родной деревни. Трудно моим землякам — и мне трудно. Хорошо у них идут дела — и мне легко живется и пишется. Меня касается все, что делается на той земле, на которой я не одну тропку босыми пятками выбил; на полях, которые еще плугом пахал; на пожнях, которые исходил с косой и где метал сено в стога.

Всей кожей своей я чувствую и жду, когда освободится эта земля из-под снега, и мне не все равно, чем засеют ее в нынешнем году, и какой она даст урожай, и будут ли обеспечены на зиму коровы кормами, а люди хлебом. Не могу я не думать изо дня в день и о том, построен ли уже в моей деревне навес для машин или все еще они гниют и ржавеют под открытым небом, и когда же наконец будет поступать запчастей для них столько, сколько нужно, чтобы работа шла без перебоев, и о том, когда появятся первые проезжие дороги в моих родных местах, и когда сосновый сруб станет клубом, и о том, когда мои односельчане перестанут наконец глушить водку, а женщины горевать из-за этого.

А еще: сколько талантливых ребятишек растет сейчас в моей деревне, и все ли они выбыются в люди, заметит ли их вовремя кто-нибудь, и кем они станут?..

По утрам я будто слышу, как скрипят колодезные журавли на моей неширокой улице и холодная прозрачная вода из деревянной бадьи со звоном льется в оцинкованные ведра. Скрипят ли журавли теперь? Уцелел ли тот колодец вблизи нашей избы, из которого я сам много лет носил воду на коромысле?

Что до всего этого моим сыновьям и дочерям? Во всяком случае, они не крестьянские дети и потому не чувствуют, как мне кажется, и не понимают моего детства. Разные мы люди, из разного теста сделаны и, должно быть, по-разному смотрим на мир, на землю, на небо.

Но, может быть, я не прав, попробуй разберись в этом.

Ревность и обида мучают меня, когда между нами опускается вдруг некий занавес и мои многознающие отпрыски вдруг начинают даже бунтовать, подтрунивать надо мною из-за того, что меня каждое лето тянет не в теплые края, не к синему морю, а все в мои северные дебри, к комарам да мошкам. Они же комаров и мошек терпеть не могут. Да и то

сказать, не каждый человек способен свыкнуться с этой нечистью на земле.

Запах скотного двора, унавоженных полей и соломы меня бодрит, я вспоминаю о свежеиспеченном хлебе, а для моих детей запах навоза только вонь, и ничего больше.

У художника Серова есть замечательная картина «Волы» – у старого Серова, не у нынешнего¹. Вряд ли мои дети чувствуют всю прелесть этого серовского шедевра. Даже когда сыновья мои попадают в деревню, их привлекает больше трактор, а не живая лошадь, совершеннейшее из созданий природы. С машиной управляться легче, чем с живым существом...

Правда, и деревенские ребята теперь охотнее играют не в лошадки, а в трактор, в автомобиль, как во время войны играли в войну. И может быть, мои страхи преувеличены. Но все-таки мне почему-то жаль иногда своих детей. Жаль, что они, городские, меньше общаются с природой, с деревней, чем мне хотелось бы. Они, вероятно, что-то теряют из-за этого, что-то неуловимое, хорошее проходит мимо их души.

Мне думается, что жизнь заодно с природой, любовное участие в ее трудах и преображениях делают человека проще, мягче и добре. Я не знаю другого рабочего места, кроме земли, которое бы так облагораживало и умиротворяло человека.

В общем, жаль мне своих детей, но я люблю их и потому не упускаю случая постоять перед ними за свою сельскую родословную, за своих отчичей и дедичей.

И сейчас, обнаружив забытую на чердаке рябину и вспомнив, с каким наслаждением мы в детстве ели ее, мороженую, я опять решил про себя: вот угощу – и почувствуют мои птенцы, что значит настоящая природа, настоящая Россия, и мы больше будем понимать друг друга.

¹ ...у старого Серова, не у нынешнего – у Валентина Александровича Серова (1865–1911); «нынешний» – Владимир Александрович (1910–1968).

Кстати, и цветет-то рябина удивительно красиво, пышно и тоже гроздьями. Каждое соцветие – целый букет. Но весной разных цветов так много, что эти белые кремовые гроздья на деревьях как-то не бросаются в глаза. К тому же весной детям моим не до цветов, не до красот природы, не до поездки в деревню. Школьные перегрузки, часто нелепые, не оставляют времени у них и у преподавателей, чтобы интересоваться живой землей. Да и осенью, когда на полосах поспевает горох, на грядках овощи, а в лесах грибы, брусника, княжая ягода¹, они, дети, должны быть в городе, за партами, и если что видят, то лишь на торговых лотках.

А все-таки...

Но прежде чем встретиться со своей семьей, я со связкой рябины на веревке появился в кругу товарищей по работе. Всегда приятно чем-нибудь одаривать людей, и потому я особенно обрадовался, когда рябина моя взволновала моих знакомых.

Один из них, ширококостный, шумный, автор колхозных романов, первый шагнул мне навстречу, сказал «ого!», взял связку из моих рук, чтобы сначала ощутить ее тяжесть, покачал вверх-вниз и, как знаток, понюхал.

– Ого! – повторил он. – Вот это да! Рябина! Можно?

Он отщипнул одну ягодку, затем другую, взял на язык, почмокал, разжевал.

– Неужель с родины?

– Нет, здешняя, подмосковная.

– Ты смотри! Сколько ни обламывают, а все жива... Вот что значит русская рябина!

И он стал осторожно перебирать сухие, плотно слежавшиеся бурые и серые листья и открывать, как бы развертывать гроздья янтарных и красных ягод.

¹ Княжая ягода – княженика (поляника); ягода, похожая на малину.

— Да, северный виноград! Витамины! — причмокивал он. — У нас раньше под каждым окном в деревне два или три дерева обязательно росли. Были односольные, а то — кустом, от корня в четыре-пять стволов. Весной аромат по всей избе. Что за дом без своего садика под окнами! Мало под окнами, у нас даже за двором, на участке, где-нибудь около гумна отводили уголок для деревьев. Черемуху на участке обычно не сажали, от нее заразы много, на сладкое, как известно, всякая пакость лезет. А рябину сажали частенько. Наверно, ведь и в ваших местах палисаднички были? Все помнишь?

— Как не помнить! Любили и мы по черемухам да по рябинам лазить, хлебом не корми.

— Вот, вот, — обрадовался он, — хлебом не корми! А наши дети растут! Даже по крышам не лазят. Что за детство! Лошадей да коров только на картинках видят. Один рвется к бильярду, хлебом не корми, другой мечтает за руль сесть. И развязные какие-то... Мой младший на днях встретил старика Чуковского, Корнея Ивановича, — живого Чуковского! — и спрашивает: «Как жизнь?» Вроде по плечу похлопал. А потом заглянул к нему в открытый гараж и говорит: «Я не знал, что у вас “ЗИМ”!» Корней Иванович, конечно, расхохотался. Расхохочешься!

«Ну, к моим детям это не относится, — с удовлетворением подумал я. — Мои не такие, и, может, потому, что у меня их много и не так им просто и легко живется».

А он продолжал:

— Между прочим, у нас раньше пироги пекли с черемуховыми ягодами. Зубы у всех были крепкие, ешь — хруст стоит. А из рябины не помню, что делали... Спелые кисти ее раскладывали на зиму промеж оконных рам, это уже для красоты. На белых листочках из школьных тетрадей — красные крапинки... И на рушниках вышивали рябину — хорошо!..

Воспоминаний сельского романиста, его красноречия уже невозможно было остановить. Я слушал и ждал: вспомнит ли об угаре?.. Вспомнил!

— Знаешь ли, что в деревнях рябина спасает людей от угаря? Зимой печи топят жарко, поторопится баба закрыть трубу, чтобы тепло сберечь, — и все в лежку лежат. Ну, принесут этакую вот связку с потолка и жрут. От наших морозов тараканы валятся, а рябина становится только сладкое. Как говорится, что русскому здорово — то... и так далее. Что ты скажешь, проходит угар, голова не трещит. К чему все эти пирамидоны, анальгины, тройчатки? То ли дело натуральная целебная сила! — И он, шумный, так захотел, что можно было подумать, не смеется, а кричит на кого-то. — Твоя ягодка уже отаяла, а все еще вкусна. Я возьму веточку с собой?

— Бери, пожалуйста, не одну.

Он взял и снова начал настраиваться на воспоминания:

— Да, вот ведь как, рябина... А все-таки, что мы такое из рябины делали?..

— Настоечку, настоечку из рябины делали, вот что! Как же забыть такое? — заинтересованно вклинился в разговор другой мой знакомый и тоже с удовольствием стал сощипывать ягоду за ягодой.

А третий неожиданно спросил:

— Что это?

— Рябина, конечно.

— Да? Рябина? — удивился он. — «Что стоишь, качаясь»¹? Откуда она у вас?

— Осеню красовалась под окном, а зимой висела на чердаке.

— Это интересно, расскажите, расскажите!

¹ «Что стоишь, качаясь» — популярная народная песня на стихи И. З. Сурикова («Что шумишь, качаясь, тонкая рябина...» — 1864).

Еще не разобравшись толком, действительно ли ему это интересно, я стал рассказывать. Но что, собственно, было рассказывать? Чего такого он мог не знать про рябину?

- Пожалуйста, спрашивайте, что вас интересует?
- Как что интересует? Прежде всего – дикая рябина или садовая?

– Была дикая, сейчас растет на участке. Принес из лесу несколько тоненьких, задавленных кустиков, пересадил под окна, на свободе они принялись, похорошли. Пока за рябиной ухаживаешь, заботишься о ней – она не дикая, и ягода крупнеет, добрает, а перестань заботиться – одичает рябина, запаршивеет, и ягода станет мелкой, горькой, чуть ли не ядовитой.

Любознательный друг мой засиял от догадки:

- Происходит, собственно, то же, что и с людьми?
- Собственно, то же, – подтвердил я. – Вот уже вторую осень от дроздов на моей рябине отбою не было.
- Очень интересно! И дрозды, значит, рябину любят?
- Как же, любят! Есть дрозд, которого так и зовут: рябинник.

Тут первый знакомый снова включился в разговор.

– А ты не замечал, – обратился он ко мне, – когда на рябину урожайный год, дрозды, что ты скажешь, зимовать остаются? Не замечал?

- Замечал, – ответил я.
- Конечно, не все, а которые посмелее, самые отчаянные, так сказать.
- И не одни дрозды, наверно. Кстати, в этом году так и случилось: большие стаи птиц в наших перелесках остались на зимовку, уразумели, что от добра добра не ищут.
- Очень интересно, – заговорил опять городской книгочей.
- Вот ведь какое дело! И как же вы ее приготовили, рябину?

— Что ее приготавлять? Обломал гроздья с дерева, прямо с листьями, как видите, взял веревку, привязал к ее концу палочку-выручалочку и нанизал гроздья на веревку. Вот и вся работа.

— Удивительно интересно! А что потом?

Я начал улыбаться забавной обстоятельности его вопросов. Но вправе ли я был ожидать и тем более требовать, чтобы и этот мой товарищ, у которого круг жизненных интересов, отличный от моего, но одинаково важный и нужный, чтобы и он смотрел на мою рябину так же, как я на нее смотрю? Не было у меня такого права. Значит, неуместна была и моя ирония. Другое дело — если бы дети мои так же интересовались всем, что касается моего детства!

— Что потом, говорите? А попробуйте! — И я с готовностью протянул ему раскачивающуюся цветастую гирлянду.

— И что же, ягоды замерзли зимой? — продолжал допрашивать меня горожанин.

— Ледышками стали. Да вы отведайте, не бойтесь!

— А вкус их изменился от этого? Кислые они или какие?..

Один раз он даже тронул листья, пошуршал ими, но так и не решился взять в рот ни единой рябиновой ягодки. Что же, выходит, я должен жалеть и его? Хватит ли у меня жалости на всех?

— Ах, что за прелесть, что за прелесть! — восторженно заахала вдруг накрашенная немолодая дама, печатавшая в газетах очерки на морально-бытовые темы. — Это же диво дивное, чудо чудное! И как па-ахнет! Можно я понюхаю?

— Может быть, хотите и попробовать?

— С удовольствием! И вы не пожалеете?

Она быстро клюнула ягодку, съела ее, сморщилась и заахала еще энергичней.

Я снял сверху несколько кистей, протянул ей.

— Ах, что вы, ах, зачем вы! — обрадовалась она. — Разъединять такую прелесть, такое творение природы! Как можно! — Но гроздья рябины приняла. Приняла бережно, из рук в руки, как если бы это был сигнальный экземпляр¹ ее новой книжки. Затем вынесла из своей комнаты огромный оранжевый апельсин и не отступилась, пока я не согласился взять его взамен рябины.

— За добро надо платить добром! — многозначительно сказала она.

А рябиновые кисти тут же опустила в стакан с водой — «Вот так!» — и не переставала ахать от восторга и удовлетворения:

— Какой букет, ах! Он у меня будет стоять на письменном столе. Это же сама Россия!

Сама Россия!.. Я вспомнил о Бобришном Угоре на моей родине. Осенью, когда похолодает, и по утрам река светла до дна, и лесные опушки просвечивают насквозь, когда на мокрой от росы траве посверкивает паутина, а в ясном, прозрачном воздухе носятся стаи молодых уток, — вдруг из всех перелесков выдвигаются на передний план нарядные, увешанные гроздьями рябины: вот они мы, не проглядите, дескать, не пренебрегайте нашей ягодой, мы щедрые! Ветерок их оглаживает, ерошит сверху донизу, и птицы на каждой ветке жириют, перелетая, как из гостей в гости, с одной золотой вершиной на другую, а они стоят себе, чуть покачиваясь, и любуются сами собой...

Хлынет дождь — и засверкает весь речной берег. Стекает вода с рябиновых кистей, капелька за капелькой, ягоды красные и капли красные; где висела одна ягода — сейчас их две, и обе живые. Чем больше дождя, тем больше ягод в лесу...

Все, конечно, может примелькаться, ко всему со временем привыкаешь, но такое не заметить трудно. Вскинешь голову и

¹ Сигнальный экземпляр — первый готовый экземпляр печатного издания, предназначенный для утверждения тиража к выпуску.

неожиданно для себя, как после долгой отлучки и словно бы уже не глазами, а каким-то внутренним, духовным зрением увидишь всю эту красоту в удивительно чистом завораживающем сиянии. Увидишь, как в первый раз, все заново, и радуешься за себя, что увидел. Ни наяву, ни во сне этого забыть никогда нельзя. Вот она какая, наша рябина!

Недаром же, истосковавшись по родине, русская поэтесса, сколь ни уверяла себя и других, будто ее уже ничто не может обольстить, что ей «все – равно и все – едино», все безразлично, под конец стихотворения признавалась:

Но если по дороге куст
Встает, особенно – рябина...

Дальний мой родственник, химик Аркадий Павлович Ростковский, которого судьба забросила на всю жизнь в знойный, раньше далекий от России Ташкент, влюблен был в экзотику Востока, во все эти древние мозаичные медресе¹, и лепные мечети, и караван-сараи², даже чай пил только из пиалы, а все-таки настойчиво, до конца дней своих пытался заставить расти у себя под окном простую русскую рябину. Правда, не удалось это ему...

Конечно, и рябина может примелькаться. Однажды ко мне на Бобришный Угор, в мою охотничью избу, приехал осенью друг из Ленинграда. Я не знал, чем порадовать его, а онглянулся поутру из окна и, как заговорщик, шепнул мне:

– Под окном-то у вас красавица стоит, не видите?

Я с перепугу принял его слова всерьез, бросился к окну и ахнул: под окном действительно стояла настоящая красавица. Рябина! Как же я раньше ее не заметил?

¹ Медресе – мусульманское учебное заведение.

² Караван-сарай – постоянный и торговый двор.

Сама Россия!.. Вспомнил я и о цветочных горшках на окнах городских квартир, о маленьких жалких клумбочках во дворах многоэтажных зданий, а то прямо у лестниц, справа и слева от входных дверей, о клумбочках, выхаживаемых кропотливо и бережно горожанами. Все они, сознавая или не сознавая, тоскуют по настоящей природе. Горшки и клумбы – разве это природа?

– Позвольте-ка причаститься и мне! – протиснулся к рябине сквозь толпу пожилой грузный литератор с седыми усами, в коричневом шерстяном свитере, в черной академической шапочке на голом черепе. – Редко я сейчас ее вижу, а в юности, бывало, мы носили ее с реки целыми корзинами, пестерями. А то затянем пояса потуже и набьем под рубахи вокруг себя, прямо к голому телу, сколько могло уместиться. С реки отправляемся толстые, как бочки, а по дороге едим да в дудочки постреливаем, и чем ближе к дому, тем тоньше становимся. Как это точно сказать: *тончаем, тонеем, утончаемся?* (Начались муки слова!) Нет! *Утончаемся* сказать нельзя, смысл другой... Самая бесподобная рябина, конечно, мороженая. Кстати, от угары хорошо помогает...

И он стал вспоминать о том самом, о чем мы уже переговорили. Мы не перебивали его.

– Человек не может не тянуться к природе, он сам ее творение, – сказал он наконец.

– За чем же дело стало? – спросили его не без упрека сразу в несколько голосов. – Ехали бы в деревню, жили бы на подножном корму, примеров немало.

– Э, молодые люди! Вы, кажется, злитесь? А рассуждали, наверное, о союзе с природой, о том, что она смягчает нравы? Дело простое: сначала нужен был институт, затем потребовались издательства, журналы... Затем городская жена появилась... Сейчас, к сожалению, я уже не могу спать на сеновале и носить воду с колодца. Вот в будущем, на которое мы сейчас

работаем, должна наступить гармония между городом и лесом. Зеленоград! Для меня это звучит, как, наверное, для первых русских революционеров звучало слово «социализм»...

По-разному относились знакомые к моему угощению и разными глазами на него смотрели.

Какая-то девушка воткнула рябиновую кисть себе в прическу и тотчас побежала к зеркалу: в черных волосах ее засияли почти настоящие рубины. Потом она попросила еще две-три кисти ягод, чтобы сделать из них бусы.

— Я каждую ягодку лаком покрою, — объяснила она.

Молодой поэт сказал:

— Сколько песен сложено о рябине, а еще хочется. Ветку рябины надо бы вписать в наш герб...

Случись художник, и он, вероятно, сказал бы нечто подобное:

— Сколько картин написано, а еще одной не хватает. Моей! Странно, что в лепных орнаментах у наших архитекторов много винограда и нет рябины...

А гардеробщица Поля подошла к делу чисто практически:

— Я вот заморю эту веточку по-нашему, по-рязанскому, да чаек заварю, побалуюсь, молодое житье вспомню. Раньше у нас девки рябиной милых привораживали. Помогало. Я уж отворожила...

Ягод у меня было много, я не боялся, что их не хватит для моих детей, только неотступно думал о том, как они примут их, понравится ли им моя северная, моя деревенская снедь.

Но больше всех поразил меня последний из подошедших. Он просто по-дружески сказал мне:

— Слушай, Сашка, продай мне все это!

— Как это продай? — растерялся я.

— Ну так, все эти «витамины». А не хочешь продать — отдай так, я тебе тоже подкину какой-нибудь сувенирчик. — И он

стал рыться в своих многочисленных широких карманах, небрежно раздергивая серебристые змейки-«молнии».

Нужна ему моя рябина! Но я все-таки дал веточку и ему. При этом мне очень хотелось сказать: «Поешь, может, на пользу пойдет!»

Но я ничего не сказал.

После разговора с ним я быстро покинул дом, где жили и творили мои товарищи.

А дети мои взялись за рябину сначала недоверчиво, морщась и вздрагивая так же, как осенью, когда ели упругие и сочные ягоды прямо с дерева. Но скоро они набросились на рябину азартно, съели ее всю с удовольствием и все упрекали меня за то, что я не угощал их такой вкуснотой раньше.

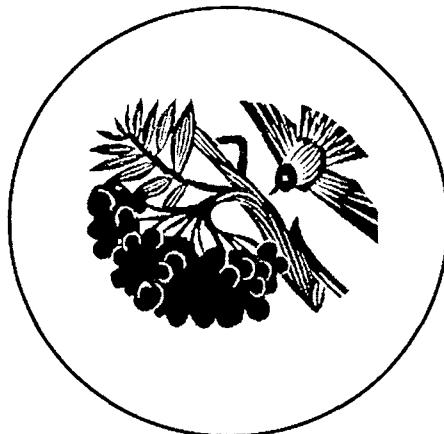
— Это же совсем разные вещи! — говорила мне старшая дочь. — Неужели ты не понимаешь? Это разные рябины.

Вот оно как, я же и виноват оказался. Ладно, кушайте, раз по душе пришлось! И пусть она спасает и вас от любого угара, наша рябина.

А под конец, когда все успокоились, я услышал один доверительный и добрый голос:

— Папа, разве там, на твоей родине, много такой рябины? Может быть, осенью съездим, наберем, а? Той, вашей! Только ведь осенью опять в школу надо...

1965

**ПОСВЯЩАЕТСЯ
АЛЕКСАНДРУ ЯШИНУ**

Александр Романов

«УГОЩАЮ РЯБИНОЙ»

В отдаленье, а будто рядом
Он стоит под красной рябиной.
Без любви, а с влюбленным взглядом,
Без вины, а с душой повинной.
Одаряет людей кистями,
Будто северной поздней зорькой.
Но объелись люди сластями,
Разве им до рябины горькой?
В мире нет беды окаянней,
Чем к родной земле безразличье.
Раскаляется в покаянье
Слово медленное, мужичье.
Он выкатывает из сердца
Это слово, почуяв силу,
Чтоб согреться и опереться
И всмотреться людям в Россию.
В этом слове для жизни все есть:
Умудренно светит отрада,
Обнаженно тоскует совесть,
Неподкупно пылает правда.
И в стихи его корневые
Рифмы катятся без запинки,
Словно ягоды наливные –
Наши клюквинки и рябинки.

Анатолий Передреев

АЛЕКСАНДРУ ЯШИНУ

Теперь спокойно Вам...
И мне печально...
Я помню Вас,
Я вижу Вас
Во мгле!
Хоть, кажется, встречались мы
Случайно
Всего лишь два-три раза
На земле.
И всякий раз мне виделось
При встрече –
Друг друга
Узнавали мы с трудом,
Когда шумел
В разгуле красноречья
Меня и Вас объединяющий
Дом.

Ничем
Души моей Вы не касались,
Когда с прямой –
Подчеркнуто –
Спиной
Нетерпеливым путником казались,
Прислушавшимся
К ветру за стеной.
Нас не сближал
Ни общий стол,
Ни водка.

Казалось, чужд мне
Говор Ваших мест,
И Ваша слишком строгая
Походка,
И слишком взгляд безжалостный,
И жест...

И вот теперь –
Страницы книги Вашей,
Посмертные
И – узнанные вновь...
Я чувствую,
Всем сердцем к ним припавши,
Какая
Вами двигала
Любовь!

Да,
Вы имели право
На тревожный,
На резкий облик
Неуютный свой...
Как путник,
Мглой застигнутый дорожной,
Прислушавшийся
К ветру над землей!

Вы только правдой
В мире дорожили,
И говор Ваш
И выговор,
И стать
Лишь одному призванию

Служили –
Все на земле
По имени назвать.

Вы шли открыто,
Напрямик спешили...
Но многие ль
Сумели подсмотреть,
Что на земле
Как человек
Вы жили
И как поэт
Предчувствовали смерть...

Лев Озеров

ОДНА СТРОКА

Спешите делать добрые дела.

А. Яшин

Как будто друга вынес из огня,
Как будто на груди рванул сорочку,
Давным-давно, еще в разгаре дня,
Ты написал навылет эту строчку
Навыдох, вопрошающе, навздых...
Так написал ты, что зажглась бумага
И на щеках у нас зажегся стыд,
Стыд, за которым следует отвага.
Ты знал добро?

Ты мало знал добра.
И слишком рано ты ушел со света.
Спешите!.. Ах, не с кончика пера –
Из сердца выкатилась строчка эта.

Виктор Гончаров

* * *

Мы выросли, пощады не моля,
Нас корчевали, били и топтали,
Но деревца из-под беды вставали,
Их поднимала мать сыра-земля.
Я знал, я видел: каётся поэт
И мается, и не находит места.
Боль у него от Колымы до Бреста,
Хоть нет вины, но и покоя нет.
Я знал, я понимал, как ненавидит он
Тех, кто, хмелея от бездумной власти,
Толкует нам о недалеком счастье,
Загнав под стражу правду и закон.
Он не хотел быть чьим-то рычагом,
Он огрызлся грозно и сурово,
Однако часто застыпало слово
В его гортани огненным комком.
Я знал, я чувствовал, он до корней влюблен
В ту часть земли, что величают Русью,
В застолье, забываясь вязкой грустью,
Глядел на мир с большой надеждой он.
Сын Вологодчины, он рыжим был, что рожь,
Его глаза цвели неотразимо,
Он говорил: «Где колосится ложь,
Там правде дружной быть необходимо...»
Лес возрастал, пощады не моля,
Его то корчевали, то сжигали,
Но деревца из-под беды вставали,
Их поднимала мать сыра-земля.
То было дело не одной весны,

Поскольку с новым не спешит природа,
И вывелаась особая порода
Ольхи и дуба, ели и сосны.
И стали замечать меж деревами
Деревья с обнаженными стволами,
Порода новая, бескорый звучный клен,
Что до корней в родимый край влюблен...
Ах, Яшин Саша, наша боль и слезы,
Родоначальник деревенской прозы.

Николай Рубцов

ПОСЛЕДНИЙ ПАРОХОД

Памяти А. Яшина

...Мы сразу стали тише и взрослей.
Одно поют своим согласным хором
И темный лес, и стаи журавлей
Над тем Бобришным дремлющим угород...

В леса глухие, в самый древний град
Плыл пароход, разбрызгивая воду, –
Скажите мне, кто был тогда не рад?
Смеясь, ходили мы по пароходу.
А он, большой, на борт облокотясь, –
Он, написавший столько мудрых книжек, –
Смотрел туда, где свет зари и грязь
Меж потонувших в зелени домишек.
И нас, пестрея, радовала вязь
Густых ветвей, заборов и домишек,
Но он, глазами грустными смеясь,
Порой смотрел на нас, как на мальчишек...

В леса глухие, в самый древний град
Плыл пароход, разбрызгивая воду, –
Скажите, кто вернулся бы назад?
Смеясь, ходили мы по пароходу.
А он, больной, скрывая свой недуг, –
Он, написавший столько мудрых книжек, –
На целый день расстраивался вдруг
Из-за каких-то мелких окунишек.

И мы, сосредоточась, чуть заря,
Из водных трав таскали окунешек,
Но он, всерьез о чем-то говоря,
Порой смотрел на нас, как на мальчишек...

В леса глухие, в самый древний град
Плыл пароход, встречаемый народом...
Скажите мне, кто в этом виноват,
Что пароход, где смех царил и лад,
Стал для него последним пароходом?
Что вдруг мы стали тише и взрослей,
Что грустно так поют суровым хором
И темный лес, и стаи журавлей
Над беспробудно дремлющим угором...

Виктор Коротаев

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

Когда шептались праведники глухо,
Когда бетон внедрялся и металл,
Он колокольней мужества и духа
Под громами безбожников стоял.

У этих все в погляде, кроме дружбы.
Но было даже им не по плечу
Святилище на собственные нужды
Свалить и растаскать по кирпичу.

По-прежнему по селам и предместьям
В хмельном апреле, в стылом октябре
Колоколами совести и чести
Уснувшие будились на заре.

Немало жаркой крови потерял он
И вылезал не раз из-под копыт.
Мы созданы из нежных матерьялов,
А время даже камни не щадит.

И он не избежал обычной смерти,
Но не одни потери позади:
Призывно оживают на рассвете
Его колокола у нас в груди.

К нему сегодня все идут с цветами,
Как будто наконец собрались здесь

Все незабудки те, что за делами
Живому не успели преподнестъ.

А жил он так, на почести не падкий,
Так резал правду до конца пути,
Что недруги – и то не без оглядки –
Лишь к мертвому осмелились прийти.

Михаил Яшин

ДРУЗЬЯ ОТЦА

Я думал, вас осталось мало –
По пальцам можно перечесть.
И часто память забывала,
Что все-таки, наверно, есть

Еще

друзья отца на свете.
(Как и враги – само собой...)
Ведь кто-то должен быть в ответе
За человеческую боль.

Ведь кто-то должен оставаться,
Когда уходит человек,
И воевать,
И не сдаваться,
И падать замерзть на снег...

И вдруг, как чудо, –
Мир так тесен! –
Как светлый ветер,
Не спеша
Запели строчки вольных песен.
И вмиг опомнилась душа.

И сразу канула тревога...
Мне одиноким быть нельзя.
Друзья отца,
Вас очень много!
Вы и мои теперь друзья!

Я с вами,
Кажется, по праву.
И пусть кому-то не по нраву, —
Мы с вами многое должны.
Вы мне как мужество нужны.

Виктор Боков

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

Растягивался! Был, как хлыст.
И терпелив, как шахматная пешка.
Бледнел, как предосенний лист,
И что-то думал неутешно.

– А я тебе сварил уху.
Сварил картошку.
– Эка невидалъ! –
С тревогой лез в карман.
– А где ключи? –
Ловил слова своим рыбачьим неводом.

– Ты труженик! Ты не ленивец! –
Мне говорил, одновременно миру. –
Давно у нас в стране вожди сменились,
А жизнь никак не набирает силу! –

Он был аскет. Он блюл посты,
Он придавал всему значенье.
Просил: – А ты меня прости!
– За что? – За все без исключенья! –
Не умер он, ушел в скиты,
За дальние пределы пашен, –
От ежедневной суеты,
От незначительности нашей!

Содержание

НЕМНОГО О СЕБЕ	5
О МОИХ КОРНЯХ	9
поэзия	
ДРУЖБА	15
ПРИСКАЗКИ	19
ТУЧА	24
«НИКОГДА ТАК НИЗКО НЕ СВИСАЛИ...»	25
ХУДОЖНИК	27
«НЕ ПОЗАБЫТЬ МНЕ ПЕРВЫХ СХВАТОК...»	29
ПОЛЕ	31
БАЛЛАДА О ТАНКЕ	33
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПОЭМА (Фрагменты)	35
НЕ УМРУ	43
«НАЗОВИ МЕНЯ ИМЕНЕМ СВЕТЛЫМ...»	45
ПЛЕННЫЕ В СТАЛИНГРАДЕ	46
КАНАВА	47
МАТРОССКИЙ СЫН	49
ДЕРЕВНЯ БЛУДНОВО	51
ОСЕНЬ-КРАСАВИЦА	54
ЛИЦО ВРАГА	55
СОРОК ПЕРВЫЙ ГОД	57
ПОДРОСТКИ	58
НЕ РАЗУЧИЛСЯ ЛЬ ХОДИТЬ ЗА ПЛУГОМ?..	60
«КАЖДЫЙ ГОД ВЕСНА КАК ЧУДО...»	61
БАЙКА	62
ПЕРВЫЙ СНЕГ	63
СВЕЖИЙ ХЛЕБ	65
ДОЖИНКИ	66
«БОР, КАЗАЛОСЬ, БЫЛ НЕ ШИРОК...»	69
В ГОСТЯХ У СЫНА	70
ТОЛЬКО НА РОДИНЕ	73
В МОРСКОМ МУЗЕЕ	74
ПОСЛЕ ДОЖДЯ	75
«МНОГО ЕСТЬ ХОРОШЕГО НА СВЕТЕ...»	76
ЗАЙЧОНOK	77
ОРЕЛ	78

МОСКВА – ВОЛОГДА	79
«ВСПОЛОШИЛИСЬ НАД ЛЕСОМ ВОРОНЫ...»	81
СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА	82
ПУСТЫРЬ	83
НЕУЛЫБЧИВОМУ ЧЕЛОВЕКУ	84
РУССКИЙ ЯЗЫК	85
ЛЮБЛЮ ВСЕ ЖИВОЕ	86
ДОБРЫЙ ПРАЗДНИК	87
НОВОЗЕРО	89
ПИСЬМО В «ЛЕСНУЮ ГАЗЕТУ»	90
ОГОНЕК	93
ТОПЯТСЯ ПЕЧИ	94
ПЛЕСНЯ БЕЗ СЛОВ	96
РОДНЫЕ СЛОВА	97
НА БОБРИШНОМ УГОРЕ	99
ВСЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА	101
СКАЗКА ПРО МЕДВЕДЯ	103
БЕЛИЧЬИ СВАДЬБЫ	105
ПОКОРМИТЕ ПТИЦ	106
СЧАСТЛИВ ЛИ Я?	107
ЧЕРЕМУХА	108
КУЛИК	109
ДЕНЬ ТВОРЕНЬЯ	110
ПОЧЕМУ НЕ УДИВЛЯЕМСЯ	113
ЧЕГО ЕЩЕ СЕРДЦЕ ПРОСИТ?	115
В КОНЦЕ ПУТИ	117
НОЧНОЙ ПОЕЗД	119
ДЖИН	120
МУХОМОРЫ	122
«ТИШИНА НАД РЕКОЮ...»	124
СВОЕ ДОБРО	126
МЫ БЫЛИ МОЛОДЫ	128
С ДОБРЫМ УТРОМ!	131

ПРОЗА

СЛАДКИЙ ОСТРОВ

Когда мы уедем?	135
Щука.	143
Раки	148

Тысяча первая песня	150
Моряком будешь!	158
Крапивное семя	161
Сударева лодка	163
Каменная грязь	167
Грибные шашлыки	169
Новая считалка	173
Мамины сказки	
1. Чайка	174
2. Лунный мостик	176
3. Утро	177
Спасибо, что разбудил меня!	181
ОЗЕРНЫЕ КОРОВЫ	183
ЖУРАВЛИ (Сила слов)	188
МИХАЛ МИХАЛЫЧ	191
ТВОРЧЕСТВО	193
ПЕРВЫЙ ГОНОРАР	195
ВОЛК В ГОРОДЕ	201
НЕ СОБАКА И НЕ КОРОВА	207
СТАРЫЙ ВАЛЕНOK	209
ЖИВОДЕР	217
СВОБОДА	221
УГОЩАЮ РЯБИНОЙ. Рассказ	223

ПОСВЯЩАЕТСЯ АЛЕКСАНДРУ ЯШИНУ

Александр Романов. «УГОЩАЮ РЯБИНОЙ»	239
Анатолий Передреев. АЛЕКСАНДРУ ЯШИНУ («ТЕПЕРЬ СПОКОЙНО ВАМ...»)	240
Лев Озеров. ОДНА СТРОКА	243
Виктор Гончаров. «МЫ ВЫРОСЛИ, ПОЩАДЫ НЕ МОЛЯ...»	244
Николай Рубцов. ПОСЛЕДНИЙ ПАРОХОД	246
Виктор Коротаев. ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА	248
Михаил Яшин. ДРУЗЬЯ ОТЦА	250
Виктор Боков. ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА	252

На обложке – репродукция с картины Е. А. Соколова
«Журавли над Николой» (1985, ВОКГ).
На фронтисписе – портрет А. Я. Яшина
работы В. Н. Корбакова (1966, ВОКГ).
В оформлении шмунтитулов использованы
гравюры Г. Н. и Н. В. Бурмагиных (1971).

Литературно-художественное издание

Яшин Александр Яковлевич

ЭТИ ВОТ РОДИМЫЕ МЕСТА

Составитель *С. Ю. Баранов*
Редактор *О. М. Чернышева*

Оригинал-макет подготовлен в ООО «Учебная литература»

Подписано в печать 10.06.2013 г. Формат 70x90/16. Гарнитура SchoolBook.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,72. Тираж 2000 экз. Заказ 67.

Отпечатано в ООО ПФ «Полиграф-Книга»
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3

9 785989 250363

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА
2013